При свете дня

Художественная литература 2026

При свете дня

См. также: Солоухин В.А. Соленое озеро

Портретов Ленина не видно;
Похожих не было и нет,
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет

Николай Полетаев Поэт 20-х годов

Понятие диктатуры означает не что иное, как ни чем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть.

Ленин. Собр. Соч. Т. 41, стр. 383 «Съезд советов». Речь Ленина.

О, какое это животное!

Иван Бунин. «Окаянные дни», стр. 35.

Почему запомнился этот эпизод более чем тридцатилетней давности? О, тому имеются основания. Точную дату так вот с ходу уяснить не удастся. Разве что звонить участникам и расспрашивать. Но участников-то, если не большинства, то многих уж нет на свете.

Твардовского — нет. Суркова — нет, Сергея Васильева — нет, Георгия Леонидзе, на даче которого происходила та пирушка, тоже на этом свете — нет. Не знаю, жив ли Василий Павлович Мжаванадзе. Едва ли. Был отстранен от дел (от Первого секретаря ЦК Грузии), обосновался где-то в Подмосковье, и — тишина. А ведь та шумная «Декада русской литературы» в Грузии проходила под его, как говорится, крылом. И жили мы все (около двадцати человек) на правительственной даче под Тбилиси.

Да, Твардовского, Сергея Васильева, Суркова, Тихонова — нет. Но живы Доризо, Боков, Долматовский… Остальных участников не помню.

Луконин? Возможно. Друнина? Елена Николаевская? Нет, не помню.

Надо поднимать документы, архивы. Осталось общее впечатление десятидневного буйного праздника. Перед каждым селением — школьники с цветами, подносы с вином. Между селениями эскорты мотоциклистов, потом — застолья. Хрущевские времена. Район перед районом старался не ударить в грязь лицом. То — застолье в подвалах Цинандали, то — застолье в руинах старинной крепости, а то — в реке…

Да, в быстрой светлой реке. Устроили там помост, по дощечкам мы пробирались к столам, и у нас под ногами (видно сквозь щели) мчится вода. Цыплячью косточку или объеденную виноградную кисть не заботься положить на тарелку, бросай вниз, унесет речная струя. Из калейдоскопа лиц, тостов, блюд, бокалов, рукопожатий, обниманий, целований выделились и остались три эпизода. Один — на той правительственной даче, где мы жили (ночевали, вернее сказать). Там ведь стояли постоянно накрытые столы. Белоснежные скатерти, тарелочки большие и маленькие — по ранжиру. Достаточно сесть за стол, как тотчас появляется «молодой человек» (а то и двое) с коньячной бутылкой в руке. Ну и закуска будет по вашему

требованию. Без толку не стоит, чтобы не заветривалась. И вот уж не в последний ли вечер нашего там пребывания разговорились о винах, о грузинских, в частности, винах, и вдруг выяснилось, что никто из нас не знает, что за вино «Чхавери».

Знаем все эти «Мукузани», «Гурджаани», «Тибаани», знали также все эти сластящие — «Оджалеши», «Ахашени», «Твиши», «Кинзмараули», «Хванчкару», но вот — «Чхавери»…

— Да вы что?! — удивился кто-то из грузин. — Как же вы жили до сих пор? Это же розовое вино, это же тончайший букет, это же… Это же…

— Но ведь мы же находимся на правительственной даче. Здесь, небось, свои винные погреба… Молодой человек!.. Молодой человек тут как тут.

— У вас найдется «Чхавери»?

— Разумеется!

И вот оно — розовое вино. Тончайший букет. «Чхавери».

Нюхали, пригубливали, причмокивали… Да… «Чхавери»… Распили по бокалу, потом по второму и как-то сразу остановились. И кто-то уж произнес приговор: «Замечательное вино, тончайшее, но… не рабочее».

«Не рабочее» не в том смысле, что не для рабочего класса, а не рабочее в том смысле, что нельзя в тесном кругу друзей сидеть и пить целый вечер, как, например, «Тибаани», когда бокал за бокалом, а затем и бутылка за бутылкой… Нет, не рабочее вино «Чхавери». Но все же попробовали и теперь будем знать.

Второй памятный эпизод — другого характера. Все мы знали, что Твардовский не любит Маяковского. И поделом. Многие недоумевали: как же так? А мне всегда это было понятно, но только я не знал, до какой степени простирается эта нелюбовь и насколько принципиальна. И вот, когда приехали в Багдади, к дому, где родился поэт, и все «участники» и сопутствующие, разные там корреспонденты, повалили валом в мемориальный домик, Твардовский не вышел из машины. То есть даже на землю не ступил, где ступали босые ножонки будущего поэта. Проявил строгость. Что же, такое не забывается. Иные считали, что это бравада, вызов общественному мнению. Скажите, пожалуйста! Все — любят, все считают крупнейшим и талантливейшим, а он, видите ли, — не любит! Куда Союз писателей смотрит? И никому не пришло в голову, что Маяковского не только можно не любить, что его надо не любить, что его вовсе и не за что любить, и вот нашелся человек, нашлась личность, которая продемонстрировала публично (хотя и безмолвно) свою нелюбовь: Твардовский не вышел из машины возле домика, где родился Маяковский. Мог себе позволить.

Третий эпизод оказался для меня наиболее памятным и даже знаменательным. Ведь я впервые, публично… и где? И при каком составе людей?.. Но надобно сказать несколько предварительных слов.

Дело в том, что и я сначала был, как все, как Долматовский, как Доризо и Боков, как Луконин и Дудин, как — если взять повыше — Тихонов или Федин. Впрочем, кто их знает, что каждый из них про себя думает. Берем поведение. Ведут себя все одинаково, и когда приходится дудеть в дуду, то все дудят в одну и ту же дуду. Вон Твардовский лишь выделился, не вышел из машины, не пошел в дом Маяковского. Но тоже ведь не Бог весть какая политическая демонстрация! Вот если бы он демонстративно Ленину не пошел возлагать цветы!..

Дело в том, что за внешней оболочкой обыкновенного советского писателя во мне к описываемому моменту произошли такие сдвиги в сознании и перемены в мировоззрении, что — демонстративно, не демонстративно, — но, пожалуй, я отошел бы в сторонку, смешался бы с толпой и не пошел бы возлагать цветы Ленину.

Писательская профессия состоит в том, чтобы высказывать свои мысли. И свои чувства. Притом что мысли, не высказанные на страницах прозы или в стихах, невольно будут проскальзывать в устных разговорах и спорах. Будет, будет высовываться шильце сквозь родины мешка.

Поэтому (заранее надо сказать) писателю-профессионалу трудно быть конспиратором, даже если речь идет пока не о тайной какой-нибудь организации, а лишь о тайных мыслях и знаниях. Недаром ведь и Пушкина члены тайных российских обществ боялись приобщить к своим тайнам, да так и не допустили до них. Поэт! Что с него взять?

Обязательно проболтается, не в разговоре, так в стихах где-нибудь.

Повеет, повеет помимо желания новым духом.

Вот и я не мог уже удержать в себе этот новый дух. Крепился пока, не раскрывался пока, но не хватало лишь малого толчка, чтобы подняться в рост и, не думая уже ни о чем, ни о каких бы то ни было последствиях, открыто и внятно заговорить. То и дело создавала жизнь положения (ситуации), когда невозможно было промолчать, стерпеть, не возвысить голос. И, наконец, мало того, что ситуация создалась, она усугубилась тем, что произошла во время грузинского, вернее сказать, грузинско-русского писательского застолья.

Это было в Кахетии, на даче у Георгия Леонидзе. Ведь во время таких вот «декад», помимо официальных встреч и «мероприятий», «разбирают» нас, участников, по своим домам грузинские писатели. То Ираклий Абашидзе, то Константин Гамсахурдиа, то Иосиф Нонешвили…

Теперь вот Георгий Леонидзе на своей даче.

Неторопливы и велеречивы грузинские застолья, рассчитаны они на много часов. Успеют сидящие за столом и произнести все необходимые тосты, успеют грузины и спеть свои песни, успеют и почитать стихи. В этот раз настроение сложилось такое, что поэты (и прославленные поэты!) начали вдруг один за другим читать не свои, а чужие стихи. Это часто бывает. Ведь у каждого поэта-профессионала есть любимые чужие стихи, а прочитать такое стихотворение под настроение все равно что спеть хорошую песню. Вот и зазвучали Гумилев, Цветаева, Блок… Кто-то прочитал «Мать» Николая Дементьева, кто-то «Зодчие» Дмитрия Кедрина, кто-то «Прасковью» Исаковского. Так шло, пока Сергей Васильев не встал и не оперся руками о край стола, словно собирался не стихи читать, а произносить речь на московском писательском собрании. Он выдвинул вперед тяжелый свой подбородок, оперся кулаками (а рукава засучены) о край стола и в своей манере (то есть немного гнусавя в нос) заговорил:

— Да, дорогие друзья, да, да и да. Как только мы начинаем читать любимые стихи, сразу идут Гумилев и Блок. Хорошо, что прозвучали тут милые наши, можно сказать, современники: и Коля Дементьев, и Боря Корнилов, и Паша Васильев. Но я вам сейчас прочитаю одно прекрасное, воистину хрестоматийное стихотворение поэта, имя которого никогда, к сожалению, не возникает уже много лет в наших поэтических разговорах. Что-то вроде дурного тона. А между тем — напрасно. И я сейчас, идя наперекор установившейся традиции, назову это имя — Демьян Бедный.

Тут действительно шумок пробежал по застолью, так неожиданно оказалось это для всех, хотя и непонятно было, то ли это одобрительный шумок, то ли от удивления.

— Да, да и да! И чтобы показать вам, какой это был все-таки превосходный поэт, я прочитаю сейчас одно его стихотворение. Это маленький шедевр, забытый, к сожалению. А забывать такие стихи нам не следовало бы.

И Сергей Васильев, еще больше выставив вперед свою тяжелую нижнюю челюсть и еще тверже опершись о край стола большими волосатыми руками (кулаками), внятно донося каждое слово, проникаясь каждым словом до глубин своей собственной души, прочитал нам стихотворение, которое перед этим назвал шедевром.

НИКТО НЕ ЗНАЛ…

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.

Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.

На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.

На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске, —
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.

На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.

К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.

Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный!»

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России… Ленин родился!

Закончив чтение, Сергей Васильев обвел застолье победоносным, прямо-таки торжествующим взглядом. Те, кто постарше, по-патриаршьи закивали головами: «Да, да, забываем нашу классику, наши хрестоматийные стихи». Иные — помоложе — просветлели, словно омылись в родниковой воде, один озарился, раскуривая трубку, как бы собираясь высказать что-то еще более одобрительное. Прокофьев потянулся чокаться к декламатору, а сам толкал Доризо, сидящего по соседству: «Кольк, Кольк, а?» И вот-вот расплачется от умиления: «Кольк, Кольк, вот как надо писать-то».

Не знаю уж, как получилось, то ли я насупился угрюмо над своим бокалом, не поднимая глаз, то ли какие-то особенные ледяные эманации, флюиды излучались от меня на все застолье, но только все как-то вдруг замолчали и уставились на меня выжидающе, вопросительно, словно предчувствуя, что я сейчас могу встать и высказаться. Хозяин дома, как чуткий и опытный тамада, тотчас и дал мне слово.

Хочу отметить: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю».

Хочу отметить, что миг преодоления чугунного земного притяжения, миг, когда человек, преодолевая в первую очередь сам себя, поднимается на бруствер, над которым свистят пули, и уже не думает больше ни о чем, даже о том, много ли секунд или минут отпущено ему на то, чтобы ни о чем больше не думать, должен отметить, что этот миг преодоления самого себя — великий миг.

Неужели они ждали, что я сейчас провозглашу здравицу за бедного и забытого Демьяна или, на худой конец, за Сергея Васильева, вспомнившего забытое стихотворение? Или уж не ждали ли они, что я провозглашу тост за героя стихотворения и за тот день, за тот знаменательный для всей России (и всего мира) день, когда вот-де родился в Симбирске мальчик, и никто этого в тот день не заметил, не знал. Или провозгласить бы мне тост за всю Россию, которую новорожденный впоследствии — предполагается всеми людьми — вывел из тьмы, осветил и спас. Но я уже встал, и стакан, как я успел заметить, отнюдь не дрожал в моей руке.

— Персонаж только что прочитанного пасквиля на Россию назвал однажды Льва Толстого срывателем всех и всяческих масок.

Очень ему нравился этот процесс, включая и ту стадию, когда вместо «масок» начинают срывать уже одежды со своей собственной матери, стремясь обнажать и показывать всему свету ее наиболее язвенные места.

Для родного сына занятие не очень-то благородное и похвальное. Но Толстой был хоть гений. Тот, еще до того, как заняться срыванием всех и всяческих масок, чем заслужил от главного ненавистника России похвалу и даже звание зеркала революции, тот хоть успел нарисовать нам образ великой и просвещенной, красивой и одухотворенной России.

Вдохновенный портрет ее вырос перед нами из ее военного подвига и составился из отдельных прекрасных образов: Андрея Болконского, Наташи Ростовой, Пьера Безухова, Пети Ростова, Левина и Кити, Вронского и Анны Карениной, Оленина, Марьянки, Ерошки, Кутузова, Тушина, Багратиона, Дениса Давыдова…

Что же мы услышали здесь, извергнутое в свое время, если не ошибаюсь, в 1927 году, грязными и словоблудными устами Демьяна Бедного, который по сравнению со Львом Толстым не заслуживает, конечно, другого названия, кроме жалкой шавки, тявкающей из подворотни?

Рокот недоумения и возмущения прошелестел по застолью. Но, как видно, соскучились они в своем сиропе по острому, никто не оборвал, не пресек, давая возможность высказаться.

— Я сознательно груб. Но мои эпитеты (перефразируя известное место у Белинского) слишком слабы и нежны, чтобы выразить состояние, в которое меня привело слушание этого стихотворения, а точнее сказать, стихотворного пасквиля на Россию. В каждом из нас, как в организме, много всякого. Считается, что и каждом из нас приблизительно по 1400 граммов мозга, около четырех литров крови, но, конечно, есть (в кишечнике) и кое-что еще. На что смотреть и что нюхать…

Что такое Россия в 1870 году? Творит Достоевский. Звучат новые симфонии и оперы Чайковского. В расцвете творческих сил Толстой.

Роман за романом издает Иван Сергеевич Тургенев («Вешние воды» — 1872 г., «Дым» — 1867 г., «Новь» — 1877 г.). Александр Порфирьевич Бородин создает «Богатырскую симфонию», оперу «Князь Игорь», а как химик открывает в 1872 году (одновременно с Ш. А. Вюрцем) альдольную конденсацию. Не знаю, право, что это такое — альдольная конденсация, — но верно уж факт не менее важный, нежели пожарный на каланче. Да, так вот, звучат симфонии и оперы русских композиторов, в деревнях звучат народные песни, хороводы. Сошлемся на Некрасова:

«Будут песни к нему хороводные из села на заре долетать, будут нивы ему хлебородные (хлебородные, заметьте) безгреховные сны навевать».

Менделеев уже открыл свою периодическую таблицу, Тимирязев вот-вот начнет читать свои блестящие лекции. В Москве возводится грандиозное ослепительно белое златоглавое сооружение — памятник московскому пожару, Бородину и вообще победе над Наполеоном. В России от края до края бурлит 18 000 ежегодных ярмарок. Через восемь лет Россия, жертвуя своей кровью, освободит ближайшую родственницу, сестру Болгарию, от турецкого ига… Я думаю, если бы поднять газеты того времени, мы найдем там много такого, что можно было бы почитать с гордостью за Россию, за ее общественную жизнь, за ее дела. Ведь именно на эти годы (и на 1870-й в том числе) приходится активная научно-исследовательская деятельность, скажем, Пржевальского и Миклухо-Маклая.

И что же поэт-пасквилянт выбрал из всей российской действительности того времени, чтобы показать свету? Повторяю в коротком пересказе. Серенькая мгла. А почему, собственно, в апреле серенькая мгла? Более вероятно, что день был яркий, весенний, грачи прилетели, ледоход на Волге. Городовой на углу и поп в соборе. У дверей питейной лавки шумит пьяный скоп. Очередь, что ли, там за водкой на полкилометра? На рынке лаются торговки. Не просто ведь торгуют всевозможной изобильной снедью, а обязательно лаются. А чего бы им лаяться, когда всего полно — и снеди, и покупателей? Мещанки мечутся в ситцевом ряду. Это уж совсем что-то непонятное. Ситцев огромный выбор, ситцы дешевые, на всех хватит, и завтра их будет столько же, и каждый день, каждый год вплоть до того дня, когда к власти придет тот, кто родился в этот апрельский денек. Вот тогда действительно с ситцами будет покончено, тогда будут метаться наши женщины в поисках ситцев, а в те времена… Непонятно. На каланче пожарный, прикованный, как зверь к кольцу. Ну, знаете ли… Не хватает уже ни слов, ни злости. При чем тут пожарный, который исправно на каланче несет свою службу, свое дежурство? Солдатня марширует под угарный мат. Не просто солдаты, русские солдаты, герои Измаила, Бородина, Севастополя (а вскоре и Щипки), а солдатня. Почему солдатня? Потому что подчиняются своим командирам, потому что служат царю и отечеству, а хуже этого, с точки зрения младенца, народившегося в тот апрельский денек, ничего быть не может…

Как же надо было ненавидеть Россию, свою родную мать, чтобы собрать в одно стихотворение все наиболее грязное, мерзкое, да и не просто собрать, но пасквильно, клеветнически преувеличить и даже выдумать и преподнести нам эту вонючую жижу, чтобы мы ее нюхали.

Вот вы, хозяин стола, — грузин. Возможно ли, чтобы грузинский поэт написал бы нечто столь же омерзительное о прошлом своей страны?

Только мы, самоеды и предатели, мало того что способны написать такое, способны еще и восхищаться этой гадостью сорок лет спустя после ее написания.

Меня уже понесло, а между тем надо было сворачивать на тост.

— Есть табу. Есть запретные вещи. Нельзя взрослому человеку, мужчине, подглядывать, как раздевается мать. Вот он раздвинул занавесочку и в щелочку подглядел: «Гы-гы, сиськи висят!» И снова щелочку закрыл, и ничего словно бы не случилось. Нет, случилось! Он переступил запретную грань. В душе своей. Из человека он превратился в хама.

А я нарисую и еще более трагическую ситуацию. Представим себе, что разбойники под угрозой оружия и смерти заставили взрослого мужчину изнасиловать собственную мать. Их было несколько сыновей.

Один, хоть и наставлены пистолеты и приставлены ножи к горлу, бросился на разбойников и тотчас погиб. Что же, были у России и такие сыновья. Подставьте сюда все восстания, прошумевшие в России после захвата власти бандитами в 1917 году, восстания Ижорско-Колпинское, Путиловское, Кронштадтское, Ярославское, Тамбовское, Пензенское, Ижевское, Астраханское, Якутское, Хакасское, восстания по всему Дону, по всей Сибири, Белое добровольческое движение — и все это было потоплено в крови. Все это были сыновья России, которые предпочли погибнуть, но избежать насилия и позора. Второй брат под угрозой бандитов покорился и совершил насилие. Третий, хоть сам и не насильничал, но смотрел, как насильничает его брат, и не пошевелился, потому что у горла — нож. И вот они оба остались живы, но жалка их участь и страшна их жизнь. И что же теперь с них спрашивать? Они теперь могут все, и ничего недозволенного для них нет. После насилия над собственной матерью что для них осталось святого? Что для них насилие над чужой женщиной? Или вообще над другим человеком?

Взрывать, жечь, убивать, мучить, предавать, доносить — все пожалуйста!

А уж глумиться на словах — про это и говорить нечего.

Вы можете не поддержать меня в этом тосте, но я хочу выпить за настоящие сыновьи чувства, за настоящее мужество, которое предпочитает смерть покорности и позору. Я рад провозгласить этот тост на древней грузинской земле, которую всегда отличали рыцарство, благородство, доблесть. Ваш***а***!..

Застолье застольем и речи речами, но пасквильный стишок Демьяна Бедного задел меня за живое, и я потом полистал кое-какие книги и справочники. Не с той степенью дотошности, как если бы собирался писать экономическое исследование, но все же — про запас — чтобы можно было смазать по сусалам какого-нибудь «застольного» ретивого оппонента.

Я узнал, что в последней четверти XIX века в России были протянуты все основные нитки железных дорог, которыми, кстати, мы пользуемся до сих пор, крича, что мы великая железнодорожная держава.

Но, кстати же, которые (нитки прошлого века) все пора реконструировать и нужно для этого 25 000 000 новых шпал, а взять их неоткуда, поэтому наши современные железные дороги находятся в катастрофическом состоянии (тихоходность и опоздания поездов, повышенная аварийность).

Не думаю, что Россия, если бы не случилось с ней беды в 1917 году, держала бы свои дороги в таком чудовищном состоянии.

Профессором Вернадским был разработан план электрификации всей России, который большевики, бессовестно присвоив, назвали Планом ГОЭЛРО. Была построена КВЖД, которую дураки подарили потом Китаю. К 1913 году в России был построен самый большой в мире самолет «Илья Муромец», а его конструктор Сикорский, вынужденный эмигрировать, многие годы и десятилетия оплодотворял своими идеями самолетостроение Запада. Царские ледоколы, переименованные в «Красиных», долго еще служили советской власти. Царские линкоры, переименованные в «Маратов» и в «Парижские коммуны», долго еще состояли на вооружении советского военного флота. Россия уже наладила производство своих автомобилей. По стали Россия не занимала первого места в мире, а занимала четвертое и пятое, но ведь и мы теперь, увы, не на первом месте.

Каждый читатель, если захочет, может достать нужные справочники. Он увидит в подробности, если справочники будут, конечно, не советского производства, что Россия действительно стояла по всем отраслям промышленности и земледелия на уровне задач того времени, не занимая, может быть, первых мест, но была в ряду великих держав: Америки, Франции, Англии и Германии. Зато она занимала первое, недосягаемое место по темпам роста. Она стремилась вверх, подобно современному истребителю-перехватчику, из-за чего и была фактически сбита влет. Международный капитал, который боялся угрожающе стремительного развития величайшей на земном шаре державы, использовал большевиков, эту денационализированную антироссийскую силу, для подрыва изнутри и сокрушения могучего государства.

Все же приведем некоторые цифры. Начатое при Александре II усиленное железнодорожное строительство несколько замедлило темп в 80-е годы, но в 90-х годах оно двинулось вперед с исключительной быстротой: за десятилетие 1861–1870 гг. было построено 8,8 тысячи верст новых железнодорожных линий, в 1871–1880 гг. — 10,9 тысячи верст, в 1881–1890 гг. — 7,5 тысячи верст, а в 1891–1900 гг. — 21 тысяча верст. В 1891 году приступили к сооружению Великой Сибирской железной дороги, имевшей огромное народнохозяйственное (и общегосударственное) значение. Общая длина железнодорожных линий в 1905 году составляла 64000 километров.

Общую картину предреволюционного экономического подъема представляет следующая таблица:

1899

1913

Увеличение

Валовой сбор хлеба (миллиардов пудов)

3,7

5,4

46%

Экспорт хлебных продуктов (миллионов пудов)

352

648

84%

Экспорт всех товаров (млн. рублей)

627

1520

142%

Добыча каменного угля (млн. пудов)

853

2214

147%

Добыча нефти (млн. пудов)

550

561

2%

Выплавка чугуна (млн. пудов)

164

283

72%

Производство железа и стали

145

247

70%

Производство меди (тысяч пудов)

460

2048

345%

Производство сахара (млн. пудов)

42

92

111%

Потребление хлопка (млн. пудов)

16,1

25,9

53%

Грузооборот железных дорог (млрд. пудов)

3,7

7,9

113%

Обороты промышленных предприятий (млн. рублей)

3503

6882

96%

Основные капиталы акционерных промышленных предприятий (млн. рублей)

5466

7644

40%

Обороты торговых предприятий (млн. рублей)

5466

7644

40%

Баланс акционерных коммерческих банков (млн. рублей)

1380

5769

318%

Все эти цифры, весь этот рост, промышленный, земледельческий, торговый, все это

благосостояние, а точнее сказать, богатство державы находили свое выражение в конечном счете во внешнем виде земли, страны, ее сел и городов, ее архитектуры, парков, прудов, всего-всего — от вышитого полотенца до конской сбруи, от национальной одежды до резных наличников, от шелковых ярких рубах до кокошников, расшитых жемчугом (хотя бы и речным). Более тысячи белоснежных и златокупольных монастырей украшали российскую землю, а также и сотни тысяч храмов, колоколен, сахарно посверкивающих среди яркозеленых, не загаженных тогда еще травопольных лугов и волнующихся желтеющих нив.

Демьян Бедный увидел лишь пожарного на каланче да протопопа в соборе. Но почему же он не увидел самого собора, украшавшего город?

Великий норвежский писатель, посетивший Россию и написавший о ней книгу «В сказочной стране», был добрее, а главное, объективнее поэта-паскудника отечественного производства. Вот как пишет о нашей Москве норвежский писатель:

«Я побывал в четырех из пяти частей света. Конечно, я путешествовал по ним немного, а в Австралии я и совсем не бывал, но можно все-таки сказать, что мне приходилось ступать на почву всевозможных стран света, и я повидал кое-что, но чего-либо подобного Москве я никогда не видел. Я видел прекрасные города, громадное впечатление произвели на меня Прага и Будапешт: но Москва — это нечто сказочное. В Москве около четырехсот пятидесяти церквей и часовен, и когда начинают звонить все колокола, то воздух дрожит от множества звуков в этом городе с миллионным населением. С Кремля открывается вид на целое море красоты. Я никогда не представлял себе, что на Земле может существовать подобный город: все кругом пестреет красными и золочеными куполами и шпицами. Перед этой массой золота в соединении с ярким голубым цветом бледнеет все, о чем я когда-либо мечтал. Мы стоим у памятника Александру Второму и, облокотившись о перила, не отрываем взора от картины, которая раскинулась перед нами.

Здесь не до разговора, но глаза наши делаются влажными».

Спросим, забегая вперед, почему же не увлажнились глаза у злоумышленных разрушителей Москвы, у взрывателей и нескольких монастырей в самом Кремле (Чудова, Вознесенского), и памятника Александру Второму, памятника, на перила которого опирался Кнут Гамсун, и Красных Ворот, и Сухаревой башни, и Страстного монастыря, и Храма Христа Спасителя, и еще более четырехсот старинных и прекрасных московских храмов? Скоп у питейной лавки, мещанки, мечущиеся в ситцевом ряду, или лающиеся на рынке торговки остались, а красота была уничтожена.

Не одна Москва была прекрасна в России. Россия вся из конца в конец была прекрасна. Вот описание Нижнего Новгорода, увиденного впервые глазами заволжского мастерового человека приблизительно в то же время, когда у Демьяна Бедного пожарник ходит на цепи, как прикованный зверь, да пьяный скоп шумит у питейной лавки. Страничка из книги Мельникова-Печерского «В лесах»:

«…ровно тянул его к себе невидимыми руками этот шумный и многолюдный город-красавец, величаво раскинувшийся по высокому нагорному берегу Волги.

Город блистал редкой красотой. Его вид поразил бы и не такого лесника-домоседа, как токарь (по дереву. — *В. С.*) Алексей. На ту пору в воздухе стояла тишь невозмутимая, и могучая река зеркалом лежала в широком лоне своем… И над этой широкой водной равниной великанами встают и торжественно сияют высокие горы, крытые густолиственными садами, ярко-зеленым дерном выравненных откосов и белокаменными стенами древнего Кремля, что смелыми

уступами слетает с кручи до самого речного берега. Слегка тронутые солнцем громады домов, церкви и башни гордо смотрят с высоты на тысячи разнообразных судов от крохотного ботика до полуверстовых коноводок и барж, густо столпившихся у городских пристаней и по всему плесу… Огнем горят золоченые церковные главы, кресты, зеркальные стекла дворца и длинного ряда высоких домов, что струной вытянулись по венцу горы.

Под ними из темной листвы набережных садов сверкают красноватые, битые дорожки, прихотливо сбегающие вниз по утесам. И над всей этой красотой высоки, в глубокой лазури, царем поднимается утреннее солнце.

Ударили в соборный колокол — густой малиновый гул его разлился по необъятному пространству… Еще удар… Еще — и разом на все лады и строи зазвонили с пятидесяти городских колоколен. В окольных селах нагорных и заволжских дружно подхватили соборный благовест, и зычный гул понесся по высоким горам, по крутым откосам, по съездам, по широкой водной равнине, по неоглядной пойме лугового берега. На набережной, вплотную усеянной народом, на лодках и на баржах все сняли шапки и крестились широким крестом, взирая на венчавшую чудные горы соборную церковь. Паром причалил…» От этого крупного плана, от панорам Москвы и Нижнего Новгорода («панорамной» камерой можно было бы провести по всей России, по всем ее Ярославлям, Сергиевым Посадам, Владимирам, Киевам, по Петербургу, конечно, по Крымам, Тифлисам и прочая и прочая), обратимся к другим планам и с облаков спустимся на землю, зайдем в трактир, на базар, в чей-либо дом, в какую-нибудь захудалую уездную гостиницу. Трудно ведь забыть, по какому поводу заглянули Бобчинский с Добчинским в трактир при уездной гостинице в городке Устюжне (от которого, по словам городничего, хоть четыре года скачи, ни до одного государства не доскачешь) и обнаружили там ревизора, то бишь Хлестакова. А повод был тот, что, оказывается, вчера в трактир привезли свежую семгу (то есть малосольную, конечно, но свежую, «первой свежести», как назвал это Булгаков). Это в какую же нынешнюю районную гостиницу надо зайти, чтобы обнаружить там в буфете или ресторане свежую семгу?

Так вот, мастеровой Алексей из заволжских лесов, впервые оказавшись в Нижнем Новгороде, заходит со своим пожилым и более опытным земляком в нижегородский трактир.

«Все дивом казалось Алексею: и огромный буфетный шкап у входа, со множеством полок, уставленных бутылками и хрустальными графинами с разноцветными водками, и блестящие медные тазы по сажени в поперечнике, наполненные кусками льду и трепетавшими еще стерлядями…

— …Чем потчевать прикажете?

— Перво-наперво собери ты нам, молодец, четыре пары чаю, да смотри у меня, чтобы чай был самолучший-цветочный… Графинчик поставь…

— Какой в угодность вашей милости будет? Рябиновой? Листовки? Померанцевой? Аль, может быть, всероссийского произведения желаете?

Алексей смотрит по сторонам. „…Сидят все люди почтенные, ведут речи степенные (не то, что „пьяный скоп“ у Демьяна Бедного. — *В. С.*), гнилого слова не сходит с их языка: о торговых делах говорят, о ценах на перевозку кладей, о волжских мелях и перекатах. Неподалеку двое, сидя за селянкой, ладят дело о поставке пшена из Сызрани до Рыбной; один собеседник богатый судохозяин, другой кладчик десятков тысяч четвертей зернового хлеба…

…Покончили лесовики с чаем, графинчик всероссийского целиком остался за дядей

Елистратом. Здоров был на питье — каким сел, таким и встал: хоть в одном бы глазе.

— А что, земляк, не перекусить ли нам чего по малости?

Дядя Елистрат постучал ложечкой о полоскательную чашку и, оторвавшись от среднего стола, летом подбежал половой.

— Собери-ка, молодец, к сторонке посуду-то, …да вели обрядить нам московскую селянку, да чтоб было поперчистей да покислей…

— С какой рыбкой селяночку вашей милости потребуется?

— Известно с какой!.. Со стерлядью да со свежей осетриной… Да чтоб стерлядь-то живая была, не снулая — слышишь?.. А для верности подь-ко сюда, земляк, …выберем сами стерлядку-то, да пометим ее, чтобы эти собачьи дети надуть нас не вздумали…

— Напрасно, ваше степенство, обижать так изволите… Мы не из таковских. Опять же хозяин этого оченно не любит, требует, чтобы все было с настоящей, значит, верностью… За всякое время во всем готовы гостя уважить со всяким нашим почтением. На том стоим-с!

— …Щей подай, друг ты мой сердечный, да смотри в оба, чтобы щи-то были из самолучшей говядины… Подовые пироги ко щам — с лучком, с мачком, с перчиком… Понимаешь? Сами бы в рот лезли… Еще-то чего пожуем, земляк?.. Гуся разве с капустой?.. А коль охота, так и жареного поросенка с кашей мигом спроворят. Здесь, брат, окромя птичьего молока, все есть, что душе твоей ни захочется… Так али нет говорю, молодец?..

— Все будет в самой скорой готовности, что вашей милости ни потребуется… Значит: щей, да селяночку московскую, да селяночку из почек, да пирогов подовых, да гуся с капустой, да поросенка жареного, — скороговоркой перебирал половой, считая по пальцам. — Из сладкого чего вашей милости потребуется?

— Девки, что ль, к тебе есть-то пришли?.. Заместо девичья-то кушанья мадерцы нам бутылочку поставь, а рюмки-то подай „хозяйские“: пошире да поглубже…“»

На другом уровне, но то же самое живописует Михаил Афанасьевич Булгаков в своем знаменитом романе. Он там рассказывает о писательском ресторане, но это лишь камуфляж, не случайно тут прошедшее время. Никаких-таких писательских ресторанов в 1929 году (время действия романа) в Москве уже не было и быть не могло. А вспоминает и живописует Булгаков обыкновенный (но хороший, конечно) московский дореволюционный, то есть российский, ресторан.

«Эх-хо-хо… Да, было, было! Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела по-генуэзски?.. А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе, — на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистейшей скатерти тарелочка супа прентаньер? Помните, Амвросий? Ну что же спрашивать! По губам вашим вижу, что помните.

Что ваши сяжки, судачки! А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле нарзан?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..» Прежде чем устремиться вместе с читателем вперед, можно взять и еще один уровень, еще

один «срез» жизни России прошлого века.

Народный поэт Некрасов.

«Пришли на площадь странники:
Товару много всякого…
Штаны на парнях плисовы.
Жилетки полосатые.

Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами.
Лебедками плывут!»

Не правда ли, все эти картинки, вспомнившиеся нам из прочитанных книг, отличаются от той, которую нарисовал Демьян Бедный. С этим пьяным сбродом, лающимися торговками и мещанками, мечущимися в ситцевом ряду. Да еще с этим несчастным пожарным, ходящим на каланче, словно зверь на цепи.

Возникает вопрос, зачем понадобилось из яркой, златоглавой, колокольной, ярмарочной, стерляжьей, песенной, хороводной, мастеровой, пахотной, сенокосной, привольной, ледоходной, блиннокатально-масленичной, пасхальной, светловодной, боровой, черноземной, соловьиной России делать серенькую, скучную, невзрачную, бедненькую, затюканную Россию? А очень просто. Ведь если Россия богата, могуча, изобильна, просвещенна, то какой же смысл в рождении того человека, который придет и возьмется ее переделывать? Нечем будет оправдать появление этого человека и те реки крови, которые он прольет, и то разорение, которое он принесет в страну, и миллионы погибших с голоду, и вакханалию уничтожения, опустошения, ограбления…

Россию в конце концов переделали, так, что, кроме самого слова «Россия», ничего российского не осталось, да и в слове том все выветрено и обессмыслено. Поскольку уж мы открыли поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», напомню вам два сюжета.

Базарный день в большом торговом селе. «С молотка» продается водяная мельница. Некто Ермил хотел бы ее купить, да нет с собой денег.

А условие таково, что нужно купить сейчас же, иначе уйдет в другие руки.

— Ермил вышел на середину базарной площади и бросил клич: «Коли Ермила знаете, коли Ермилу верите, так выручайте, что ль…» Тотчас словно порывом ветра откинуло правые полы у поддевок, все полезли за кошельками, накидали Ермиле денег, и мельницу он купил.

В следующий базарный день раздавал деньги. Списков ведь он не делал и галочек не ставил. Но никто не взял лишнего. Даже остался у Ермила «невостребованный» рубль. Искал-искал Ермил владельца этого рубля, да так и отдал слепым нищим.

Теперь другой сюжет. Сельский магазинишко (сельпо) остался без продавца. Стали уговаривать наиболее совестливую женщину Марию.

Торговать она не умеет, но ведь люди просят… Не устояла, пошла.

Естественно, проторговалась, либо жулики на базе обманули с накладными. Одним словом, растрата, а значит, по нашим социалистическим законам — тюрьма. Но деньги еще можно

внести, и тогда тюрьмы не будет, да где же их взять? Муж Марии стал ездить по родственникам, по братьям, никто не дает. К чужим людям и подавно бесполезно обращаться. Ждет Марию тюрьма. И снится мужу Марии сон, что все сельские жители, те, кто уговаривал, упрашивал Марию идти в продавцы, собрались на сельскую сходку: так, мол, и так, она нас выручила, и мы должны ее выручить. И надо-то было с каждого по пятерке. Но, увы, это был только сон. Так могло, так должно было бы быть в настоящей России. А теперь — только сон. Переделали-таки Россию.

Напомню, что пересказан тут сюжет повести Валентина Распутина «Деньги для Марии».

Но прав Булгаков, мы с вами, читатель, отвлеклись и вроде уж и забыли про то застолье в грузинском доме, на котором возникло препирательство по поводу стихотворения Демьяна Бедного о рождении Ленина, тогда еще Володи Ульянова. Препирайся не препирайся, серенький ли, солнечный ли был тот апрельский денек, правда ли лаялись торговки на базаре и метались мещанки в ситцевом ряду, но Ленин действительно родился, и от этого никуда не денешься. И уж если взялся написать о нем не просто политическую, полемическую статью, но эссе с некоторыми биографическими сведениями, то самое время к этим биографическим сведениям обратиться.

Все время на протяжении всей моей, как говорится, сознательной жизни доходили до меня глухие слухи, намеки относительно национальности великого вождя мирового пролетариата. Как и Мариэтта Шагинян, написавшая многотомную «Лениниану» (второе название «Семья Ульяновых»), как и Михаил Штейн, к статье которого «Род вождя» («Слово», № 2, 1991) мы будем сейчас обращаться, я тоже могу сказать, что у меня нет никакого предвзятого отношения ни к одной национальности на земном шаре, но все же если говоришь или пишешь о человеке, то почему бы не знать, кто он был по национальности, тем более что не просто токарь, пекарь, матрос или доктор, но политический, общественный деятель.

В публицистическом пылу М. Штейн пишет: «Генеалогия рода В. И. Ульянова (Ленина) только убеждает нас, что понятие национальности в паспорте, знаменитый пятый пункт, — анахронизм. Его нет ни в одной стране мира, кроме нас и, пожалуй, ЮАР. А во всех цивилизованных странах мира интересоваться национальностью человека считается просто бестактностью. Поэтому пункт о национальности в анкетах необходимо отменить».

Насчет анкет и паспорта спорить не буду. Во-первых, никаких анкет я давно не заполнял (может, там уж и нет никакого пятого пункта), а во-вторых, и в паспорт свой я не заглядывал многие годы. И мне совершенно безразлично, что там написано в графе о национальности.

Мне это почему-то никогда не мешало. Не хватает еще на лбу написать! Я и без всех этих надписей знаю, что я русский, да и никто, думаю, никогда в этом не сомневался. Но дело в том, что формула М. Штейна о том, что интересоваться национальностью человека есть просто бестактность, формула эта имеет другую сторону. Если бестактно спросить у человека, какой он национальности, то одинаково бестактно со стороны любого человека утверждать, что он принадлежит к такой-то национальности.

Неужели и правда бестактно? Неужели грузин проявит бестактность по отношению к окружающим, если вдруг брякнет, что он — грузин? А якут брякнет, что он — якут? А в Польше вон в первом классе учат детишек читать стишок (даю в транскрипции):

— Кто ты естешь?

— Поляк малый.

— Який знак твой?

— Ожел бялый… (то есть белый орел).

Так что же, запретить обучать этому стишку?

А откуда, позвольте спросить, взялись вдруг все эти свободные государственные образования: Казахское, Узбекское, Таджикское, Молдавское, Киргизское, Литовское, Эстонское? А там еще Якутское, Татарское, Башкирское, Калмыкское… А там еще немцы Поволжья просят себе автономию… Не на национальной ли основе это все происходит?

Конечно, в свое время Маяковский, певец и глашатай революции, то есть именно ленинских идеи, восклицал:

«Это чтобы без Россий и Латвий жить единым человечьим общежитьем».

Вот эти строки (и сама идея) действительно стали анахронизмом.

Не хотят народы жить без России и Латвии, а хотят жить в своих НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.

Да, увы, кроме отметки в паспорте, в который никто и не заглядывает, есть еще национальное самосознание. Оно свойственно людям, и с этим ничего не поделаешь. Узбек гордится тем, что он узбек, и хочет оставаться узбеком, и говорить ему, что вовсе он никакой не узбек, а просто единица населения страны, — вот это действительно бестактно.

М. Штейн предлагает вопрос в анкете о национальности отменить и заменить «подобный анахронизм» вопросом: «Какой язык считаете родным?» Но тогда лучше и точнее поставить вопрос подругому: «Кем вы сами себя считаете (и чувствуете)?» А самое точное все-таки, кем вы являетесь по происхождению.

Никак не могу понять, почему нужно стыдиться своего происхождения, своих дедов, прадедов, отцов, матерей?

Если перейти на пять минут на язык притчи, то надо признать, что в каждом человеке живут два начала: интернациональное (человеческое, общечеловеческое, гуманистическое) и национальное, которое ближе к эгоизму. А вот и притча.

Идет мужчина по улице (а может, и женщина, которая, как известно, в горящую избу войдет) и видит — пожар. И кричат, что в огне остался ребенок. Мужчина бросается в огонь и спасает ребенка. Вопрос: думает ли он в эту минуту, какой национальности ребенок в огне? Если он только не нравственный урод — не думает. Но вот идет он по улице, толпа, кричат: задавили. Действительно, задавили ребенка. Мужчина постоял, покачал головой и пошел дальше. А если это ребенок его? Будет разница или нет?

Повторим еще раз: людям свойственно чувство национального самосознания. Думаю, что оно свойственно (кроме отдельных индивидуумов, утративших его по тем или иным причинам) людям всех без исключения национальностей. Свойственно оно (ближе к нашей теме) и евреям, рассеянным по всему миру. А может быть, именно вследствие этого расселения чувство национального самосознания у евреев острее, нежели у других народов и наций.

Хочу спросить у М. Штейна, считающего вопрос о национальности анахронизмом и даже бестактностью.

Вот не так давно, в конце 1991 года, в Московском Кремле, во Дворце съездов, состоялся многолюдный всееврейский праздник «Ханука». (Кстати сказать, по многим причинам я не разделяю протестов и возмущения тех русских патриотов, которые считают, что Кремль — русская православная святыня и что еврейское празднество не что иное, как осквернение этой святыни. Это все вздор. Во-первых, Кремль, который действительно был когда-то русской православной святыней, давным-давно осквернен сносом Чудова монастыря, Вознесенского монастыря. Спаса-на-Бору, памятника Александру Второму, многих других памятников старины, прекращением богослужений в кремлевских соборах… Во-вторых. Кремль осквернен тем, что в нем в 1918 году разместилось советское большевистское правительство во главе с В. И. Лениным. В-третьих, тем, что именно Кремль уже при Сталине сделался символом самого бесчеловечного, основанного на насилии, государственного устройства. В-четвертых, тем, что в его стене и около стены похоронено достаточное количество палачей и подонков, каждого из которых хватило бы на осквернение любой святыни. В-пятых, тем, что, снеся несколько старинных зданий, в ансамбль Кремля «врубили» стеклянный куб, этот самый Дворец съездов, где действительно проходили съезды КПСС и пелся «Интернационал». И, наконец, тем, что над ним висят эти чудовищные звезды из красного бутылочного стекла, которые, когда вечером внутри них зажигаются электрические лампы, становятся похожими на клопов, насосавшихся крови. О каком дополнительном осквернении после всего этого может идти речь? Вшестых, поскольку Кремль давно перестал быть «русской, православной» святыней, что предосудительного в том, что московские евреи арендовали Дворец съездов для своего празднества? А если бы армяне или украинцы арендовали его для своих каких-либо мероприятий? Однажды я там был на юбилейном вечере огромного самолетостроительного объединения. Ну и что? Ведь не Успенский же собор, а Дворец съездов арендовали евреи.

Так вот я и хочу спросить у М. Штейна, считающего вопрос о национальности анахронизмом и даже бестактностью: сколько НЕевреев присутствовало на празднике «Ханука» в Кремле? Очевидно, там были исключительно одни евреи, ведь это их праздник. Что же собрало их всех в одном месте? Сознание того, что они евреи. То есть национальное самосознание. Не будем же торопиться объявлять его анахронизмом. А если еврей чувствует себя евреем (а узбек — узбеком, а литовец — литовцем), то почему бы не пометить это и в паспорте?

Но переходим теперь к самому главному — к национальности В. И. Ленина. Надо отдать должное Михаилу Штейну, он с предельной четкостью и ясностью изложил этот вопрос в статье «Род вождя» (журнал «Слово», № 2, 1991). Он все время ссылается на М. С. Шагинян, написавшую «Лениниану», почему бы нам не сослаться на статью М. Штейна? Надо сказать, что когда М. Шагинян со своей дотошностью и добросовестностью исследователя докопалась в архивах до истины, в определенных инстанциях переполошились. Даже ходили слухи, что Л. И. Брежнев несколько часов беседовал с Мариэттой Сергеевной, уговаривая ее не обнародовать новые данные. Мариэтта Сергеевна была упрямым и — повторим — добросовестным человеком (ее заблуждение относительно истинной роли В. И. Ленина и его истинного лица — это другой вопрос. Заблуждение это было тогда, пожалуй, всеобщим), и она попыталась написать правду. В результате ее книга «Семья Ульяновых» не издавалась и даже была изъята на 22 года. В конце концов Шагинян пришлось согласиться на обтекаемую формулировку и этим довольствоваться. Вот как все это выглядит в изложении Михаила Штейна:

«Документы о происхождении Александра Дмитриевича Бланка были выявлены независимо друг от друга в конце 1964 года А. Г. Петровым и мною 3 февраля 1965 года, и тогда же об их наличии было сообщено М. С. Шагинян. Но до сих пор они не опубликованы. Глухой намек о происхождении А. Д. Бланка М. С. Шагинян сделала на основании этих документов. Вот что она пишет в третьей главе „Воспоминания одного детства“, части I „Рождение сына“ романа „Семья Ульяновых“: „…Александр Дмитриевич Бланк был родом из местечка

Староконстантинова Волынской губернии. Окончив Житомирское поветовое (уездное? — *В. С.*) училище, он приехал с братом в Петербург, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию и закончил ее в звании лекаря…“» Все так, все правильно. Еще раз внимательно вчитаемся в эти строки. Местечко Староконстантиново…

Двадцать пять лет назад М. С. Шагинян не могла написать правды, никто бы не пропустил. Время было не то. Вот и пришлось прибегнуть к маскировке. Хорошо, что цензоры не поняли, а может, сделали вид, что не поняли того, что сказала словом «местечко» М. С. Шагинян.

Да, вместе с братом А. Д. Бланк приехал в Петербург поступать в Медико-хирургическую академию. Но на их пути стеной встали законы Российской империи, запрещавшие принимать евреев в государственные учебные заведения. Это и заставило недогматически воспитанных братьев Бланк перейти в православие. В деле «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона», хранившемся до марта 1965 года в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, имеется их собственное заявление по этому вопросу. Вот его текст: «Поселясь ныне на жительство, в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами, Греко-российскую религию исповедующими, мы желаем ныне принять оную. А посему, Ваше преосвященство, покорнейше просим о посвящении нас священным крещением учинить Самсониевской церкви священнику Федору Борисову предписание… К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил». Крещение было учинено в Самсониевском соборе в июле 1820 года. Восприемниками Израиля Бланка стали граф Александр Апраксин и жена сенатора Дмитрия Осиповича Баранова.

Восприемниками его брата Абеля стали сенатор Д. О. Баранов и жена действительного статского советника Елизавета Шварц. В честь своих восприемников братья Бланк взяли имена Александр и Дмитрий, а Александр взял отчество Дмитриевич, в честь восприемника своего брата — известного общественного деятеля, поэта и шахматиста.

Вторичное упоминание о том, что братья Бланки из евреев, имеется в материалах о поступлении их в Медико-хирургическую академию. До марта 1965 года эти материалы также хранились в Ленинграде в Центральном государственном историческом архиве СССР.

Затем дело «выбыло». В нем наряду с заявлениями о зачислении в академию находились аттестаты, полученные братьями Бланк в Житомирском поветовом училище, и свидетельство о крещении, выданное им священником церкви преподобного Самсония Федором Барсовым. Отдельно братья Бланк дали обязательство строго соблюдать все требования, которые накладывало на них принятие православия. С этого момента по законам Российской империи они считались православными и никто не мог ущемить их права. Путь для получения высшего образования братьям Бланк был открыт. В июле 1820 года они были зачислены в Медико-хирургическую академию волонтерами и успешно окончили ее в 1824 году… «Когда в ИМЛ узнали, что в ленинградских архивах найдены документы о еврейском происхождении А. Д. Бланка, разразился страшный скандал. Посыпались выговоры, некоторых поснимали с работы. Все архивные дела, которые могли хоть как-то раскрыть тайну о еврейском происхождении А. Д. Бланка, были изъяты и увезены в ИМЛ». («Слово», № 2, 1991, стр. 81).

Ну, что же, полная ясность. Александр Дмитриевич, а вернее сказать, Израиль Бланк, женился, как известно, на шведке Анне Ивановне Гросшопф. Была ли она просто шведкой или тоже еврейкой, я не знаю. В ее родословной мелькают ювелир, шляпник, юрист. Но это, конечно, ни о чем не говорит. Ювелиром и шляпником могли быть как шведские евреи, так и просто шведы. Важно другое. В Марии Александровне (а вернее сказать, в Марии Израилевне), в матери Ленина, не было ни одного грамма русской крови. В одном случае, если Анна

Ивановна Гросшопф была шведкой, в матери Ленина по 50 проц. еврейской и шведской крови.

Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка.

Что касается Ильи Николаевича Ульянова, то у М. Штейна читаем черным по белому: «…происхождение отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова уходит корнями в калмыцкий народ».

Но вообще-то эта «астраханская» отцовская линия ленинской генеалогии разработана менее, нежели материнская, кажется, дело там было связано с довольно распространенным обычаем в тех местах, когда калмыцкого или киргизского ребенка (мальчика или девочку) из многодетной бедной семьи продавали в зажиточную русскую, предпочтительнее в купеческую семью. Называлось это продать в рабство. Ну, наподобие того, как в более высокопоставленных аристократических семьях в Петербурге или Москве было заведено держать арапчонка. Ведь и предок Пушкина оказался на российской земле благодаря этому обычаю. Жил ли в таком случае калмыцкий ребенок как в своей семье, воспитывался и рос, служил ли на побегушках, зависело, видимо, от каждого частного случая. Я думаю, безошибочно можно предположить, что в ста случаях из ста таких калмыцких или киргизских детей крестили. Не потерпел бы русский купец в своем доме, в своей семье некрещеного человека. По достижении двадцатилетнего возраста девочки или мальчика это «рабство» автоматически прекращалось, а 8 октября 1825 года сам этот обычай был законодательно отменен.

В ленинской генеалогии упоминается некая Александра Ульянова, калмыцкая девочка, жившая в семье астраханского купца Михаила Моисеева. Имеется даже в архиве приказ, а в нем строки:

«…Отсужденную от рабства, проживавшую у астраханского купца Михаилы Моисеева дворовую девку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство». Этот приказ датирован 21 апреля 1825 года.

Фамилия Ульяновых фигурирует в трех вариантах: Ульяновы, Ульянины и даже Ульяниновы.

«Отсужденную» от рабства Александру Ульянову отдали старосте Алексею Смирнову. И об этом тоже есть приказ: «Отсужденную от рабства дворовую девку Александру Ульянову приказали означенную девку Ульянову отдать ее тебе, старосте Смирнову…

Майя 14 дня 1825 года».

И вот тут начинается путаница, в которой я, признаюсь, бессилен был разобраться.

Что значит отдали старосте Алексею Смирнову? Выдали замуж?

И у них родилась дочь Анна Алексеевна? Ведь бабушка Ленина называется Анной Алексеевной Смирновой, на которой женился потом Николай Васильевич Ульянов. Но тогда не сходятся даты. Александру Ульянову отдали старосте в 1825 году, а бабушка Ленина Анна Алексеевна Смирнова родилась в 1788-м! Если же перепутаны имена и Александра почему-то стала называться Анной, то в момент «отсуждения» ей уже 37 лет. Какая же это дворовая девка? Если же Анна Алексеевна Смирнова сама по себе, то при чем тут Александра Ульянова?

Может быть, староста удочерил «отсужденную» от рабства Александру Ульянову, дал ей свое отчество, фамилию и сменил ей имя Александры на Анну?

Чем больше вчитываешься в биографические сведения, изложенные М. С. Шагинян (а она ведь копалась в астраханских архивах), тем большая получается путаница. Читаем в ее «Лениниане»:

«Ульянов. (дед Ленина. — *В. С.*) жил в этом доме не один, а с семьей. Членов семьи было пятеро: жена Анна Алексеевна, урожденная Смирнова... (есть документ о том, что отец Анны Алексеевны был крещеный калмык); старший сын Василий, тринадцати лет, дочь Марья двенадцати, Федосья десяти и последний сын Илья двух, лет... Ульянов женился поздно и был старше своей жены на целых 25 лет. Какая тому причина? По бумагам он вдовцом не значится. Ни калекой, ни даже болезненным человеком его считать нельзя, потому что старик Ульянов, женившись в пожилом возрасте, совсем по-патриаршьи, прижил четырех детей, а последнего, Илью, уже в таких летах, когда люди большей частью и не помышляют о детях, — шестидесяти семи лет».

Мариэтта Сергеевна уточняет: «Поздние браки в народе встречаются редко, разве что у вдовца с детьми или у тех племен, где за невесту надо вносить калым».

Это уточнение, к сожалению, ничего тут не проясняет. Пытаясь прояснить, Мариэтта Сергеевна ставит вопрос: «В чем же секрет такой необычно поздней женитьбы? Ответ нам подсказывают два других документа, найденные в астраханском архиве».

Документы эти — два приказа, уже цитированные нами, об «отсуждении от рабства» дворовой девки Александры Ульяновой, проживавшей у купца Моисеева, о причислении ее к астраханскому мещанству и об отдаче этой «отсужденной от рабства» Александры Ульяновой старосте Алексею Смирнову.

Одним словом, на колу мочало, начинай все сначала.

Окончательную путаницу (или, может быть, замаскированную ясность?) вносит следующая фраза Мариэтты Шагинян:

«Трудно предположить, что Александра Ульянова (опять Александра, а не Анна!) и Николай Васильевич Ульянов не только однофамильцы, но и одинаково тесно связанные с семьей старосты Алексея Смирнова, — были чужими людьми друг другу».

Странно, что Александра Ульянова везде фигурирует без отчества. С отчеством же фигурирует откуда-то взявшаяся Анна. Причем отчество это от старосты Алексея Смирнова, которому отдали «отсужденную от рабства» дворовую девку Александру Ульянову и дочерью которого она никак быть не могла. Из грамматически запутанной (сознательно?) фразы М. Шагинян явствует, что Александра Ульянова и Николай Ульянов были не только однофамильцами, но и не чужими друг другу людьми. Значит, родственниками? С разницей в возрасте в 25 лет? И какова же степень родства? И зачем официально, документировано превращать Александру Ульянову в Анну Алексеевну Смирнову? Чтобы на ней беспрепятственно мог жениться Николай Васильевич Ульянов? Мое перо отказывается сделать последний вывод.

Но не этим ли объясняются некоторые характерные признаки вырождения: облысение в 23 года, периодические приступы нервной (мозговой, как окажется впоследствии) болезни, патологическая агрессивность у «гениального» внука?

Наиболее выраженная наследственность шла как раз по линии отца: раннее облысение у того и у другого, одинаковая картавость (отец и сын картавили один к одному, а много ли вы встречали грассирующих калмыков?). Даже смех был позаимствован по наследству: «Хохот вырывается у него по-отцовски — резко, внезапно, чуть не до колик» (М. Шагинян.

«Лениниана», стр. 447). Может быть, все эти «странности» тоже связаны с особенностью брака астраханского портного Ульянова?

Небезынтересно и это: у Мариэтты Сергеевны, в ее «Лениниане», есть глава «У астраханской бабушки». Мария Александровна с детьми (а Володя еще не народился) решила посетить свою свекровь, мать Ильи Николаевича. Гостевание в Астрахани описано довольно подробно. И как гостей встречали на пристани, и кто встречал, и как бабушка (свекровь) встретила гостей на пороге, и как сидели за столом, и как бабушка ласкала внучат. И все названы по именам: Василий Николаевич (брат Ильи Николаевича), тетя Федосья (она же тетя Феня), Аня, Саша, Николай Васильевич (в воспоминательных разговорах), — вообще, о ком бы ни заходила речь в этой главе, у всех — имена. Только бабушка (свекровь) ни разу не названа по имени. Бабушка — и весь разговор.

Возможно, случайность, а возможно, — при щепетильной добросовестности Мариэтты Сергеевны — и не случайность. Дотошно докопалась в астраханских архивах, осенилась догадкой. И правду сказать нельзя и врать не хочется. Вот и получилась безымянная бабушка.

Впрочем, степень инцесты в браке Ульянова и Ульяновой нам неизвестна. Шагинян утверждает, что они не были просто однофамильцами, но кем приходилась Александра Ульянова (Анна Алексеевна Смирнова) Николаю Васильевичу? Остается только гадать и ограничиться фразой М. Штейна: «Происхождение отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова уходит корнями в калмыцкий народ».

Как бы то ни было, в начале 60-х годов прошлого века, в первые послереформенные годы, мы застаем Илью Николаевича Ульянова молодым преподавателем физики в Пензенском Дворянском институте. И был там недавно приехавший из Самары инспектор Иван Дмитриевич Веретенников. А у Веретенникова была жена Анна Александровна, урожденная Бланк. А у Анны Александровны была младшая сестра Мария Александровна Бланк. Анна познакомила младшую сестру с молодым преподавателем физики Ильей Николаевичем Ульяновым…

Дальнейшее если не в психологических подробностях, то в общих чертах известно теперь всему миру. Мне же хотелось бы вернуться к замечательной публикации Михаила Штейна в журнале «Слово», в которой автор расставил все точки над «i» касательно генеалогии Владимира Ильича. И вот, доказав, что мать Владимира Ильича была еврейкой, а отец грассирующим калмыком, М. Штейн вдруг заключает:

«…Главная же цель данной статьи — дать ответ на вопрос: кто же по национальности Владимир Ильич Ульянов (Ленин)? И я уверенно отвечаю: „Русский“. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению (Илья Николаевич Ульянов, будучи действительным статским советником, имел на получение потомственного дворянства все права)».

Из последней части фразы, заключенной в скобки, не каждый читатель поймет: Илья Николаевич Ульянов, будучи действительным статским советником (и заслужив это звание усердной службой на ниве просвещения), имел все права на получение потомственного дворянства или уже и получил его? Но Бог с ним. Допустим, что он успел получить дворянство (Илья Николаевич скончался внезапно, неожиданно, «в одночасье») и Владимир Ильич — законный русский потомственный дворянин. Насчет языка, воспитания и культуры говорить не приходится.

И все же в перечислении М. Штейном признаков «русскости» (по культуре, по языку, по

воспитанию) не хватает маленького словечка — «по духу». Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает.

Конечно, Лермонтов по происхождению был потомком шотландского чернокнижника Лермонта. Но ведь написал же он «Бородино», «Казачью колыбельную…» («Дам тебе я на дорогу образок святой: Ты его, моляся Богу, ставь перед собой…»), написал же он стихотворение «Родина» с признанием в любви к отчизне, написал же он «Песню о купце Калашникове», воскликнул же он: «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын. Как русский, — сильно, пламенно и нежно!»

Конечно, предком Пушкина был «арап» абиссинец, но ведь написал же Пушкин «Клеветникам России», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Стансы», обратился же он с любовью и нежностью к своей няне Арине Родионовне: «Наша ветхая лачужка и печальна, и темна. Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?… Выпьем, добрая подружка бедной юности моей…» Написал же он объективную «Историю Пугачевского бунта», «Путешествие в Арзрум», воскликнул же он: «Москва! … Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!». Или: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия!»

В Достоевском тоже есть польская кровь, но разве не только по языку или воспитанию, разве по духу мы не видим в каждой строке, что это именно русский писатель, и нет нужды ссылаться на воспитание, на культуру. Русский — и все. И ничего не надо доказывать.

Вон Некрасов — демократ, почти нигилист, а между тем любовь к России, к малой родине Волге («О, Волга, колыбель моя, любил ли кто тебя, как я?»), к крестьянским детям, к Дарье из «Мороза, Красного носа», вообще к крестьянам разве не сквозит в каждой его строке? Образ русской крестьянки:

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет…
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

Любящим. А теперь спросим сами себя, но только подумав и все взвесив: была бы эта картина по сердцу Владимиру Ильичу? Не сказал ли бы он, что это обывательское сюсюканье, лицемерие и ложь! Воспевать быт и благосостояние крепостных крестьян вместо того, чтобы призывать их поджигать и громить помещичьи усадьбы, говорить о благополучии крестьянской семьи, хотя бы и добытом честным трудом… Ну — нет.

Наш Ильич не мог бы этого одобрить. Ведь с точки зрения его идеологии, антироссийской, экстремистской и террористической, было «чем хуже, тем лучше». И наоборот. А Леонид

Радзиховский в статье «Тело и дело» в газете «Куранты» 21 января 1992 года прямо сказал: «Ленин не знал, не любил, не верил в Россию». Конечно, я и сам мог бы произнести (написать) эти слова, но когда читаешь подтверждение своим мыслям у другого человека, это многого стоит.

На самом деле, взглянем на это попристальнее. Ленин не любил русского царя (и вообще всех русских царей на протяжении всей нашей истории), особенно он не любил романовскую династию, особенно последнего царя и его семью. Не любил — это мягко сказано, он их всех ненавидел и в конце концов, едва дорвавшись до власти, всех их зверски убил с последующим расчленением трупов, с сожжением их на кострах, с бросанием в алапаевские шахты. Женщин, юных царевен, мальчика (наследника), Елизавету Федоровну — праведницу — всех. Первое, что он сделал, — снес памятники Александру Третьему возле Храма Христа Спасителя и Александру Второму в Московском Кремле.

Долгое время пропаганда внушала всем, что Ленин лично к зверскому уничтожению царской семьи непричастен, но теперь, с выходом книги «Лев Троцкий. Дневники и письма», туман рассеялся.

Троцкий вернулся из какой-то поездки (конечно, по уничтожению россиян) и, разговаривая со Свердловым, спрашивает у него:

— Да, а царь где?

— Конечно, расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все?

— Все. А что?

— А кто решал?

— Мы здесь решили. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени…

Да и смешно было бы думать, что при режиме, когда каждая мелочь (даже выезд Блока за границу, как увидим ниже) не решалась без Политбюро, такая акция, как уничтожение царской семьи, могла бы решиться без Ленина.

Итак, ненависть В. И. к русским царям и к семье последнего царя не вызывает сомнений. Кроме бранных слов вроде «палачи» да «висельники», он для них других слов не находит, а история любого капиталистического государства (и России в том числе) есть — по Ленину — история насилия, грабежа, крови и грязи.

Думал и гадал ли В. И. (или, может быть, заранее знал?), что история его собственного властвования будет обозначена теми же самыми словами (то есть насилием, грабежом, кровью и грязью), но только возведенными в степень со многими нулями.

К царской семье и вообще к русским царям Ильич пылал ненавистью. Многие считают, что тут примешалось чувство мести за смерть брата Александра. Он был одним из руководителей и организаторов террористической организации «Народная воля», участвовал в подготовке

покушения на Александра III первого марта 1887 года и был казнен. Ну а что же, за покушение на главу государства по головке надо было гладить молодого Ульянова? Когда в Петрограде убили не главу государства, просто Урицкого, Ленин и его карательные органы в ближайшие три дня без суда и следствия расстреляли около десяти тысяч человек, причем заведомо невиновных в убийстве большевика. Его застрелил террорист-одиночка, возможно, подосланный ЧК, дабы иметь повод затопить Петроград новой волной террора, новой волной русской крови.

Да и потом — был суд. Александру Ульянову дали высказаться.

Да потом, случайно или нет, что в семье растут два брата и оба — убийцы, оба — преступники. Воспитывала их мать с дипломом домашней учительницы. Что же это за мать, которая из двух своих сыновей вырастила и воспитала двух убийц? Да и дочери ее подвергались арестам за революционную деятельность. А ведь это про нее написано даже в энциклопедическом словаре: «обладая исключительными педагогическими способностями, оказала огромное влияние на детей». Очевидно и бесспорно, что она «натаскивала» своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее.

Не любил Ленин не только царскую семью, но и все российское дворянство, как часть общества, часть государственного устройства, или, выражаясь терминологией самого Ленина, — как класс. Впрочем, оговоримся. Любая часть общества, в том числе и дворянство, — это не смородиновое варенье и не блины, чтобы любить или не любить. Будем пользоваться словом противоположным по значению любви, это будет ближе к истине. Ленин ненавидел дворянство как часть нации, и не случайно потом, во времена властвования Ленина в России, эта часть нации была практически вся уничтожена.

В следующем абзаце мне хотелось показать отношение Ленина к российской интеллигенции, но я подумал, что эти две составные российского общества (а в конечном счете народа) — дворянство и интеллигенция — во многом смыкались и совпадали. Так что ненависть Ленина к дворянству полностью распространялась на русскую интеллигенцию, а ненависть к интеллигенции питала ненависть к дворянству. Когда Горький пытался внушить Ленину, что интеллигенция — это мозг нации, а Ленин ответил, что это не мозг, а говно, и тот и другой подразумевали интеллигенцию как часть дворянства и дворянство как часть общества, порождающего интеллигенцию.

Нельзя было бы, любя интеллигенцию или хотя бы не ненавидя ее, убить Гумилева, выплеснуть за пределы страны десятки и сотни тысяч образованных, культурных людей, цвет нации, общества: писателей, художников, артистов, философов, ученых, балерин, шахматистов… А офицеры? Ведь их в Петрограде, Москве, в Архангельске, Киеве, Ярославле, в Крыму, во всех городах России расстреливали десятками тысяч, а ведь офицер — это тоже интеллигент, если он и не совмещаем в себе, подобно Гумилеву, офицерского звания и поэтического дарования.

Большинство замечательных русских романсов (как слова, так и музыка) написаны не поэтами и композиторами-профессионалами, но дилетантами, то есть просто культурными, образованными людьми.

Интеллигенция уничтожалась с «заделом» вперед на многие годы. В некоторых городах (мне известное например, про Ярославль) отстреливали гимназистов! Их легко было определить по форменным фуражкам — как фуражка, так и пуля в затылок. Чтобы не выросло нового русского интеллигента. Мальчики стали ходить по улицам без фуражек. Тогда чекисты, поймав мальчика, искали у него на голове, на волосах рубчик, который остается от фуражки. Найдя

такой рубчик, стреляли на месте.

Уничтожая гимназисток, смотрели также на красоту. Красивых уничтожали в первую очередь. Чтобы не нарожали потом красивых русских детей. А дети вырастут и тоже станут интеллигентами.

Яркий эпизод из повести Валентина Катаева «Уже написан Вертер». Юноша, от лица которого ведется повествование, схвачен одесской ЧК. Его ведут на допрос. «Послышались шаги. На площадку шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника.

Красавица… Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничок и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют. Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожаное. Один вел своего с допроса вниз, другой своего на допрос вверх… Ее щеки горели.

Точеный носик побелел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская.

Самая красивая гимназистка в городе… Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью… Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка… Работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага… Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?..» В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам читаем: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права, наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли… Людей снимали пластами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание): церковники, мистики, ученые идеалисты… мыслители… люди, обладавшие правовыми, государственными или экономическими идеями…» То есть интеллигенция. Так что говорить о любви В. И. к российской интеллигенции не приходится.

У человека более или менее несведущего может возникнуть вопрос: но ведь не сам же Ленин расстреливал? Не лично он расстрелял царскую семью в Екатеринбурге, не он лично расстреливал офицеров, гимназистов, поэтов, преподавателей гимназий?.. У нас почему-то, когда творятся в стране мерзости, убийства, всяческие преступления, принято думать, что власть об этом не знает.

Насильственная коллективизация с уничтожением миллионов крестьян? Но Сталин об этом не знал. А когда узнал, написал статью «Головокружение от успехов». Массовые расстрелы, лагеря? Но ему неправильно докладывали. Храм Христа Спасителя? Но это же не Сталин, а Каганович…

Какое глубокое заблуждение! Диктатор в нашей стране, будь то Ленин, будь то Сталин, знал все, и все в стране делалось с его одобрения и по его инициативе. Считается, что царская семья была зверски уничтожена по решению уральской большевистской организации, а не по распоряжению Москвы, Политбюро, лично Ленина.

Какое глубокое заблуждение!

Уж если мы говорим об интеллигенции (и прежде чем перейдем к другим слоям общества), остановимся на смерти одного из самых интеллигентных людей России, на смерти великого русского поэта Александра Блока, остановимся и посмотрим, в какой степени Владимир Ильич лично причастен к этой смерти.

Многие имена первой величины, составлявшие то, что мы называем русской культурой, не «вписывались», не могли «вписаться» в послереволюционную большевистскую систему. Некоторые из них сумели избежать железных зубов этой системы: Бунин, Куприн, Мережковский, Шаляпин, Рерих, Рахманинов, Цветаева, Сомов, Иван Шмелев… Оставшиеся, как правило, погибали.

Из людей первой величины, так или иначе погибших, так или иначе изъятых из русской действительности после 17-го года, в двадцатые годы, смерть Александра Блока является самой необъяснимой, точнее сказать, самой необъяснённой.

Гумилева нашли повод арестовать, расстреляли и объяснили расстрел тем, что Гумилев якобы участвовал в контрреволюционном заговоре Таганцева. Есенина убили и создали оригинальную версию, что он повесился. Маяковский застрелился, хотя нет-нет да и возникают робкие версии, что он, мол, не сам… Как бы то ни было, причина смерти ясна: пуля в сердце. Но Блок?

Ни диагноза болезни, ни медицинского заключения о смерти великого поэта, ни вскрытия. Сорокалетний человек в три месяца истаял и умер. Рак? Тиф? Цирроз печени? Гепатит? Воспаление легких? Склероз почек (как, скажем, у Михаила Булгакова)? Туберкулез (как у Чехова)?

Инсульт? Инфаркт? Ничего ничуть не бывало.

Кое-где, кое-когда шелестит версия, что великий поэт умер голодной смертью. Теоретически могло быть, но практически маловероятно. Жили же в это время другие писатели, поэты в Петрограде.

Те же Ахматова, Корней Чуковский, Сергей Городецкий, Всеволод Рождественский, Елена Книпович, оперная певица Любовь Александровна Дельмас, встречавшаяся с Блоком, многие другие. Не поумирали же они с голоду. Да что посторонние люди? Любовь Дмитриевна, жена… Жили вместе, пили-ели что Бог даст, но — вместе.

Не объедала же она своего мужа, однако и с голоду не умерла.

Кроме того, в описаниях очевидцев, видевших больного Блока, все время речь идет о болях, сопровождающих болезнь, о задыханиях, о нервозном состоянии. «Страдания его так ужасны, что стоны и вскрики слышны на улице». Нет, с голоду так не умирают. Вернее, с голоду умирают не так. Вон, в 1933 году, во время голода в Поволжье, дедушка Михаила Николаевича Алексеева, чтобы не быть лишним ртом среди детей и внуков и не объедать их, лег на печке и перестал есть. И постепенно тихо угас, без мучений, по крайней мере физических.

Свидетельство, как говорится, из первых рук.

Однажды, еще в семидесятые годы, я написал стихотворение «Три поэта». Там были такие слова:

Их было трое. В круге этом узком
Звучал недолго благовестный стих.
Блок умер первым, ибо самым русским
И самым честным был он из троих.

Он умер не от тифа, не от раны
(Небрит, прозрачен, впалые виски),

Но потому что понял слишком рано…
Сказать точнее — просто от тоски.

Это, конечно, не более чем поэтическая версия. Ее в медицинское заключение о смерти не запишешь. Более того, когда я разговаривал об этом с блоковедами (со Ст. Лесневским в частности), то Станислав категорически утверждал, что Блок в свое последнее полугодие с огромным упорством боролся за жизнь, пытался «вырваться из бездны».

Он работает над речью о Пушкине, возвращается к поэме «Возмездие» и продолжает ее, а вовсе не лежит в тоске в ожидании смерти. Не он искал смерти, а смерть нашла его. Правда, из воспоминаний современников явствует, что Блок иногда высказывал мысли о смерти. Кому-то он прямо сказал, что очень хотел бы умереть. Что ж, действительность была такова, что и в самом деле лучше бы сдохнуть. Но все же от высказывания о смерти до самой смерти далеко. Сколько бы ни говорить слово «сахар», во рту сладко не станет.

Первый приступ болезни произошел в мае. Но что за приступ?

Головокружение, обморок, рвота? Боль в сердце? Головная боль?

Сколько я ни пытался это узнать, никто ничего не знает. (Великолепный знаток Блока профессор Андрей Леопольдович Гришунин где-то раскопал, что был еще, так сказать, предварительный кратковременный приступ в январе. Большая слабость и ощущение холода.) В мае Блок еще ездил в Москву, где были организованы его вечера. По возвращении приступ повторился, и Блок уже не воспрянул, он слег в постель. Своей матери он напишет: «Делать я ничего не могу… все болит, трудно дышать…» Сестра матери М. А. Бекетова сообщает: «…больной был очень слаб… голос его изменился, он стал быстро худеть, взгляд его потускнел, дыхание было прерывистое, при малейшем волнении он начинал задыхаться». Елена Федоровна Книпович вторит Бекетовой: «Он не мог уловить и продумать ни одной мысли, а сердце причиняло все время ужасные страданья, он все время задыхался».

Добросовестный и устремленный литературовед и публицист Вл. Вл. Радзишевский, статьей которого из «Литературной газеты» (28.8.91) мы пользуемся, делая эти выписки, заключает в духе моих стихотворных строк: «Его тоже убило „отсутствие воздуха“». У меня — от тоски, у Радзишевского — от не менее символического «отсутствия воздуха». Ну а все-таки что же это было? «Сейчас у меня ни души, ни тела, — жаловался Блок, — я болен, как не был никогда еще…» Доктор А. Г. Пекелис, пользовавший Блока, предложил немедленно увезти больного за границу.

Но все же если был врач, значит, он мог поставить диагноз. Или уж настолько загадочной и небывалой оказалась болезнь?

В свое время я разговаривал об этом с академиком медицины, главным хирургом Института им. Склифосовского, профессором (естественно), с которым нас волею судеб связывали дружеские, можно сказать, отношения. Разговорился я с Борисом Александровичем Петровым у «Троице-Сергия», за хорошим (патриаршим) застольем.

Рассказал ему все, что знал о болезни Блока, и напрямую спросил: что это была за болезнь? Борис Петрович, совершивший сотни (или тысячи?) раковых полостных операций, со всей своей прямотой рубанул. Может, он в те застойные времена и поостерегся бы рубануть, если бы времена не были к тому же застольными. В том доме, где мы находились, любили и умели угощать, да и обстановка сама (лавра!) отвлекала от суровой действительности развитого и зрелого социализма, и Борис Александрович рубанул: «Не знаю, что думают ваши

литературоведы. Больше всего это похоже на яд. Его отравили».

Вл. Радзишевский назвал свою статью о болезни и смерти Блока «Канцелярское убийство», не сделав, однако, последнего, решительного вывода. Но и без этого вывода описание Вл. Радзишевским канцелярской волокиты, связанной с больным Блоком, неожиданным образом накладывается на запоздалый и заочный диагноз, высказанный опытнейшим медицинским академиком.

В самом деле. После заключения доктора о немедленном увозе Блока за границу жена поэта кинулась к Горькому. Горький обратился к Луначарскому, чтобы тот в спешном порядке выхлопотал выезд Блока в Финляндию. Это свое письмо Горький просил передать Ленину. Но письмо осталось без какого-либо ответа. 18 июня около постели больного собрался консилиум. Доктора сошлись во мнении, что больного нужно поместить «в одну из хорошо оборудованных, со специальными методами для лечения сердечных больных санаторию».

Весь консилиум от такой рекомендации почему-то остерегся.

Любовь Дмитриевна снова обратилась к Горькому с мольбой о помощи.

Горький сам поехал в Москву и уже не письмом, а лично с заключением консилиума в руках обратился к Владимиру Ильичу. Ильич дал понять, что один этот вопрос решить не может, что этот вопрос будет решать Политбюро РКП(б), а документы отправил на Лубянку к Менжинскому. Менжинский (цитирую Вл. Радзишевского): «…документы на выезд в Финляндию притормозил». Он тянул время. Он знал, чем на самом деле «болен» Блок, знал, вероятно, когда все это должно кончиться, и тянул время. Время тянул и дорогой Владимир Ильич. Напрасно Горький и Луначарский подталкивали его «Просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле».

Вл. Вл. Радзишевский («Лит. газ.», 28.8.91): «напрасно было тут ожидать, что, получив это письмо, председатель Совнаркома тут же устроит выволочку т. Менжинскому, а еще раньше запросит справку в Наркомздраве: не лучше ли, допустим, будут для Блока условия в Германии или Италии? Увы, Ленина занимало другое: есть ли гарантии, что за границей Блок сохранит свою лояльность к большевистскому режиму… Поэтому совсем не в Наркомздрав отсылает Ленин письмо Луначарского, а… в ЧК. „Тов. Менжинский, — приписывает он от себя, — Ваш отзыв? Верните, пожалуйста, с отзывом“».

Если вспомнить, что в эти самые дни, а точнее, 3 августа 1921 года, из Петербурга в эмиграцию выехал поэт Ходасевич и почему-то Ленина не заботило, сохранит ли Ходасевич в эмиграции лояльность к большевикам, если вспомнить, что лишь годом позже в эмиграцию выехали с позволения Владимира Ильича более двадцати крупнейших профессоров, философов, в том числе Бердяев, Сергей Булгаков, Лосский, Франк, то забота о лояльности полуживого Блока кажется странной.

На самом деле ничего странного в этом нет. К этому времени Ленина, по-моему, не очень-то заботила лояльность к большевистскому режиму какого-нибудь отдельного интеллигента. В конце концов уже находились в эмиграции и вовсе не были лояльны к большевикам десятки русских интеллигентов (Бунин, Куприн, Мережковский, Ив. Шмелев, Шаляпин, Цветаева) и от их нелояльности большевистский режим не рушился. Выиграна гражданская война, бояться было уже нечего. Не случайно легко и без проблем выпустили и Ходасевича и два десятка упомянутых нами ученых-философов.

Почему же Ленин испугался нелояльности Блока и запрос о нем послал не в Наркомздрав, а

Менжинскому? (Хотя без всяких запросов мог бы лишь бровью повести или мизинцем пошевелить, и Блок немедленно оказался бы за границей.) ПОТОМУ ЧТО БОЛЕЗНЬ БЛОКА ПРОХОДИЛА ПО ВЕДОМСТВУ МЕНЖИНСКОГО. Другого объяснения этому нет. Поэтому Владимир Ильич послал Менжинскому записку:

«Ваш отзыв? Верните, пожалуйста, с отзывом». Что же в ответ на слезную просьбу жены поэта, на настойчивые просьбы Горького и Луначарского, на заключение консилиума врачей предлагает Менжинский? Создать для Блока хорошие условия где-либо в санатории в пределах России. Хотя Менжинский лучше чем кто-либо другой знает, что такого санатория тогда в пределах России не было и быть не могло.

Важно было не выпускать Блока за границу.

Ходатайство Горького и Луначарского рассматривалось на Политбюро (!) 12 июля под председательством В. И. Ленина. Решили — за границу Блока не выпускать.

Я надеюсь, что люди, читающие эти строки, уже догадываются, чего боялись Менжинский и Ленин, а вслед за ними, возможно, лишь идя на поводу, и члены Политбюро. Не нелояльности Блока, не его выздоровления. Полагаю, Менжинский и Ленин знали, что Блок не выздоровеет, что дни его сочтены. Они, как вы, наверное, догадываетесь, боялись, что европейские медики ПОСТАВЯТ ПРАВИЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ, И ОБНАРУЖАТ, И ОБЪЯВЯТ ВСЕМУ МИРУ, ЧТО БЛОК ОТРАВЛЕН. Это единственное реальное объяснение чудовищному решению Политбюро не пускать Блока за границу и вообще всей этой волоките и проволочке, которую Вл. Радзишевский назвал канцелярским убийством. Убит Блок был раньше, за несколько месяцев до самого факта смерти, а проволочка понадобилась, чтобы довести начатое до конца и чтобы спрятать концы.

Луначарский мог быть не посвященным в чекистскую (всего лишь нарком просвещения!) тайну болезни Блока, поэтому и приставал со своими ходатайствами, поэтому и пошло в ЦК после чудовищного решения Политбюро возмущенное письмо: «Высокодаровитый Блок умрет недели через две, и тот факт, что мы уморили талантливейшего поэта России не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению». ЧК, видимо, зорко следила за течением болезни Блока. И когда Блок впал уже в забытье и уже не мог самостоятельно уехать в Финляндию, а Любовь Дмитриевну надо было еще оформить для этой поездки, а к тому же «затерялись» в Москве ее анкеты и получилась дополнительная проволочка, разрешение на выезд было издевательски дано. Но выехал Александр Александрович не в Финляндию, а на Смоленское кладбище.

Так что заподозрить Ленина в любви к русской интеллигенции нельзя. Рассмотрев его отношение к царской фамилии, к дворянству, интеллигенции, берем следующий, как выражается Н. Я. Мандельштам, слой («людей снимали слоями, по категориям») — церковь и духовенство.

Не знаю, чем объяснить особенную лютую ненависть В. И. именно к церкви и духовенству. Возможно, это месть за унижение деда, который был вынужден ради профессии и должности фельдшера (впрочем, и ради равноправного положения в российском обществе) отречься от собственной религии, даже от собственного имени и принять чужую веру, а вместе с тем чужие имя и отчество. Перешла ли ненависть к христианству во Владимира Ильича сама собой, вместе с генами?

Научился ли он этой ненависти у французских революционеров? Ведь в Постановлении Генерального Совета Коммуны от 23 ноября 1793 года говорится:

1. Все церкви и храмы будут немедленно закрыты.

2. Все священники несут персональную ответственность за все волнения, источником которых являются религиозные убеждения.

3. Всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован…

…Комиссар Конвента в Нанте Каррье …приказал «набивать» заключенными священниками барки… Эти барки отводились на середину Луары и там затоплялись. (По публикации в «Нашем современнике» № 4 за 1990 год, стр. 170. 48) Точь-в-точь все это происходило потом в Петрограде на Неве или где-нибудь в Холмогорах на Белом море.

Тогда возникает вопрос: откуда эта лютая ненависть у комиссаров Конвента? Или тоже передалось через гены? Или тоже дедам этих комиссаров пришлось пройти через унизительные процедуры отречения и неофитства?

Мариэтта Сергеевна Шагинян в своей «Лениниане» («Семья Ульяновых») точно отметила момент, когда в юноше Володе Ульянове начал пробуждаться бес разрушения, созревший и развившийся потом в полноценного дьявола, при том что у тела сохранялись все человеческие черты: нос, уши, позднее — лысина.

«Но перед юношей вся жизнь, полнота бытия захватывает его, рыжеватый пух вылезает на подбородке (Ленин от рождения был огненно-рыжим. — *В. С.*), он не умеет соразмерить голос — говорит громче, чем раньше, стучит каблуками сильнее, чем раньше, хохот вырывается у него по-отцовски резко, внезапно, чуть не до колик…

Володя грубит, огрызается.

Дома все чаще и чаще слышно: „Володя, не груби. Тише, Володя…“ Брат Саша, приехавший к лету, на вопрос Анны: „Как тебе нравится наш Володя?“ — ответил уклончиво и неодобрительно, сделал Володе замечание за нечуткое отношение к матери… „Именно в эту пору Ильич перестал верить в Бога, а Надежда Константиновна рассказывает со слов Ильича о том, как, перестав верить, он однажды сорвал с себя шейный крестик“». (М. С. Шагинян. «Лениниана». Изд. «Молодая гвардия». 1980, стр. 147–148.)

Теперь задумаемся: случайно ли Анна спросила у приехавшего на лето Саши: «Как тебе наш Володя?» Нет, она спросила об этом обеспокоено, а Саша ответил уклончиво и неодобрительно. Большего Мариэтта Сергеевна в условиях тех лет написать не могла, но и так она сказала нам очень много. Она сказала нам, что в семье были обеспокоены поведением Володи, а точнее сказать — его здоровьем. Его душевным здоровьем, его психикой. Утрируя, обостряя и переходя на гиперболу, мы сказали, что в нем пробудился бес разрушения, что в него вселился дьявол. Это, конечно, символическая фигура. Мы ведь вообще-то реалисты, а не мистики. Надо считать, что уже в том возрасте у подростка проявились отклонения психики, началась пока еще очень робко та болезнь мозга, которая потом целое мозговое полушарие высушит до величины грецкого ореха (обнаружено при вскрытии), но которая в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных — это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови.

Признаки агрессивности замечались в нем еще в самом раннем детстве.

Конечно, «детские» случаи можно было бы отнести просто к детским шалостям — кто из нас в детстве не ломал игрушек, — если бы случаи эти не проецировались на остальную жизнь. Вот

эпизод из книги М. С. Шагинян:

«В столовую вошла Мария Александровна и, приложив палец к губам, чтоб молчали, головой показала им на соседнюю комнату. Они пошли за ней на цыпочках, недоумевая…

…В уголку, под прикрытием двери, стоял в своих новеньких шароварах, подобранных в сапожки, Володя и, слегка выпятив губы, с величайшим усердием крутил и крутил ногу у картонной серой лошадки, подаренной ему только что няней. Он даже сопел от усилия, пока крутил, и вот нога отвалилась. Выпустив ее из рук, он с такой же энергией взялся за вторую ногу.

— Ай-яй-яй, стыд какой! — воскликнул Белокрысенко — Что это, что ты, крестник, вытворяешь?

Застигнутый врасплох Володя отшвырнул лошадь и помчался из комнаты.

— Что за Герострат! Вот разрушитель… Вам с ним, кум, хлопот будет не обобраться… И совсем он, нянечка, не голубь!»

Да уж, — заметим мы от себя. В шестнадцать лет он сорвал крест со своей шеи. Позже он потребует, чтобы все сделали то же самое.

Рассказывает некая бабушка: «Приходит один раз Ниночка из школы в слезах и, захлебываясь, говорит: „Бабушка, я больше не пойду в школу, ни за что не пойду… Один мальчик увидел на мне крест, схватился за него, стал рвать его, подозвал других учеников, меня окружили, все дергали, прыгали кругом и хохотали (бесы — *В. С.*)… Вошла учительница, увидела, что я плачу и не знаю, как вырваться, узнала в чем дело и спрашивает: „Зачем ты носишь крест?“ Я ответила: потому что я верю в Бога, мамочка моя верила, и бабушка, и я буду носить крест. Учительница отпустила ее домой и сказала, чтобы бабушка сейчас пришла в школу к заведующей. Я похвалила, утешила и успокоила свою внучку. Пошла в школу. „Что, вы разве не знаете, что не разрешено носить крестов?“ Я ответила, что знаю, но не подчиняюсь и не сниму его с моей девочки, т. к. я верующая. „В первый раз мне приходилось иметь такое дело, — сказала она. — Крест надо снять!“ Я отказалась. Я, конечно, взяла бы ее немедленно из школы, но не имела права, т. к, обучение в школе было обязательным, а в случае протеста ребенок отбирался от родителей и становился собственностью Советов. Тогда заведующая сказала: „Снимите крест с шеи, чтобы его не было видно, и если уж отказываетесь совсем снять, то приколите или пришейте к рубашке…“ Я, посоветовавшись с батюшкой и с его благословения, так и сделала, чтобы не смущать ребенка, который от этого страдает, и не давать повода издеваться над святым крестом“».

Это выписано из двухтомного зарубежного издания «Новые мученики российские». Случай, прямо скажем, почти идиллический.

Видимо, учительница сама в глубине души сочувственно отнеслась и к девочке, и к бабушке, и к нательному крестику. Было бы более естественно для тех времен, чтобы и учительница, и благословивший батюшка (а то и девочка с бабушкой) были увезены из родных мест и погублены. В издании «Новые мученики российские» мы видим сотни и тысячи кровавых трагедий, за проступки значительно меньшие, чем отказ снять крестик, а вернее сказать, без всяких проступков, но я выписал этот «невинный», можно сказать, эпизод потому, что очень уж выразительный выстраивается, на языке киносъемщиков говоря, зрительный рад: рука неуравновешенного, пораженного болезнью мозга юноши срывает со своей шеи крестик, и вот уж крестики срываются с десятков миллионов детских шеек и с сотен миллионов взрослых

людей. А потом масштабность явления меняется. В начале двадцатых годов в стране, по крайней мере в ее российских губерниях, большевиками был инспирирован очередной (но не последний) голод, принявший чудовищные размеры и формы. Цель этой акции была двоякая. Вывезя и сосредоточив в своих руках весь хлеб, захватчики страны сосредоточивали в руках и всю власть. Но к теоретическому ленинскому обоснованию этого мы вернемся чуть позже. Вторая цель была — резкое уменьшение населения России. Ведь их, захватчиков, было числом не так уж и много по сравнению с коренным населением. Поэтому приветствовались любые формы истребления россиян — от голода и тифа до откровенного кровавого террора.

Бухарин — «Золотое дитя революции» (как его называл В. И.), теоретик партии — теоретизировал следующим образом: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

А недавно, вернувшись в Москву из далекой поездки, я просматривал накопившиеся газеты и в большой статье зацепился сознанием за цитату чуть ли не из Горького как раз по поводу голода. По небрежности и усталости я не выписал сразу эту цитату, а потом газету взяли домашние, и она затерялась. Но я помню, что это скорее всего была газета «Россия», и в конце концов статью эту найду. Цитата запомнилась мне в следующем виде, и я ручаюсь за ее почти полную точность: «Ну, умрут с голоду 35 миллионов человек, но это умрут неграмотные, невежественные, ленивые, тупые, грязные люди. А на смену им придут новые, молодые, энергичные...».

Но мы пока о другом, — кроме двух выгод, которые большевики извлекали из голода, нашлась и третья. Под предлогом борьбы с голодом великому вождю революции пришла мысль ограбить все монастыри, лавры и церкви. В некоторых местах, в частности в тихом городке Шуе, что вблизи города Иванова, верующие воспротивились кощунственному насилию. Произошел инцидент. А Владимиру Ильичу только это было и нужно. Он немедленно разослал членам Политбюро письмо, которое оставалось секретным до недавних пор. Но в 1990 году оно было наконец опубликовано. А поскольку мы рассматриваем сейчас (по порядку сословий) отношение Ленина к российскому духовенству, то письмо это очень нам кстати и мы его выпишем целиком. Надеюсь, что читающие его не будут в претензии. Во всяком случае, скучно им не будет.

«Товарищу Молотову для членов Политбюро.

Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе. ЛЕНИН.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим тоном борьбы в данном направлении.

Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому я изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей.

Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету

об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании Патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. Событие в Шуе лишь одно из проявлений этого плана».

На несколько строк сделав отступление, скажем, что это типичный ленинский стиль (не письма, а действий). Главное для него — наклеить ярлык. Просто верующие, просто священники — этого мало, чтобы их всех расстрелять без следствия и суда. Черносотенцы — это другое дело. Точно так же он потом тамбовское крестьянское восстание назовет кулацким, равно как и восстание пяти волостей в Пензенской губернии. А ведь в тамбовском восстании участвовали сотни тысяч крестьян. Черносотенцами, как известно, назывались боевики Союза Михаила Архангела. Но верующие городка Шуи, женщины, старушки, просто жители, не пустившие в церковь изъятелей ценностей (в этом и состоял обсуждаемый эпизод), какие же они черносотенцы? Ну и посильнее завести самого себя, а одновременно оправдать свои жуткие распоряжения и действия. Подобно тому, как урка начинает визжать с пеной на губах, прежде чем броситься на безоружного человека и начать его резать, здесь — ни на чем не обоснованное утверждение, что церковники секретно совещаются и вырабатывают план сопротивления большевикам. Да, сопротивления изъятию церковных ценностей (то есть икон, дарохранительниц, крестов, окладов, чаш) были, но они были, как мы сейчас сказали бы, спонтанными. Просто верующие россияне защищали и не хотели отдать свое.

В книге «Красный террор в России» на стр. 103 есть абзац:

«Найдем ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губернии. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери… Устроили молебствие и крестный ход, за что местной ЧК были арестованы священники и сама икона… Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в ЧК над иконой: „плевали, шаркали по полу“, и пошли „стеной выручать Божью Матерь“. Шли бабы, старики, ребятишки. По ним ЧК открыла огонь из пулеметов. Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед, кричат: „Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем…“»

Ну разве не черносотенцы? Не черносотенки?

Но продолжим выписку из уникального сверхсекретного документа.

«Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу (тоже самовзвинчивание, ибо верующие хотели бы одного, чтобы их оставили в покое. — *В. С.*) тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна.

Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной (вот именно. — *В. С.*) и беспощадной

энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало».

(Значит, забота не о том, чтобы ликвидировать голод и чтобы люди перестали есть людей и чтобы на дорогах не валялись тысячи трупов, а чтобы создать себе «фонд» и чтобы легче было отстаивать свои позиции в Генуе, на Генуэзской конференции. — *В. С.*) «А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс (значит, Ленин шел на явный обман этих масс, грабя российские богатства под видом борьбы с голодом. — *В. С.*) в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. (Так все же о ком идет речь — о народных массах или о горстке черносотенного духовенства? И как сквозит у Ильича в этих словах „любовь“ к народным массам. — *В. С.*) Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, то есть эсерам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин. (Так вот для каких случаев держали там у себя русского дурачка и подонка! — *В. С.*) Никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно поэтому,

что она секретна, противник, конечно, скоро узнает). (Этими словами и действиями Владимир Ильич добавляет ко всем своим „качествам“ еще и коварство. — *В. С.*) В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против Шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим (так! — *В. С.*), был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

(А мы все еще до сих пор талдычим о советском правосудии и о правовых нормах в Советском государстве. — *В. С.*) Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев (? — *В. С.*). Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГНУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное („секретное“, похоже, самое любимое словечко Ильича, после, конечно, „расстрелять“. — *В. С.*) решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, то есть на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение всей этой операции было обеспечено и проводилось в общесоветском и общенародном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквах.

ЛЕНИН

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основою каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разночтения.

ЛЕНИН»

Голод, конечно, после изъятия ценностей не прекратился, большевики же, по некоторым сведениям, положили в свой фонд сорок восемь миллиардов в золотых рублях. Сколько человек при этом было расстреляно, закопано живыми, утоплено в прорубях, удавлено, распилено

пилами, зарублено топорами, замучено пытками, учету не поддается. Существует хорошее двухтомное издание «Новые мученики российские». Составлено М. Польским. Там, особенно в 1 томе, эти сведения имеются в достаточном и даже удручающем количестве.

Видимо, это письмо было результатом одного из острейших приступов мозговой болезни В. И., его агрессивности, его бешенства. А вскоре, очень даже вскоре, начали размягчаться и отключаться участки мозга один за другим.

До революции в России было 360000 священнослужителей, 4 духовные академии, 58 семинарий, 1250 монастырей, 55173 православных церквей и 25000 часовен, 4200 католических храмов, 25000 мечетей, 6000 синагог и более 4000 молитвенных домов.

К концу 1919 года осталось в живых 40000 священников. В книгах о том времени против каждого имени — род его мученической кончины. Читаем: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен и заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян». Причем встречается: «сам себе рыл могилу», «утоплен после долгих мучений», «после жестоких мучений»; встречаются пояснения, за что принял тот или иной служитель церкви лютую смерть: «за проповеди», «за колокольный звон», «за отказ сражаться в армии красных против сибирских войск». В 1921 году ликвидировано 722 монастыря. В 1922 году Соловецкий монастырь превращен в концентрационный лагерь.

После декрета об изъятии церковных ценностей прошли массовые процессы в ряде городов, показательные процессы в Москве и Петрограде. По суду расстреляно белого духовенства 2691, монашествующих мужчин — 1962, монахинь и послушниц — 3447.

Помимо этого, без суда погибло еще не менее 15 000 белого и черного духовенства.

Про отношение В. И. к русскому купечеству (следующий слой российской империи) нечего и говорить. Если еще и сейчас можно встретить иногда недорезанного дворянина (даже «Дворянское собрание» организовалось в Москве), если еще и в тридцатые годы и позже можно было встретить дореволюционного интеллигента (Ахматова, Зощенко, Пастернак, Корней Чуковский, Всеволод Рождественский и пр.), то купечество Владимир Ильич искоренил начисто, ни одного купца в России нет, как будто их никогда и не было.

На севере ловили семгу и навагу, добывали рябчиков (причем различали «ягодных» и откармливавшихся на древесных почках и на можжевельнике), глухарей, рыжики, клюкву, морошку (Пушкин перед смертью попросил моченой морошки, послали человека и тотчас же принесли), на Волге ловили стерлядь и осетров, на Каспии — тарань, воблу, в Сибири добывали соболей, кедровые орешки, золото, серебро; в средней полосе выращивали хлеб, лен, гречу, горох, вырабатывали вологодское масло. Невозможно и перечислить, чем богата, изобильна была Россия, и все это должно было перемещаться с места на место.

Ивановские ситцы и орловские рысаки, ильменский снеток и волховские сита, пшеница и мед, изумруды и бархат, овчины, кожи и глиняные горшки — все это должно было перемещаться с места на место из одних краев огромного государства в другие края, из одних губерний в другие губернии. И вот тянули по рекам груженые баржи, шлепали плицами белые пароходы, тянулись длинные обозы из конца в конец. Происходило необходимое, полезное, жизненно важное «кровообращение», и этим кровообращением была торговля, то есть купечество.

Разбогатев, купцы становились радетелями за Россию, за ее благолепие, великолепие, красоту. Тот открывает частную оперу, тот — картинную галерею (и все это ведь не без идеи, а именно для того, чтобы помогать русской национальной идее). Строятся храмы, украшаются

монастыри, преумножается богатство самой державы.

Но Владимир Ильич купечества не любил, оно не укладывалось в политические, утопические догмы человека, оказавшегося диктатором в стране, и поэтому было уничтожено, ликвидировано, искоренено.

Погрузилась в ледяные волны истории целая своеобразная «атлантида» со своим жизненным укладом, со своими нравами, со своим бытом, представлением о достоинстве и чести, со своими богатствами.

Одно только Замоскворечье, породившее нашего великого драматурга Александра Николаевича Островского с его яркой драматургией, представляло собою бесценную заповедную землю, которая украшала и Москву, и все государство.

Да что Островский! Возьмите лирическое, замечательное повествование Ивана Сергеевича Шмелева под названием «Лето Господне». Это тоже о Замоскворечье, но не о богатом купеческом доме, а так, о «бизнесмене» средней руки. Отец Шмелева был подрядчик. Ну, скажем, открывать памятник Пушкину. Нужны трибуны (скамейки) для гостей. Подряд достался Шмелеву. А теперь его уж забота нанимать плотников, покупать лес… Между прочим, ради Пушкина он все сделал за свой счет. Или нужны «леса» вокруг куполов Храма Христа Спасителя — золотить купола… У него также — свои доходные бани, свои на Москвереке мостки полоскать белье (портомойня). Зимой в зоопарке он устраивал ледяные горы для катания на салазках, а кроме всего, был старостой церковным в церкви Казанской Божьей Матери. Она стояла на нынешней Октябрьской площади, где теперь все стерильно и бездуховно.

Посередке торчит еще памятник нашему персонажу, а кругом современные дома. А ведь даже я, никакой не старожил Москвы, помню на этой площади кинотеатр «Авангард». Как раз он размещался в переделанной (изуродованной, опустошенной) церкви Казанской Божьей Матери. Там-то и был во время Оно старостой церковным отец Ивана Шмелева. Жили. Ну как жили! Все своевременно, сообразно с установившимся распорядком, календарем, церковными праздниками.

Время огурцы солить на всю зиму (а ведь кормить плотницкие артели), время капусту рубить на квашенье. Огородники из Лужников и то и другое привозят на дом возами. Время яблоки мочить. Работали, не ленились. Ну и ели.

«Отец (на масленице) отдает распоряжение. У Титова, от Москворецкого (моста. — *В. С.*), для стола — икры свежей, троечной, и ершей в ухе. Вязиги у Калганова взять, у него же и судаков с икрой, и наваги архангельской, семивершковой. В Зарядье — снетка белозерского, мытого. У Васьки Егорова из садка стерлядок… Преосвященный у меня на блинах будет в пятницу! Скажешь Ваське Егорову, налимов мерзлых пару, а для навару чтобы дал и плес сомовий. У Палтусова икры с стоиками, пожирней, из отстоя… в Охотном у Трифонова — сигов пару, порозовей. Белорыбицу сам выберу, заеду. К ботвинье свежих огурцов. У Егорова в Охотном. Понял?

— П-маю-ссс… Лещика еще, быть может?.. Его преосвященство сказывали?..

— Обязательно леща! Очень преосвященный уважает. Для заливных и по расстегаям — Гараньку из Митриева трактира. Скажешь — от меня».

Вот так. И в очередях не надо стоять. «Лето Господне» написано так, что каждую страницу про наше Замоскворечье, про наши будни и праздники, про московский быт, про людей наших

русских, про отношения между ними хоть двадцать раз перечитывай. Кто-то из литературоведов очень удачно сказал, что «Лето Господне» написано при свете Евангелия.

А я очень люблю эпизод, когда у хозяина именины. Стали думать, что ему подарить, ибо уважали сверх всякой меры. Икону? На прошлые именины дарили. Серебряную просфору у Хлебникова заказать?

Отчеканит. Но кто-то видел, архиерею такая просфора у Хлебникова уже заказана. И вдруг столяр Ондрейка всех и подивил: «А я, говорит, знаю, чего надо… Вся улица подивится, как понесем, все хозяева позавиствуют, какая слава! Надо, говорит, огромный крендель заказать, чтобы не видано никогда такого было, и понесем все на головах, на щите, парадно…

Василь Василич аршинчиком прикинул: под два пуда, пожалуй, говорит, будет… старик-то Филиппов всегда ходит в наши бани, уважительно его парят банщики, не откажет, для славы сделает… — хоть и печь, может, разобрать придется, а то и не влезет крендель, таких никогда еще не выпекали… И чтобы ни словечка никому: вот папашеньке по душе-то будет, диковинки он любит, и гости подивятся, какое уважение ему, а слава такая на виду всем в пример».

Крендель у Филиппова, конечно, исполнили, да еще воз лучины сухой потребовали, да соломы для подрумянки. И вот торжественно его понесли. Как раз по той площади, где теперь только мертвые и все вокруг мертвящие стекло да камень, да еще этот… персонаж торчит посреди площади. А тогда стояла церковь Казанской Божьей Матери. Тут около церкви инцидент произошел: затрезвонила звонница, как крендель мимо несли. Дошло до владыки благочинного. По какому случаю трезвон?

Кому трезвон? Не скажешь, что кренделю. Но когда отец Виктор этот крендель сам воочию увидел…

«— Да вы поглядите на сей румяный крендель! Тут, под миндалем-то, сердце человеческое горит любовно!.. Ведь это священный крендель!!.

И все мы стали глядеть на крендель. Всю рояль он занял, и весь — такая-то красота румяная! Тут отец Виктор и говорит:

— …Это не кренделю-муке трезвон был, а воистину — сердцу человеческому. От преизбытка сердца уста глаголят, в Писании сказано.

А я добавлю: „…колокола трезвонят, даже и в неурочный час“. Так и донесу, ежели владыка потребует пояснений о трезвоне».

Так что прочитавшие эти строки (а еще лучше все «Лето Господне» Ивана Шмелева, о чем они не пожалеют), если окажутся потом в Москве, на Октябрьской площади, стеклянно-каменной, попираемой чугунной (или какая она там) пятой вождя, пусть вспомнят, что еще несколько десятилетий тому назад (ну, век) здесь светилась совсем другая, живая жизнь. Кстати и вспомним, что сына Ивана Шмелева расстреляли в Крыму большевики, а сам он оказался в изгнании в Париже. Не нужны были государству русские, духовно богатые, талантливые люди: ни Гумилев, ни Блок, ни Иван Шмелев.

Теперь настала очередь после царствующего дома, дворянства, интеллигенции, духовенства и купечества взглянуть на отношение Ленина к основной массе российского населения — к крестьянам. Ведь даже и на гербе — серп и молот. Рабоче-крестьянская власть. Уж крестьян-то, наверное, должен был бы любить Владимир Ильич.

Парадокс состоит в том, что крестьян Ленин ненавидел больше, чем любое другое сословие в России. В своем месте, в отдельной главе этой книги, мы более обстоятельно разовьем эту тему, как он бросал против крестьян регулярную армию, головорезные, грабительские продотряды, как он пол-России выморил голодом и насильничал так, что крестьяне то и дело восставали, и тогда целые крестьянские волости и губернии топились в крови. А схема была знакомая. Точно так же, как при подавлении и уничтожении духовенства он наклеивал ярлыки реакционеров и черносотенцев, точно так же на крестьян он стал клеить ярлыки бандитов и кулаков. В Пензе восстало пять волостей. Это сотни и тысячи повстанцев. Повстанцы? Бандиты и кулаки!

«Пенза Губисполком, Минкину.

Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции…» (В. И. Ленин в основном цитируется по Полному собранию сочинений, издание 5-е, М., Госполитиздат, 1962. — *Ред.*).

Телеграмма Ливонскому исполкому. 20.VIII. 1918 г.

«Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев (?!) в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты… конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков… арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба…

Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

Тут надо пояснить, что «излишками» Ленин замаскированно называл весь хлеб, добиваясь двух целей: сосредоточения всего хлеба в своих руках, как орудия власти, и для того, чтобы инспирировать голод и детоедство.

«Пенза Губисполком, Копия Евгении Богдановне Бош.

Получил вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор… сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города.

Экспедицию (карательную, тот самый „Железный полк“. — *В. С.*) пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении. Предсовнаркома ЛЕНИН».

«12 августа 1918 г. Москва. Пенза, Губисполком. Бош.

Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба…» Замечательный публицист Дора Штурман добавляет от себя после этой цитаты:

«Видит ли Ленин голодную смерть детей за этими своими бесчисленными приказами отобрать весь хлеб у сопротивляющихся продразверстке и не имеющих никаких хлебных „излишков“ людей, которых он именует „кулаками“?» (Слова выделены Дорой Штурман.) Видит и знает. Вспомним его фразу из секретного письма в Политбюро по поводу изъятия церковных

ценностей: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем…» и т. д.

Более обширным, нежели Пензенское, было известное Тамбовское восстание крестьян, против которых Ленин бросил регулярную армию под командованием Тухачевского, а также ЧОНовские карательные войска. (Между прочим, участником этой карательной войны с крестьянами был известный впоследствии писатель Аркадий Гайдар.) С. П. Мельгунов в своей страшной по содержанию книге «Красный террор в России» пишет на стр. 29: «Брали сотнями заложниц — крестьянских жен вместе с детьми во время крестьянских восстаний в Тамбовской губернии: они сидели в разных тюрьмах, в том числе в Москве и в Петербурге, чуть ли не в течение двух лет. Например, приказ оперштаба тамбовской ЧК 1 сентября 1920 года объявлял: „Провести к семьям восставших беспощадный красный террор… арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество“».

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»:

«5 сентября сожжено 5 сел; 7-го сентября расстреляно более 250 крестьян… В одном кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921–1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 года свирепствовал сыпной тиф…

…Расстреливали и детей и родителей. И мы найдем засвидетельствованные и такие факты. Расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей…» О «любви» Ленина к крестьянству, которую можно выразить грубоватой, но справедливой русской пословицей — «Полюбил волк кобылу, оставил хвост да гриву», говорит и его разговор с Уэллсом, записанный последним в книге «Россия во мгле». Уэллс беседует с Лениным.

«— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расшириться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой.

Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные (подчеркнуто мной. — *В.С.*), не будут знать, что происходит, пока не придет их черед…

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко.

Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать».

Не правда ли, каждое слово вождя так и дышит любовью к крестьянам.

Наконец, у меня в руках есть еще один, можно сказать, уникальный документ, в котором

говорится не о крестьянине, а голосом самого крестьянина. Известно, что каждый писатель получает много читательских писем. Обычно они приходят по почте. Но вот однажды в дверь моей квартиры позвонили, я открыл. На пороге стоял коренастый мужчина лет сорока пяти, в облике которого по каким-то неуловимым признакам угадывался сибиряк. Он протянул мне завернутый в газету сверток трубкой, наподобие того, как свертывают чертежи, и коротко пояснил:

— Мой отец просил это после его смерти отдать в хорошие руки, чтобы не пропало. Я отдаю это вам. Делайте с этим что хотите.

В свертке не оказалось ни письма с обращением, ни обратного адреса. Но подлинность документа и всех данных, содержащихся в нем, не вызывает никаких сомнений. Все это полностью вошло в книгу «Слово исповеди и надежды», изданной в «Молодой гвардии» в 1990 году, а в несколько сокращенном виде опубликовано в журнале «Сибирские огни».

Дело в том, что рукопись начинается с длинного списка, с перечня 214 домохозяев некоего села Сивкова. Ладно, если бы крестьяне были просто перечислены, а то они перечислены на разграфленных страницах, и если считать за графу порядковую нумерацию, то набирается одиннадцать граф. Вверху страницы заголовок: «Об отмщении взываем».

Под заглавием поименный состав домохозяев села Сивкова с 1908 по 1945 год.

Конечно, этот список печатным способом воспроизвести можно, но он занимает много места, мелким шрифтом девять страниц. Мы его пропускаем. Далее идут «Пояснения к списку». Летописец села Сивкова поясняет:

1. В графе 3 показаны:

а) Знаком «М» — хозяйства, имевшие в собственном владении и пользовании ветряные мельницы. Мельниц в селе было 22.

б) Знаком «К» — хозяйства, владевшие собственными кузницами.

Кузнецов в селе было 8 человек.

в) Знаком «СТ» показаны 2 столяра, знаком «П» — один портной.

Далее летописец рассказывает, сколько было в селе простых изб, сколько пятистенок, сколько крытых тесом и т. д. и вдруг…

3. Графа «Погибли в восстании 1921 года» имеет такое содержание:

а) Конным отрядом курганской ЧК 23 марта 1921 года были арестованы в своих домах в селе Сивкове, собраны в группу, вывезены из села и в 15 километрах от него, на льду степного озера Сазыкуль были раздеты до нижнего белья и расстреляны, трупы там брошены, а вся одежда похищена; погибшие 7 человек следующие (следует перечень семи человек).

б) По приказу коменданта курсантского полка ЧОН 21 марта 1921 года были арестованы в своих домах в селе Сивкове и зарублены саблей в прогоне сивковского жителя Луки Мироновича Мальцева следующие пять человек…

в) Курганской ЧК были арестованы в своих домах в селе Сивкове, увезены в село Макушино и там в ночь на 14 апреля 1921 года расстреляны на кладбище и зарыты следующие 7 человек…

г) Арестованы отрядами ЧК в селе Сивкове и там расстреляны в марте 1921 года следующие 5 человек…

д) Убиты при участии разновременно в боях на стороне восставших в феврале-марте 1921 года… (Перечислены четверо.)

е) Захвачены в плен и расстреляны Курганской ЧК …

(Перечислены четверо.)

4. В графах «Погибли в 1930 году» показаны плоды коллективизации и переустройства деревни, именно:

а) В ночь с 25 на 26 июня 1930 года в здании ОГПУ по Уралу в г. Свердловске были расстреляны четверо из жителей села Сивкова, принадлежавшие к большой группе в 58 человек, расстрелянных вместе с ними в ту же ночь, там же.

История эта такова. В преддверии всеобщей коллективизации 1930 года власти разработали ряд мер, чтобы накалить атмосферу в районах, намеченных к коллективизации, и тем спровоцировать что-либо вроде выступления населения против власти; этим оправдано было бы введение чрезвычайных мер в районах коллективизации. Одной из таких мер, разработанных ОГПУ, была засылка в районы коллективизации специальных агентов с целью выявления там лиц, нетерпимо относящихся к мероприятиям властей по коллективизации, и ведения между ними подстрекательской агитации.

Так, в Частоозерском районе Ишимского округа в конце осени 1929 года появился некто Власов, бесхозный житель и уроженец дер. Власовки Утчанской волости Ишимского уезда, болтавшийся до этого на подворье Частоозерского райкома ВКП(б) в качестве инструктора одного из отделов. Выдавая себя за разошедшегося с властями правдолюбца и за болельщика мужицкой несчастной доли. Власов стал энергично мотаться по селам и деревням Частоозерского и Долговского районов, везде выискивая недовольных мужиков и подбивая их вступать в организацию против власти и коллективизации. Неискушенные в мерзостях ОГПУ, доверчивые мужики не рассмотрели в жалостливых призывах новоявленного поборника мужицкой правды подлинной рожи провокатора. Конечно же, все они были недовольны, больше того, озлоблены всем тем, что творили с ними власти, и, как плотва на крючок, кинулись на приманку, которую кидал перед ними Власов. Мужики поверили этому проходимцу и охотно стали делать все, к чему он их подбивал.

Так за зиму 1929/30 года Власов вовлек в свою «организацию» более сотни мужиков из деревень и сел Частоозерского и Петуховского районов Ишимского округа. Такой успех выглядел внушительным, и власти вверху (ОГПУ) сочли, видимо, это достойным. Они даже не посоветовали Власову (для большей реальности и убедительности) организовать какое-либо, пусть даже незначительное, выступление «заговорщиков». ОГПУ, видимо, рассуждало: к чему это? Сойдет и так!

Ведь все равно разбираться публично никто не будет! Все это только для внутреннего потребления!

В самом деле, если вглядеться внимательно и без предубеждений, вся «организация», созданная Власовым, не представляла ничего опасного. Ничего не было в ней реального, существенного! Одна поза взамен дела! Были одни слова, одни высказывания своих желаний! Да чтоб было как можно более скрытно все, более таинственно. В то же время чтоб выглядело всамделишным и было похожим на реальность, а не на игру. Власов требовал, например, от

опекаемых им мужиков не просто агитировать и склонять других на свою сторону, а обязательно собираться где-либо группой, лучше в бане или в амбаре, лучше ночью при лампе, чтобы выглядело все не понарошку, а вполне солидно, как и подобает настоящему заговору; чтобы было не просто как случайная встреча или мимолетный разговор, и чтобы на таком тайном собрании не просто разговаривали, а чтоб один кто-либо обязательно докладывал, а другие чтобы выступали в прениях, и чтоб велся протокол такого собрания, с повесткой собрания и с приложением списка всех присутствующих и выступавших на этом собрании. Протоколы эти Власов забирал потом себе. Уж это одно обстоятельство, кажется, должно было и недалекому уму подсказать, что не все чисто в этой игре, что скрыто тут что-то непонятное. Но неискушенный мужик во все хотел верить и верил, он не замечал ловушки, хотя она и была почти не замаскирована.

А операция по принудительной всеобщей коллективизации меж тем приближалась к своему взрывному пункту. И вот в одну из ночей конца февраля 1930 года все «заговорщики» из всех деревень и сел Частоозерского и Петуховского районов были бесшумно враз арестованы и препровождены в г. Ишим, где их закупорили в тесных подвалах окружного ОГПУ. Началось следствие, которое тянулось с марта до половины мая 1930 года. Состояло оно в том, что каждого из заключенных вызывали из подвала к следователю и добивались от него письменного подтверждения всего того, что и так ОГПУ было известно по донесениям Власова. Некоторые из допрашиваемых первоначально не сознавались или отказывались признать то или иное, тогда вызывался Власов и начинал усовещевать упрямого мужика: «Ну как же ты, Петра Яковлевич, не помнишь, ведь вот как дело-то было». И усовещенный мужик, потупив глаза, признавался. Все это обстоятельство фиксировалось в протоколах допроса, которые сшивались в папки, и создавалась таким путем занятная повесть о том, как злобное мужичье-кулачье в Ишимском округе замыслило свергнуть родную для народа советскую власть, но бдительное ОГПУ своевременно раскрыло этот коварный замысел и обезвредило врагов трудового народа. Так был задуман и так составлялся этот сценарий. В действительности же все это было не больше как сказка для малышей. Или материал для скудоумных творений литераторов современности.

Под конец допросов главные обвиняемые признали и подписали все, что подготовили им на подпись следователи ОГПУ, взамен чего получили от них заверения: «К севу вас выпустят! Ведь не за что же держать-то вас! Ведь ничего худого вы не сделали, вы только мечтали что-то сделать, зато чистосердечно во всем признались и раскаялись».

В конце мая папки с протоколами допросов увезли в Свердловск, в ПП ОГПУ по Уралу. Следом за ними всех мужиков вывели из подвалов ОГПУ в Ишиме, посадили в тюремные вагоны, перевезли в Свердловск, ввели за решетчатые ворота свердловского изолятора и разместили в просторных камерах этого знатного сооружения, на втором этаже.

«О, как здесь хорошо! — ликовали мужики после подвалов Ишима. — И просторно, и светло, и нары!» Условия в свердловском стационаре, конечно, были несравнимы с ишимским: тут было обычное двухразовое питание, была ежедневная прогулка, назавтра всем желающим было разрешено работать на дворе, была почта, были газеты. Ничего этого в Ишиме не было. И мужики воспрянули духом. Не зря, видно, их напутствовали в Ишиме, что скоро выпустят. Хотя уже и сев прошел, сенокос на носу, а освобождения все нет. Уже три недели, как они здесь. Уже жены поприезжали к некоторым, получив их письма. Да что же это так тянут с освобождением? Видать, дел там наверху много накопилось. Так уж поторопились бы. Ведь полевые-то работы не ждут.

И вот наконец к решетчатым воротам главного подъезда изолятора подошел крытый черный автофургон и встал своей задней дверцей впритык к проходной дверце в воротах. А по этажам и

коридорам изолятора полетело: «Выходи с вещами на освобождение!» Дважды в этот день приезжал к воротам изолятора крытый черный автофургон, и за оба раза он увез 58 человек. Мужики ликовали, подымаясь по ступенькам переносной лесенки из проходной дверцы в фургон и размещаясь на лавках кузова: «Ну, наконец-то!» Наутро жены мужиков, приехавшие из деревень, собрались к началу занятий в приемную прокурора города за пропусками на свидание со своими мужьями. Секретарь прокурора в окошечко объявил им, что их мужья этой ночью расстреляны.

Так закончилась мужицко-власовская игра в заговор.

А что Власов? Власова никто и нигде больше не видел.

б) «Раскрытие заговора», организованного Власовым, стало сигналом к массовым и повсеместным репрессиям против «кулаков», то есть обыкновенных крестьян-мужиков. В результате в селе Сивкове были арестованы 38 домохозяев и вместе с их семьями в составе 131 человека были высланы из села неизвестно куда, вроде бы куда-то в отдаленные и малообжитые углы севера области. Все имущество высланных было, конечно, разграблено.

Аресты и высылка мужиков проводились по весьма упрощенному трафарету: в дом, намеченный к ликвидации, вламывались подобранные для того молодцы-опричники и объявляли, чтоб все находящиеся в доме собрали необходимые им вещи и одежду и были бы готовы через час покинуть помещение. Через час нагруженных вещами жильцов выводили из дома на улицу, где уже стояли сани с запряженными в них лошадьми. Конвоируемых распределяли по этим саням, и обоз начинал движение, направляясь за 60 километров к железнодорожной станции Петухово. Там доставленных мужиков, их жен с ребятишками, дедушек и бабушек со всем их скарбом вталкивали в товарные вагоны стоявшего на путях состава из красных вагонов и закрывали на болты. Затем подходил паровоз, гудел свисток, и состав с высылаемыми двигался в неизвестность. Вот и все, что знали о высланных оставшиеся на месте.

в) Видя все это, происходившее на их глазах, оставшиеся в селе Сивкове мужики примеряли все на самих себя и, конечно, приходили к вполне резонному выводу, что опричники не остановятся на этом, доберутся они и до них. «Вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет», — слышал мужик еще от стариков, задолго до ленинских истин. И мужик принял-таки свое решение. Постепенно стали исчезать из своих домов и из села мужики. Сначала исчезнет мужик сам — один, а семья остается на месте: придут вдруг за ним из сельсовета — им ответ: уехал куда-то. Но через какое-то время исчезала из дома и вся семья этого мужика. А имущество — дом, скот и вся рухлядь? Да пропадай оно все пропадом! Не погибать же из-за него! Будем живы — наживем! Что можно с собой захватить — брали, остальное же отбрасывалось. На разграбление.

Так исчезли из села Сивкова 65 домохозяев с числом членов их семей в 207 человек, исчезли и растворились в неизвестности. Остались в селе Сивкове только дворы «не бей лежачего», с которых взять было нечего. Таких дворов было 108, с числом членов семей в них 310 человек.

Сивково — селение Частоозерской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (по старому административному делению).

Расположилось село в 50 верстах к северу от середины отрезка железнодорожного полотна между городами Курганом и Петропавловском.

Сивково в его дореволюционном прошлом и вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия —

старинное село крепко сбитых сибирских крестьян-мужиков, исконных хлеборобов. Все коренное население села делилось на 211 крестьянских дворов и состояло из 713 человек обоего пола, которые проживали семьями в собственных жилищах, в том числе:

а) 110 человек проживали в однокомнатных 43 избах; б) 295 человек жили в 83 двухкомнатных деревянных домах; в) 308 человек жили в 85 трехкомнатных деревянных домах.

Пятеро из проживавших в селе не были постоянными жителями села и собственного жилья не имели.

Основным занятием всех жителей села было землепашество.

Пахотной земли в постоянном (пожизненном) пользовании жителей села имелось по пять десятин на каждую мужскую душу (десятина — 30 х 90 = 2700 кв. сажень). Несколько меньше и тоже в пожизненном пользовании имелось у жителей лесных угодий и сенокосов. Площади лесов поделены были также на мужские души и также закреплены были за каждым двором в постоянное (пожизненное) пользование, на правах личной собственности; сенокосы же в зависимости от ежегодного состояния трав на площадях делились между дворами также на мужские души каждую весну заново.

Одновременно с основным занятием население занималось промыслами побочными, так: домохозяева 22 дворов владели 22 собственными ветряными мельницами, в 8 дворах домохозяева имели собственные кузницы, в 2 дворах были столяры, в одном домохозяин работал портным. Среди кузнецов имелись умельцы, изготовлявшие охотничьи ружья с диаметром ствола в дореволюционный медный пятак.

Нормально функционировала в селе, ведя заготовительные и торговые операции, одна кооперативная лавка, круглогодично работали два общественных маслодельных завода, работало сельскохозяйственное машинное товарищество, били масло из конопляного семени, осенями работали в селе три скотобойни.

Были в селе и другие подспорья, как-то: зимняя охота на пушное мелкое зверье (заяц, хорек, колонок, горностай), летняя и зимняя рыбалка (в нарезке села — 35 не лишенных рыбы озер).

В личном пользовании жителей села имелось множество сельскохозяйственных машин, таких, как сенокосилки, самосброски, сноповязалки, сеялки, двухлемешные плуги, культиваторы, бункера, чистодающие и простые молотилки. В машинном товариществе имелись и работали трактор и молотилка.

В личном владении населения имелись многие сотни голов крупного рогатого скота, овец, лошадей, свиней, множество домашней птицы.

Во владении и использовании населения села были богатые степные-лесные-заливные — сенокосы, обширные пастбища для молочного скота, овец и молодняка, достаточные вполне площади плодородной земли, раздольные лесные угодья. В лесах не переводились многие виды ягод и грибов. Одним словом, довольное всем окружающим и самим собою село, процветающее, богатеющее! «Знай работай, да не трусь!» — по Некрасову.

Действительно, село цвело и хорошело. Оно вроде бы позировало и хвасталось своею статностью, планировкой. Посреди центральной площади — сельский храм и школа. Высоко уходил и вонзался в небеса белый шатер колокольни, увенчанный позолоченной маковкой с крестом.

Еще шесть таких же позолоченных маковок с крестами венчали остальную часть здания храма. В целом это было величественное архитектурное сооружение, с формами древнего дониконианского церковного зодчества, возвышавшееся над ансамблем добротных крестьянских домов, свободно расположившихся по сторонам площади в центральной своей части, а по мере удаления от центра — почти опоясавших зеркало круглого, с версту в диаметре, поджильного озера.

И вот подошел 1930 год. Провозглашено было начало переустройства деревни. Был брошен клич — «ликвидация кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации». Потом последовало как бы отрезвляющее — «головокружение от успехов». А еще через какое-то время новое подхлестывание — «сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными».

Все эти и им подобные приторно-сладкие и хмельные призывы и заклинания, каждодневно сыпавшиеся со всех газетных полос и настенных плакатов того времени, видоизменявшиеся вдобавок применительно к вкусам и склонностям окружающей среды, все это было пищей богов и для люмпен-пролетариев города, — кинувшихся искать удачи в мутных водах сельского хозяйства и, по существу, ни на что стоящее и дельное не способных, готовых и умеющих только рушить да уничтожать все то, на что им укажут.

В результате такой «творческой» стыковки и единения зачинателей перестройки, взявшихся созидать светлый рай коммунизма в деревне с непосредственными проводниками и исполнителями заданий этой «мудрой» политики партии, цветущее село Сивково, славившееся на всю окружавшую его группу сибирских поселений как наружным праздничным обличьем, так и внутренней мощью и благолепием, за непродолжительный период стало пустырем из развалин да скособоченных лачуг, как после пожара или бомбежки. И никто из знавших это село прежде никогда больше не сможет разглядеть в этих развалинах какой-либо признак или подобие прежнего большого села Сивкова! Мертвое бывшее поселение!

Первые наскоки на свое благополучие и на свой жизненный уклад, освященный годами и унаследованный от предков, сибирский мужик встретил вскоре после того, как появились на его землях «красные». А случилось это в октябре-декабре 1919 года. Придуманные Лениным военный коммунизм и продразверстка, введенные взамен рассудительного хозяйствования и мирных добрососедских отношений с окружающими, мужик, конечно, отверг сразу, как чуждые его природе и формой и содержанием, как воровские и разрушающие основы домоводства. Но Ленин не хотел уступать мужицкому уму. Он стал насылать на мужика своих опричников, называвшихся продкомиссарами, которые во главе специально подобранных головорезов, вооруженных с головы до ног и объединенных в продотряды, заполнили все мужицкие поселения и занялись грабежом: у мужиков отбирали и увозили к железнодорожной станции хлеб, мясо, отбирали скот, даже птицу. И все это под тем предлогом, что надо будто бы кормить голодающих, Питер, Москву и пр. А кто же довел Питер и Москву до голода, разве мужик? По его разумению, чтобы выправить положение, ведь и надо-то было всего лишь иначе, по-умному да по-хозяйственному, поразговаривать с Западом — и изнемогающий от избытка всех видов продовольствия западный мир вмиг ликвидировал бы всякую опасность голода в России. Но так рассуждать могло лишь существо с умом хозяйственным. Взбалмошный же шарабан Ленина, натренированный на решении задач из быта воровского и бездомного и привыкший вращаться в кругах людей склада авантюристического, не мог породить действа умного и практически ценного, он видел перед собой одно — быть по-моему! И потому он предпочел путь грабежа. Грабить, разорять ненавистного мужика! Лучше его разграбить, чем потерять власть! И грабеж начался.

И вот к началу 1921 года обстановка в Сибири настолько накалилась, что мужик-таки не

выдержал. Как ни был он медлителен и тяжкодум, но проняло и его — мужик восстал. Как порох от спички, враз вспыхнул народный гнев, и в два дня обширный Ишимский уезд, весь охваченный восстанием, был освобожден от угнетателей мужицкой породы. Сброшено было ненавистное иго новоявленных батыев, которого сибирский мужик искони не знал. Он приготовился по-прежнему дышать во всю свою могучую грудь. Мужицкая правда, казалось, поборола.

Но недолго ликовал мужик. Ленин двинул против мужика армию — и восстание в Ишимском уезде через полтора месяца после его начала было подавлено. Со всей возможной жестокостью и изуверством расправились посланцы и агенты Ленина с восставшим мужиком, в том числе в селе Сивкове, где за время мужицкого правления не был наказан ни один человек ни из местных, ни из представителей советской власти, опричники Ленина расстреляли и зарубили 32 человека.

Вновь утвердилось за Уралом поганое батыево право, утвердилось против воли мужика, насильно. Пришла-вернулась советская власть-матушка, противная для мужика, вредная для его хозяйственных устремлений. Опять и по-прежнему сидел Ленин в Кремле, защищенный от любящего народа высокими зубчатыми стенами, но теперь, после восстания, он не грозил уже народу военным коммунизмом и продразверсткой. Понял ли он сам потухающим своим умом или подсказал кто, что пренебрегать нуждами крестьянина и отрицать собственнические интересы мужика неразумно, что надо искать какую-то иную, компромиссную форму. И был придуман НЭП. А вскоре не стало и самого Ленина.

На смену Ленину пришел Рыков. Этот руководитель и его группа (Бухарин, Томский и др.) понимали и, насколько можно, оберегали интересы крестьянина. Это они бросили крестьянину лозунг: «Обогащайтесь!»

Расшатанное хозяйственными экспериментами ленинской политики в деревне крестьянское хозяйство стало при Рыкове снова набирать силы, стало восстанавливать упавшие промыслы и свои прежние занятия, возрождать забытые традиции и порядки сельского уклада. И за какие-нибудь 3–4 года нэпа мужик почти залечил изъяны ЛЕНИНСКОЙ поры, и хозяйство его почти достигло довоенного уровня.

Но тут всплыло на поверхность общественной жизни нечто новое — появился Сталин. Этот «деятель», не зная и вовсе не понимая ничего в делах хозяйственных вообще, а в крестьянском хозяйстве в особенности, признал, однако, за собой высший авторитет в решении судеб деревни.

Тогда как действительным мерилом его осведомленности в крестьянском вопросе была лишь лютая его злоба к мужику. А злоба отчего? Да оттого, что как волку везде псиной пахнет, так и Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции, в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги, как бородатые дворники то проделывали — поймать, свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию. Так Сталин-Ленин-Дзержинский считали всегда мужика своим потенциальным врагом, противником всякого бунтарства-бродяжничества и заступником существующего порядка, который те, наоборот, всегда пытались как-то подорвать, нарушить. И вот теперь, сам дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды за прежние и во всем неудачи и просчеты. Сталин задумал и начал перестраивать деревню. Взялся он за это капитально и усердствовал до «головокружения» с привлечением к активному участию в операциях воинских контингентов, всего многоликого аппарата ОГПУ и всего партийного аппарата сел и городов, печати и радио. Были придуманы и такие новые названия проводимых Сталиным мер и операций, как раскулачивание, за

большевизацию колхозов, беспартийные большевики и проч. А по сути все это было наипростейшим из того, что мог человек руками и головой своей создать — круши-ломай все, что видишь, бери-хватай все, что хочешь! Такими концентрированными мерами Сталин добился-таки, чего не смогли, не догадались или не успели сотворить до него над ненавистным мужиком и над сибирской деревней Ленин с Дзержинским, именно: Сталин сгубил мужика вконец, самого мужика он расстрелял или со всей его семьей сослал в отдаленные дебри Нарыма, Васюгана и других неоглядных болотистых и лесных пространств в бассейне рек Оби, Енисея, Лены, а все хозяйство мужика и все прежние поселения его на сибирской земле он развеял до ветру.

Такою в историческом аспекте оказалась подлинная природа и правда «мудрой ленинской политики в деревне»!

И такою по своему содержанию была ОНА, во всю богомерзкую свою харю неприкрашенная, «родная Советская власть-матушка» — это исчадие Золотой Орды хана Батыя и его кнутобаев-сподвижников на многострадальной Русской и Сибирской земле!

Об отмщении взывает Сивково, обязательном и неотвратимом!

Старинное село Сивково, мирное жилище исконных хлеборобов крестьян-сибиряков, подверглось неспровоцированному нападению и разбою и было разграблено-разорено-уничтожено бандитами, посланными Лениным-Дзержинским-Сталиным. Эти человекоподобные чудища, потенциальные воры — бандюги — проходимцы, на своих грязных хвостах приволокли в людские поселения мужицкой земли моровую заразу людоедства и богоотступничества. Сами будучи носителями ущербной скособоченной психологии, названной ими учением о социальном равенстве и братстве, они погубили на Руси многие миллионы честных людей, в том числе под корень уничтожили Сивково как поселение, а мужиков-сивковлян расстреляли, зарубили или сослали в период 1921–1930 годов.

Об отмщении взывают Сивково и кровь замученных жителей этого села!

Итак, мы перебрали все основные слои населения, общества, государства, если не считать так называемого мещанства, то есть просто горожан, жителей, да еще мелких чиновников, да еще «деклассированные» элементы — нищих, пьяниц в кабаках, конокрадов, всевозможных жуликов. Нетрудно заподозрить, чтобы Ленин, ненавидя царскую семью, дворянство, духовенство, купечество, крестьян, воспылал бы любовью к мещанам и жуликам.

Переходим к главному «ленинскому» классу — к пролетариату, или, чуть понятнее говоря, — к рабочим.

Ведь это его имя, имя пролетариата, внесено Марксом как лозунг в Коммунистический манифест: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ведь это о нем пеклись марксисты во всех странах, создавая разные там «Группы освобождения труда», «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», это о нем говорилось, что ему нечего терять, кроме своих цепей, но и о нем же, что «пролетариат не имеет отечества».

Революция — пролетарская, диктатура — пролетариата, государство — пролетарское, власть — рабоче-крестьянская и в гербе — серп и молот.

Правда, иногда мне приходила в голову мысль: не условное ли это для Ленина и ленинцев было словечко вроде тех же условных обозначений: реакционер, черносотенец, кулак, в то время как вовсе это были просто русский интеллигент, русский патриот, русский крестьянин.

Почему революция пролетарская, когда переворот 25 октября 1917 года совершила группа (ну, пусть будет — партия) профессиональных революционеров, интеллигентов и полуинтеллигентов, которые захватили власть и начали властвовать? Если это была власть рабочих и крестьян, то почему в советском правительстве первых лет, осуществившем диктатуру пролетариата, не было ни одного рабочего, а тем более крестьянина? Ленин, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Дзержинский, Сталин, Молотов, Троцкий, Чичерин, Лурье, Володарский, Урицкий, Луначарский… Дальнейшие десятки и сотни фамилий Совнаркома, Военного комиссариата, Комиссариата внутренних дел, членов Чрезвычайной Комиссии (Дзержинский, Петерс, Шкловский, Кнейфис, Цейстис, Размирович, Кронберг, Хайкин и т. д.). Не хочется перечислять (но все они, конечно, известны). Что же они все — от станка или от сохи? Ни-ко-го! Один там только был экс-рабочий — М. И. Калинин, да и то его держали для вывески под названием «Всенародный староста». Не случайно ведь Ленин строго наказал, чтобы изъятие церковных ценностей проходило за подписью Калинина, а ни в коем случае не Троцкого. Понадобился единственный русский дурачок!

Ну, правда, в первые послереволюционные дни существовал Петроградский Совет, якобы законодательный орган. Герберт Уэллс, посетивший Советскую Россию (так она тогда называлась), побывал на заседании Петроградского Совета и оставил нам свои впечатления в виде небольшой главки в книге «Россия во мгле». «В четверг 7 октября мы присутствовали на заседании Петроградского Совета… Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет.

Заседание проходило в Таврическом дворце, когда-то принадлежавшем фавориту Екатерины II — Потемкину. При царском режиме здесь заседала Государственная дума… Стол президиума, трибуна и места для стенографисток — все оставалось как раньше, но атмосфера вялого парламентаризма сменилась обстановкой многолюдного, шумного, по-особому волнующего массового митинга. Вокруг нас, на возвышении позади президиума, на идущих полукругом скамьях, с трудом разместилось более двухсот человек — военные моряки, люди, принадлежавшие, судя по одежде, к интеллигенции и рабочему классу…

Зал был битком набит; две или три тысячи человек, много мужчин и женщин, занимали не только кресла, но все проходы, ступени и толпились под хорами, которые тоже были переполнены. Все они были членами Петроградского Совета, по существу, представляющего собой совместную ассамблею всех районных Советов.

За столом президиума… сидели Зиновьев, его правая рука — Зорин и председатель. Обсуждались условия мира с Польшей… Вскоре после нашего прихода Зиновьев произнес длинную и, насколько я могу судить, убедительную речь, подготовляя участников заседания к мысли о необходимости капитуляции. Польские требования возмутительны, но в данное время России приходится идти на уступки…» (Новые поколения людей, наверное, уже не помнят или не знают, что тогда произошло с Польшей. Упоенные победами над российскими мужиками и над Туркестанским краем (Средняя Азия), большевики решили «легендарную» конную армию Буденного и другие воинские части под общим командованием «легендарного» Тухачевского бросить на Варшаву и далее — на Берлин. Мировая революция все не вспыхивала и не вспыхивала, ну так решили ее распространять, то есть навязывать другим народам силой оружия. Особенно рассчитывали на поддержку Германии, где — по Марксу — революция должна была бы произойти в первую очередь. Поэтому очень хотелось пробиться к Берлину. Был лозунг — и пели в песне: «Даешь Варшаву, дай Берлин…» Но поляки под Варшавой, возглавляемые маршалом Пилсудским, задали легендарной конной армии и легендарным полководцам такую трепку, что те драпали до самой Москвы. А это уж задним числом сочинял

Сурков: «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки». Это уж было не более чем пропагандистское вранье.) «Затем открытым голосованием было принято решение заключить мир с Польшей…

…затем последовали доклад и прения о выращивании овощей в окрестностях Петрограда. Этот практический вопрос вызвал в зале огромное оживление. Люди вскакивали, произносили короткие речи с места и снова усаживались; они кричали и перебивали друг друга. Все это гораздо больше напоминало многолюдный рабочий митинг в Купи Холле, чем работу законодательного органа в понимании западного европейца…

В конце оркестр исполнил „Интернационал“, а публика — прошу прощения! — Петроградский Совет начал расходиться под пение этой популярной песни. По существу, это был многолюдный митинг, который мог самое большее одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов».

Когда читаешь книгу «Россия во мгле», складывается впечатление, что великий британский фантаст либо ничего не понял из того, что увидел в России, либо по некоторым причинам, которые не будем уточнять, сделал вид, что не понял.

Заседание Петроградского Совета было двойным спектаклем. Во-первых. Петроградский Совет сам по себе уже был — спектакль.

Сравнивая его с кучей разрозненных колесиков, Герберт Уэллс не знал (или не хотел знать), что существует Политбюро — компактный, железный, отлаженный, беспощадный, находящийся всегда, как хорошо смазанный маузер, в боевом состоянии механизм. Там-то все и решается.

Там-то и было решено заключить мир с Польшей. Но когда все уже решено, почему бы и не потешить петроградских рабочих митингом. Ну да еще поговорить о выращивании овощей в окрестностях Петрограда.

Выпустить пар.

Во-вторых, несомненно, заседание Петроградского Совета 7 октября 1920 года было еще и спектаклем, срежиссированным для британского гостя. Герберт Уэллс описывает эпизод этого заседания, который, хоть сейчас казните меня, был приготовлен специально для него. Он пишет: «…выступил пожилой человек (в присутствии Зиновьева! На Петроградском Совете!!! В 1920 году!!! — *В. С.*), который с ожесточением упрекал русский народ и правительство (!) в безбожии; Россия, говорил он, несет наказание за свои грехи, и, пока она не раскается и не вернется в лоно религии, ее будет преследовать одно бедствие за другим. Хотя участники заседания не разделяли его взглядов, ему дали высказаться беспрепятственно», — добавляет Герберт Уэллс.

Святая простота, святая наивность! — добавим мы от себя. — Вот видите, господин Уэллс, какая у нас демократия. Позволяется с ожесточением критиковать правительство, обвинять его в безбожии, накликивать на него Божью кару.

Конечно, это был переодетый чекист. Ну, или не знаю уж… смертник какой-нибудь, камикадзе. Но даже и смертнику не позволили бы высказаться.

Герберт Уэллс не мог (или не хотел) предположить, что каждый шаг большевиков, а в особенности каждое слово (кроме, конечно, приказов о расстреле и самих расстрелов), есть сознательная, продуманная, направленная на заведомый обман людей ложь. То есть, конечно, между собой, в узком кругу на заседаниях Политбюро или Совнаркома они были искренни друг с другом и говорили правду, но, обращаясь к широким массам (к насекомым, проскользнуло где-то у вождя), они лгали беззастенчиво и всегда.

Насчет отношения самого Ленина ко лжи отметим два разных, отдаленных друг от друга по времени момента.

Первый вычитываем в биографической «Лениниане» Мариэтты Шагинян. Рассказывает Мария Александровна, мать Володи.

«Помню, как в Кокушкине, в гостях у тети, — ему шестой год шел, — разбил нечаянно графин. Разбить в чужом доме графин — серьезная вещь. Володя мой струсил и, когда тетка стала спрашивать, кто это сделал, сказал: „не я“. Ну, конечно, она и другие все знали, что он.

Почти два месяца прошло, мы были уж дома, уложила я вас спать, простилась с вами, слышу — всхлипывает Володя, — спрятался с головой под одеяло и всхлипывает. Я подхожу, а он: „Мама, я тогда неправду сказал! Это ведь я графин разбил. А тебе сказал — не я“. И плачет, — переживает. Вот я нашего Володю за эту правдивость люблю…» Второй момент вычитываем в мемуарах Юрия Анненкова, замечательного художника-портретиста и автора не менее замечательных воспоминаний о тех людях, портреты которых ему пришлось писать. Так вот, в уста Ленину он вложил фразу: «Говорить правду — мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью».

А пользоваться ложью Владимиру Ильичу требовалось на каждом шагу, потому что ложью была сама основная концепция, будто в России произошла пролетарская революция, будто власть взял пролетариат, будто в стране установлена и действует диктатура пролетариата. Мы видели, как заседал Петроградский Совет, и видели, что Совет этот ничего не решал, а решало все Политбюро, в котором не было ни одного пролетария. Власть в стране взяли профессиональные революционеры, не имеющие никаких профессий и не умеющие делать ничего, кроме как утверждать свою диктатуру. Да и этого они в общем-то не умели. Ведь сказал же Владимир Ильич: мы Россию завоевали, теперь надо научиться Россией управлять.

Делалось все именем пролетариата, ибо не могли же они сказать в открытую, что Россию завоевала группа эмигрантов, приехавшая через Германию (и с германскими деньгами) в запломбированном вагоне. В этом вагоне тоже не было ни одного пролетария. Точно известен список людей, приехавших с Лениным. Вот эти люди: В. И. Ленин с супругой, Г. Сафаров, Григорий Усиевич, Елена Кон, Инесса Арманд, Николай Бойцов, Ф. Гребельская, Е. и М. Мирингоф, Сковно Абрам, Г. Зиновьев (Апфельбаум) с супругой и сыном, Г. Бриллиант, Моисей Харитонов, Д. Розенблюм, А. Абрамович, Шнейсон, М. Цхакая, М. Гоберман, А. Гниде, Айзентух, Сулишвили, Равич, Погосская. (По книге Ф. Платтена «Ленин из эмиграции в Россию». Март, 1917.) Впрочем, надо сказать, что рабочие Петрограда, а потом и в других городах очень скоро поняли. Что большевики их одурачили, что никакой власти пролетариат не получил, а как работали рабочие у своих станков, так и продолжали работать, только жить стали голоднее, беднее, нежели при царе, и вообще-то гораздо бесправнее.

Уже в 1918 году на знаменитом Путиловском, самом революционном заводе, вспыхнуло антибольшевистское восстание. В сущности, это было не восстание, а шествие, демонстрация, манифестация с флагами и лозунгами. Какие же флаги и лозунги рабочие путиловцы несли? Флаги — красные, а лозунги: «Вся власть Советам», «Власть — рабочим комитетам», «Власть

Петроградскому Совету». И что же большевики? Как они отнеслись к пролетариату, якобы стоящему у власти в России? Они это шествие беспощадно расстреляли из пулеметов, после чего оно и стало называться восстанием. Точно так же беспощадно (а действовали латышские стрелки, о которых мы подробнее поговорим позже) были расстреляны Ижорское и Колпинское т. н. восстания. А потом Ижевское, Златоустовское, Астраханское. Да, в Тамбовской губернии было восстание крестьян, в Пензенской губернии восстание крестьян, в Шуе и Рогачеве горожане оказали сопротивление изъятию церковного имущества. Но в Петрограде, Ижорах, Колпине, Астрахани расстреливали про-ле-та-ри-ат.

История не сохранила подробностей подавления пролетариата в Петрограде. Больше известно о Кронштадтском восстании, когда опомнились уж не рабочие, а матросы, чьими руками во многом свершалась т. н. Октябрьская революция.

Но об Астрахани кое-что есть.

Берем, читаем и цитируем С. П. Мельгунова, его книгу «Красный террор в России». Скажем только, что Мельгунов — добросовестный, скрупулезный исследователь, и каждому его слову, каждой его цифре, идет ли речь о крымских расстрелах, идет ли речь об Астрахани, можно верить.

«В марте (1919 г. — *В. С.*) в Астрахани происходит рабочая забастовка… Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок.

Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.

Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стона раненых, ни предсмертных криков убитых насмерть.

Город обезлюдел. Притих. Кто бежал, кто спрятался.

Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов.

Этим была закончена первая часть ужасной астраханской трагедии.

Вторая — еще более ужасная — началась 12 марта. Часть рабочих была взята „победителями“ в плен и размещена по шести комендатурам, по баркам и пароходам. Среди последних и выделился своими ужасами пароход „Гоголь“. В центр полетели телеграммы о „восстании“. Из центра пришла лаконичная телеграмма, подписанная Троцким, но, наверное, уж и Владимир Ильич знал о происшествии в городе его дедушки, бабушки и отца. В телеграмме значилось: „Расправиться беспощадно“. И участь пленных была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде.

В подвалах ЧК и просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с борта… В городе было так много расстрелянных, что их едва успевали свозить ночами на кладбище, где они грудами сваливались под видом „тифозных“… Каждое утро вставшие астраханцы находили среди улиц полураздетых, залитых кровью, застреленных рабочих. И от трупа к трупу при свете брезжившего утра живые разыскивали дорогих мертвецов.

13 и 14 марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих.

Но потом власти, должно быть, спохватились. Ведь нельзя было даже свалить вину за расстрелы на восставшую „буржуазию“. И власти решили, что „лучше поздно, чем никогда“. Чтобы хоть чем-нибудь замаскировать наготу расправы с астраханским пролетариатом, решили взять первых попавшихся под руку „буржуев“ и расправиться с ними по очень простой схеме: брать каждого домовладельца, рыбопромышленника, владельца мелкой торговли, заведения и расстреливать.

К 15 марта едва ли можно было найти хоть один дом, где бы не оплакивали отца, брата, мужа…

Точную цифру расстрелянных можно было бы восстановить поголовным допросом граждан Астрахани. (Кстати, о том, что это было не восстание, но просто избиение, говорит тот факт, что со стороны карателей не было ни одного убитого. — *В. С.*) Сначала называли цифру две тысячи, потом три. Потом власти стали опубликовывать сотнями списки расстрелянных „буржуев“. К началу апреля называли четыре тысячи жертв. А репрессии все не стихали. Власть решила, очевидно, отомстить рабочим Астрахани за все забастовки — и за Тульские, и за Брянские, и за Петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 года.

Жуткую картину представляла Астрахань в это время. На улицах — полное безлюдье. В домах — потоки слез. Заборы, витрины и окна учреждений заклеены приказами, приказами, приказами…»

Да, еще удержалась в моей памяти картина, вычитанная где-то, когда-то (у Мельгунова я не нашел), что ночью астраханские жители бросились массами в степи, в сторону Казахстана. Их в степи настигали конные отряды и рубили шашками. И спастись там уж было нельзя…

О непосредственной причастности Ленина к кровавому избиению астраханцев говорит, по-моему, тот факт, что Ленин послал в Астрахань своего полномочного представителя, который и возглавил всю эту карательную акцию. Сохранилась где-то в анналах телеграмма Сталина Владимиру Ильичу, что-то вроде (кто захочет, найдет): «Можете быть спокойны, врагам революции не будет пощады». И никому не приходит в голову: как же так? Революция пролетарская, диктатура пролетарская, и пролетарии же оказываются ее врагами? И чья же в таком случае диктатура?

Мы прицепились к одной фразе автора статьи о родословной вождя, но так далеко ушли в комментарии, что, пожалуй, надо эту фразу напомнить. «Главная же цель данной статьи — дать ответ на вопрос: кто же по национальности Владимир Ильич Ульянов (Ленин)? И я уверенно отвечаю: „Русский. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию…“» Не знаю, почему автор статьи взял все эти слова в кавычки.

Может быть (скорее всего), он тоже цитировал кого-нибудь. Но дело не в этом. Мы тогда, прочитав эти слова в первый раз, заметили, что здесь не хватает одного очень важного слова — «по духу». Можно было бы добавить — «по ощущению» самого себя. Ко мне приступил один талантливый журналист с очень смешанной кровью. Там был венгр (отец), было цыганское (бабушка по матери) и что-то еще. Не говоря о том, что он родился и вырос в России. Во время разговора он сокрушенно воскликнул: «Так кто же я, выходит, по национальности?» Ему ответили: «Кем ты сам себя считаешь и чувствуешь». К словечку «по духу» я добавил бы еще — «по существу».

Я хочу спросить: что же было в Ленине русского и почему же он «русский», если он не только не любил, но ненавидел Россию? Россия ведь не просто звук, это — люди. Они делятся на сословия («на классы», как делил их сам В. И.). И вот мы только что перебрали все, что можно было в России перебрать, и увидели, что В. И. не любил русского царя, и его семью, и весь его

род, не любил русское дворянство, русскую интеллигенцию, духовенство и саму церковь, купечество, крестьянство и, наконец, российский пролетариат. Он все это не только не любил, он это все ненавидел лютой ненавистью и, когда появилась возможность, истреблял миллионами, морил голодом, расстреливал, топил живыми в баржах, живыми зарывал в землю, отдавал распоряжения: «Чем больше мы сумеем расстрелять этой сволочи, тем лучше». Что же он в России любил, любовь к чему давала бы ему право называться русским? Ни-че-го.

Россия к тому же это не только люди, но также ее история, ее славное прошлое: Минин и Пожарский, Сусанин, Киевская Русь, Куликово поле, Бородино; ее внешний облик, архитектура, сотни тысяч храмов и колоколен, усадьбы с прудами и парками, ее хлебородные нивы и дружные сенокосы, ее шумные ярмарки, ее девичьи хороводы, ее песни и сказки, ее праздничные яркие наряды, ее полторы тысячи монастырей, ее колокольный (вечерний) звон, ее бесчисленные ветряки и водяные мельницы на небольших светлых речках, ее чеканное серебро, ее поддужные колокольчики и быстрые тройки, ее… Многое еще можно перечислять, что создавало облик России.

Но я люблю — за что, не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям,

* * *
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Смею утверждать, что ничего из перечисленного Владимир Ильич Ульянов (Ленин) не любил. Более того, придя к власти, он все перечисленное уничтожил: все храмы, колокольни, монастыри, усадьбы с прудами и парками, ярмарки, праздничные наряды… Серебро, золото, старинные иконы вагонами увозил из России жулик Хаммер; из Эрмитажа продано за бесценок 5000 лучших картин.

И вот замолчали колокола и поддужные колокольчики. Замерли хороводы, исчезли ветряки и водяные мельницы, умерли сенокосы, исчезли миллионы крестьянских домов, исчезло само крестьянство, земля зарастает крапивой и бурьяном, покрывается битым стеклом. Некогда трудолюбивый православный народ превращается сплошь в алкоголиков и дебилов… Это что же, все произошло от великой любви Ильича к России?

Сказано, что он был русским по языку. Это — да. Язык — дело святое. Но один язык еще может и не дать национального самосознания.

Вернее сказать, национальное самосознание может сложиться у человека помимо языка. Пушкин первые детские стишки написал по-французски.

Про Татьяну в «Евгении Онегине» он говорит, что она «выражалася с трудом на языке своем родном». Хвалить ее за это нельзя, но разве мы можем сказать про Татьяну Ларину, что она немка или узбечка? Ведь как никак «Татьяна верила преданьям простонародной старины…».

Может смутить или даже поставить в тупик определение, что Ленин был русским «по культуре». Но кто вам сказал, что Ленин был культурным человеком? Более или менее образованным — да. За плечами российская гимназия и сданные экстерном экзамены за

университет.

Начитанным — да. Целеустремленным до фанатизма — не возражаем. Но — культурным?

Первое, что сделал Ленин, переехав вместе со своими сообщниками в Москву, — это уничтожил памятник Александру Второму в Кремле, царю, освободившему Болгарию от турецкого ига, отменившему крепостное право… да и просто так: стоит памятник в центре Москвы и России, историческая, художественная ценность.

Одновременно Ленин уничтожил памятник Александру III около Храма Христа Спасителя (сам храм Ильич уничтожить не успел, он был взорван по его заветам в 1931 году), а также памятник генералу Скобелеву, главному русскому генералу. Он стоял напротив теперешнего Моссовета.

В Кремле же уничтожены Чудов монастырь вместе с могилами наших предков и Вознесенский монастырь вместе с могилами наших предков. А одна яркая сценка про Владимира Ильича запечатлена в воспоминаниях тогдашнего коменданта Кремля П. Малькова.

«Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил. смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником (с 1 Мая, конечно, а не с Пасхой), а потом внезапно шутливо погрозил пальцем.

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уже не хорошо. — И указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства Сергея Александровича, великого князя, безвинного человека, убитого подонком Каляевым.

Вдова Сергея Александровича, Елизавета Федоровна, основала Марфа-Марьинскую обитель, где воспитывала склонных к рукоделию российских девочек-сирот. В июле 18-го года, в дни истребления царской семьи, была в уральском городе Алапаевске живой сброшена в шахту.

Ныне прославлена и причислена к лику святых. (А Ильича скоро выбросят из Мавзолея. — *В. С.*) Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки всегда найдутся, хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Ильич к окружающим. Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите — рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за нее все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов и сотрудники ВЦИК и Совнаркома впряглись в веревки, налегли, дернули. и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник за скользил по булыжнику к Тайницкому саду.

…Владимир Ильич, — продолжает комендант Кремля Мальков, — вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам (надо ли относить сюда прославившихся при царях Суворова, Кутузова, Багратиона, Нахимова, Минина, Пожарского (князя), Скобелева и др. — *В. С.*). По предложению Владимира Ильича, — продолжает Мальков, — в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле Храма Христа Спасителя, генералу Скобелеву… Мы снесем весь этот хлам, заявлял он, и воздвигнем в Москве и других городах Советской России памятники Марксу, Энгельсу, Лаврову, Марату, Робеспьеру».

А теперь откроем какую-нибудь энциклопедию на букву «В» и посмотрим: «Вандализм, бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей». Это выписано из Советской энциклопедии, которая, конечно, слегка слукавила, поставив словечко «бессмысленное» и пропустив словечко «исторических». Как будто уничтожение памятников может быть осмысленным. Или как будто памятник, отражающий историю народа, не является ни культурной, ни материальной ценностью.

В нашей редакции это звучало бы так: «Вандализм, уничтожение культурных, исторических и материальных ценностей». Так точнее. Значит, человек (или люди), занимающийся уничтожением культурных, исторических и материальных ценностей, занимается вандализмом, и его с полным основанием можно назвать вандалом.

А теперь зададим еще один вопрос: можно ли вандала назвать культурным человеком и может ли культурный человек заниматься вандализмом? Я думаю, что-нибудь одно: или вандализм, или культура.

А вот и еще один образчик проявления культуры. Или все-таки вандализма?

Верный друг, жена и соратница (сообщница) Владимира Ильича была председателем Главполитпросвета. Однажды она подписала «Инструкцию о пересмотре книжного состава библиотек к изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы».

Тут возникают два вопроса: является ли книга культурной и материальной ценностью и кто и каким образом может определить степень художественности или антихудожественности той или иной книги?

Известно изречение халифа Омара, когда он приказал сжечь Александрийскую библиотеку — около 700 тысяч рукописных томов древнего мира. Он сказал приблизительно следующее: «Если в этих книгах написано то, что в Коране, то зачем они, когда у нас есть Коран?

Если же в этих книгах написано не то, что в Коране, то тем более их нужно уничтожить».

И кто был халиф Омар: вандал или культурный, просвещенный человек?

Инструкцией, подписанной Надеждой Константиновной Крупской, верным другом и соратницей Владимира Ильича, предписывалось всем Политпросветам (оказывается, эта мракобесная, варварская, вандалистская акция шла под эгидой просвещения!), Гублитам, ГПУ (!) немедленно развернуть работу по освобождению полок библиотек от «вредной литературы». В «черном» списке по разделу психологии и этики было названо более двадцати авторов, среди них Декарт, Кант, Платон, Спенсер, Шопенгауэр, Соловьев… По этике были запрещены книги двенадцати авторов, среди них — Кропоткина, Ницше и даже Льва Толстого.

Особенно опасными считались книжные, журнальные и газетные публикации после февраля 1917 года, ратовавшие за конституцию, демократическую республику, гражданские свободы, всеобщее избирательное право, учредительное собрание…

Изымались книги о религиозном воспитании, о церковноприходских школах, все дореволюционные хрестоматии, книги «Родная речь», буквари.

Подлежала уничтожению и художественная литература: 63 книги для взрослых и 61 для детей.

Однако эта инструкция Н. К. Крупской не была приведена в действие, ибо Наркомпрос посчитал, что список книг, обреченных на изъятие, недостаточно полон. В новом списке значилось уже более двухсот произведений художественной литературы.

Вся эта директивная писанина сейчас передо мной (в ксерокопиях), как общие указания, так и списки книг и авторов.

«Изымается литература следующих типов:

1. Патриотическая, черносотенная, враждебная передовым идеям.

2. Историческая беллетристика, идеализирующая прошлое, приукрашивающая самодержавный строй.

3. Религиозно-нравственная.

4. Проповедующая мещанскую мораль, чрезмерно сентиментальная.

5. Бледная, не художественная, пустая.

6. Порнография.

7. Литература надрыва и упадочного настроения, мистическая, теософская и оккультная.

8. Пошлая юмористика.

9. Романы приключений, грубые, бессмысленные по содержанию, уголовщина.

10. Воспевающая буржуазный быт, враждебная советскому строительству, утратившая интерес в настоящее время».

Дальше идет очень важное практическое указание.

«Так как под эти рубрики можно подвести почти всю старую литературу наших библиотек, то Главполитпросвет вырабатывает примерные списки изымаемой литературы, которые в течение ближайшего времени будут периодически высылаться для того, чтобы места имели более конкретное представление о том, что допустимо в библиотеках и какие пределы следует положить изъятию. Списки эти примерные и потому отнюдь не будут исчерпывать всего, что надо изъять. Поэтому местам надо к делу чистки привлечь лиц, знающих литературу, чтобы они смогли, руководствуясь списками, вычистить и все остальное, что походит на указанные в списках книги».

Широкие, не правда ли, полномочия.

Списки «местам» посылались периодически, все их переписать невозможно. К тому же многие

имена современному читателю неизвестны. Но все же мелькают и знакомые имена: Аверченко, Амфитеатров, Боккаччо, Вербицкая, Гнедич, Арцыбашев, Дюма (отец), Данилевский, Загоскин, Бор. Зайцев, Крестовский, Лесков («На ножах», «Некуда», «Обойденные»), Лажечников, Лейкин, Мельников-Печерский, Мережковский, Потапенка, Пшибышевский, Сенкевич, Сологуб, Стерн, Фаррар, Тэффи, Терпигорев, Хаггард, Толстой («Народные рассказы», «Отец Сергий», «Ходите в свете, пока есть свет» и все религиозные и философские сочинения), Немирович-Данченко Вас. («Пловца и Щипка», «Вперед», «Рядовой Неручев», «Скобелев», «За далеких братьев», «По воле Божией» и др. рассказы и повести из русско-турецкой войны), Полевой («Клятва при гробе Господнем»).

Особо составлялись списки детских книг: Авенариус «Сказка о муравье-богатыре», «Сказка о пчелке-мохнатке», «Русские сказки» изд. Клюкина, Лебедев «Великие сердца», «Сильные духом», Лукашевич «Русские народные сказки» в трех выпусках, Сегюр «Волшебные сказки», Федоров-Давыдов «Бабушкины сказки», «Котик, коток, серенький лобок», «Кума-лиса», «Легенды и предания», «Петя-петушок»; Тур «Дети короля Людовика», «Катакомбы», «Мученики Колизея», Шмидт «Мурка, Галя и все другие»; Юрьев «В золотые дни детства»; детские журналы: «В школе и дома», «Доброе утро», «Галчонок», «Задушевное слово» (для младшего и старшего возраста), «Мирок», «Ученик»; Позднякова «Святочные рассказы»; Полмановская «Щелкунчик-попрыгунчик»; Ростовская «Звездочки»… Лубочные книжки такого характера, как «Вова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Витязь Новгородский», «Заднепровская ведьма», «Пан Твардовский». Выпуски бульварных романов, как «Гарибальди», «Нат Пинкертон», «Пещера Лейхтвейса», «Тайны германского двора»…

Книги по истории и исторической беллетристике: «Наследница Византии» (Зорина), «Детство и отрочество первого царя из дома Романовых» (Львов), «За трон Московский» (Ордын-Кострицын), «Царица Ирина» (Петров), «Первые подвижники земли русской» (Фазина), «Бородинская битва», «Слава Севастополя», «1812 год» (Троицкий), «Царь-освободитель Александр II» (Ефимов), «История покорения Сибири», «Забавы царя Алексея Михайловича» (Шарин), «Пугачевец» (Смирнов), «Владыка света и крещение Руси» (Алексеев), «Отечественная война в родной поэзии», «Кирилл и Мефодий — просветители славян», «Грозный царь Иван Васильевич», «Великий князь Ярослав и основание Киево-Печерского монастыря», «Богдан Хмельницкий», «Запорожская старина»…

По отделу философии, психологии, этике: биографии и сочинения Платона, Декарта, Ницше, Канта, Шопенгауэра, Маха, Спенсера… Жакомсо «Спиритизм в Индии», Аллан Карден «Книга медиумов», Добэ «Мир чудесного», Ленорман «Истолкование снов», Кораблев «О нравственности», Ф. Страхов «Дух и материя», Биттер «Верить или не верить», Друммонд «Высшее благо». Мельников «Думы о счастье». Лапте «История материализма», Слайлос «Долг, характер, самодеятельность»…

«Московские святыни и памятники», «Ростов Великий» (Титов), «Монастыри России» (Денисов), «Жития святых» (изд. Синодальной типографии), «Киево-Печерский патерик», Тихон Задонский «Сокровище духовное». Толстой «В чем моя вера», Библия, Евангелие, Коран, Талмуд…

В кипе ксерокопий оказались несколько листов-списков под названием «Литература, подлежащая распространению».

Выпишу несколько наименований плакатов, брошюр, книг: «Торопись в библиотеку», «Книга поможет тебе», «Всемирный Октябрь», «Уничтожайте вошь», «Без просвещения нет коммунизма», «Грамота — путь к коммунизму», «Советская репка», «Оружием добьем врага», «Береги книгу»… Портреты Ленина, Маркса, Зиновьева, Троцкого, Свердлова.

У Толстого в «Анне Карениной» читаем о Левине: «В последнее время в Москве и в деревне, убедившись, что в материалистах он не найдет ответа, он перечитал и вновь прочел и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра — тех философов, которые не материалистически объясняли жизнь».

Значит, вот, в поисках ответа на мучившие его вопросы о жизни, русский человек мог в любую минуту обратиться к перечисленным выше и любым другим философам. «Материалисты» же, захватив страну и власть в ней, попросту изъяли все эти книги из библиотек, запретили их издавать и читать. Удобный аргумент в споре с оппонентами и в поисках истины!

И еще отметим одно обстоятельство. Решение Наркомпроса было сделано задолго до прихода в Германии к власти партии национал-социалистов во главе с Гитлером. И тогда запылали на площадях Берлина костры из книг. Уж как только наша советская пропаганда не измывалась над этими кострами, какими только словами не клеймила организаторов и исполнителей этих костров! И варвары, и вандалы, и дикари, и бандиты, и, конечно, фашисты. Все так. Но, во-первых, повторим, мы опередили их по крайней мере на десять лет. Во-вторых, у нас акция была строго секретной. Еще и сейчас невозможно (когда уж как будто нет и самой советской власти) или почти невозможно достать этот список книг из сотен названий. Одних только художественных произведений более двухсот. Теперь поимеем в виду, что произведение в библиотеке хранилось не в одном экземпляре. Теперь прикиньте число библиотек в стране. Это какие же горы книг — Эверест и Казбек! И все это в строгой тайне, тихо, молчком. А кто заикнется, посетует или, не дай Бог, догадается, что книги изъяты, — только его и видели.

Фашисты, конечно, фашисты, но они жгли книги помпезно, как бы даже символически, и все эти костры — детская забава по сравнению с одним только решением Наркомпроса в 1923 году.

…Когда я дописал эту строку, принесли почту. Как и всегда, несколько писем от читателей. Читательница из города Абакана. Пенсионерка. И это письмо ложится на мои теперешние страницы (хотя и не о книгах оно). Ну, прямо то самое, про что говорят «яичко ко Христову дню». Письмо не самое вопиющее, но тем и ценно…

«…Только что прочла Вашу повесть „Смех за левым плечом“. От переживаний за разрушенное семейное счастье не могу избавиться.

Наводят на размышление мысли о том, кто, по какому праву (подчеркнуто автором письма. — В. С.) разрушил веками сложившуюся жизнь людей на селе? Взять хотя бы и В. И. Ленина. Ведь он учился на юриста. Разве он не знал, что насилие против других людей — это противозаконно? Живет семья на селе своим домом. Не воры, не грабители, честные люди. Труженики. Вдруг появляется вождь и заявляет, что так жить нельзя, а надо по-другому. Закабалили всю страну в рабство. Ослепили ложью лозунгов.

Всем людям испортили коммунисты жизнь. Идеи их утопические, бредовые, придуманы на страдания людям. Я знаю, мне рассказывала мама об одной очень хорошей семье, погубленной революцией. Жили крестьяне, в семье было четыре сына. Старший сын был учителем и уже имел семью и детей. И решил отец отделить старшего сына. Четыре брата быстро построили ему дом. Отец дал ему скотину. Пришли коммунисты, сказали: „Как? У семьи два дома, скотина? Это кулаки“. И разорили они дом учителя. Забрали у него дом и скотину. Тогда учитель вырыл себе землянку. Наскребли и купили коровенку, вскопали огородик (ведь четверо детей, как без коровы?) и стали жить. Опять пришли к ним ночью. Собирайся, ты враг народа.

Забрали учителя. Жена его от расстройства, от плохих условий жизни в землянке заболела, дети стали болеть, сам сгинул, жена умерла, дети, которые выжили, в детдоме оказались. И звали этого человека Илья Артемьевич. Вот что дала советская власть крестьянину. Мои собственные родители во время коллективизации покинули деревню.

Уехали в город Екатеринбург и там долго мыкались, но все же прижились. А я, и мои сестры, и брат уже родились в городе. Но все равно тоска по земле в душе моей живет всегда…

…Еще вот хочу вам написать, что все сделано для того, чтобы молодые люди, как вырастают, прямая им дорога открыта в тюрьмы (светлое будущее!). Как это просто! Закрыли фуражные лабазы. Хочешь держать скотинку для себя — иди и укради комбикорма. А мы тебя изловим и — туда. А оттуда года через 3–5 ты без туберкулеза не вернешься. И это не в прошлом где-то, а самая настоящая теперешняя действительность. Как жить, спрашивается, человеку на селе, если в магазинах пусто. Вот к чему привела система запретов. И когда возродится ушедшее от нас прошлое? Не знаю! Наверное, никогда.

С уважением к Вам…»

О Ленине написаны и у нас и за рубежом сотни, если не тысячи книг, а вместе с защищенными диссертациями — верные тысячи. Но что интересно — нет ни одной обстоятельной, последовательной биографии «Ильича».

Впрочем, вот книжка 1938 года. Писал ее Ем. Ярославский, главный, так сказать, безбожник государства (он возглавлял антирелигиозную пропаганду и был разрушителем сотен и тысяч православных храмов, костелов, мечетей). Начать с того, что по заветам и принципам самого Ильича («Говорить правду — мелкобуржуазный предрассудок…») вся книга пронизана либо прямым, либо косвенным враньем.

«Он умер после тяжелой болезни, которой заболел от чрезмерной умственной работы, от чрезмерного напряжения всех своих сил. Смерть его была все же неожиданной, потому что за последние недели и дни до этого в здоровье Ленина наступило улучшение, и партия, и все трудящиеся ждали, что Владимир Ильич снова сможет приступить к работе».

Вот так: два года человек распадается от прогрессивного паралича (о причинах которого поговорим позже), требует у Политбюро (через Сталина) яд, и не исключается, что яд ему все-таки дали, а для «трудящихся» надо написать, что «смерть была неожиданной».

В те же дни распинался с трибуны Троцкий: «Один маленький лопнувший сосудик в мозгу унес величайшего…» и т. д., одним словом — вранье.

Емельян продолжает: «…Нет больше Ленина, чье имя окружали такой любовью миллионы рабочих и трудящихся всего мира, чье имя вызывало ужас и страх в сердцах буржуазии».

Насчет любви рабочих и трудящихся (каких трудящихся? Крестьян, что ли? — *В. С.*) надо еще подумать: какие трудящиеся и рабочие «окружали любовью»? Те ли крестьяне, которых он почти половину выморил голодом либо потопил в крови во время их, крестьянских, восстаний; те ли рабочие, которых расстреливали из пулеметов в Петрограде, в Ижевске, в Астрахани? Насчет ужаса, пожалуй, правда. Он вызывал ужас, но вовсе не только в сердцах буржуазии. Он вызывал ужас и в сердцах интеллигенции (как мы видели на предыдущих страницах), и в сердцах духовенства, в сердцах городских ремесленников, кустарей (а их были миллионы), ибо это — по Ленину — мелкая буржуазия, и в сердцах крестьян, ибо это — по Ленину — деревенская буржуазия. Но благо ли это, если твое имя вызывает ужас и страх? Гремучая змея

вызывает ужас (невинное дитя по сравнению с любым большевиком и чекистом двадцатых годов), бешеная собака вызывает ужас, когда бежит и непредсказуемо кусает всех встречных и поперечных.

Вообще же диву даешься, читая эту книгу Емельяна Ярославского: либо он только что сам закончил ликбез, либо он всю страну, все ее население, для которого написана эта книга, считал по культуре на уровне ликбеза. Более примитивное, более «букварное» письмо трудно себе представить. Это по стилю. Про мысли я уж не говорю. Кроме безудержного славословия Ленину и Сталину (с одной стороны — не пересолить, не пересластить, книжка-то все же о Ленине, а с другой стороны, писалась она в 1938 году), кроме брани и оскорбительного, голословного охаивания всего российского, государственного, скрепляющего и цементирующего народ, кроме примитивных азбучных и теперь уж смешных революционных истин, там ничего нет. И уж чего там совсем нет, так это биографии Ленина.

С биографией Ленина вообще сложновато. Общеизвестно, что родился в Симбирске, что окончил симбирскую гимназию. Мало кто обращает внимание на то, что директором гимназии в то время был «постаревший и отяжелевший», по словам Шагинян, Керенский, сынок которого Саша, будущий Александр Федорович, учился в той же гимназии, и, таким образом, мальчики были знакомы, хоть и не могли дружить, ибо Саша Керенский был младше. Но когда он, Александр Федорович, будучи главой Временного правительства, приготовил Россию для передачи ее из рук в руки большевикам, то есть Ленину, то есть Ульянову (Ленину), то он знал, что передает ее однокашнику по симбирской гимназии. Правда, Саша Керенский только еще поступал в гимназию, когда Володя Ульянов ее кончал. Но нет никаких сомнений, что родители Саши и Володи хорошо знали друг друга, если не дружили домами. Именно старший Керенский присудил Володе Ульянову золотую медаль, которая открывала ему дорогу в университет. По некоторым сведениям, директор гимназии дополнительно снабдил выпускника Ульянова еще и письменной рекомендацией. Одним словом, тесен мир.

Но вообще-то с биографическими подробностями трудно. Ну, всем известно про студенческую сходку в Казанском университете.

Написана про это художниками не одна картина. Молодой Ленин во главе студенческой сходки, протестующей против некоторых нововведений, в частности студенческого мундира с высоким воротником и обязанности носить этот мундир аккуратно, застегнутым на все пуговицы. Как говорится, нам бы эти заботы! На одной картине изображена группа студентов, бегущая по лестнице. Впереди — студент Ульянов. Он растрепан, лицо его горит, глаза сверкают, движения бурны и непроизвольны. В полицейском отчете записано про студента Ульянова, что он буйствовал, стремительно мчался, размахивал руками и был красен лицом…

Мариэтта Сергеевна Шагинян так поясняет эти слова:

«Внезапное исступление (подчеркнуто мною — *В. С.*) … юноши было, значит, настолько велико и до того бросалось в глаза, что даже полицейское перо не смогло этого не запечатлеть необычным для себя языком».

«Но революционная вспышка, — продолжает Мариэтта Сергеевна, — не была в молодом Ильиче случайной и внезапной, вызванной общим волнением студенчества. Корни ее лежат глубоко, и подготовлялась она задолго, так что не с казанской истории Владимир Ильич стал революционером, а казанская история только дала исход накопившемуся в нем душевному протесту».

Может, и так. Но не исключается, что эта вспышка семнадцатилетнего студента (как задолго

она могла подготавливаться? За пять, за десять лет?) была лишь приступом того самого состояния юноши, которым были обеспокоены все домашние и которое еще в самой ранней юности, даже еще и в детстве, выражалось проявлением агрессивных наклонностей.

Я с самого начала не собирался писать биографической книги о Ленине, нечто вроде серии «ЖЗЛ», но хотелось просто собрать воедино то, что о Ленине передумано, переговорено, что прочитано, что увидено, узнано. Ведь результаты его действий, хоть и скрыты большей частью во рвах и ямах, а также под Эверестами пропагандистской шелухи, все же у нас перед глазами. Не где-нибудь живем, но в той самой стране, под которую ему и его сообщникам удалось подложить бочку с порохом (с динамитом, с пироксилином, с тротилом, с нитроглицерином) и взорвать страну, превратив ее в бесформенные руины.

Писать биографию я не собирался, но прочитать, если уж дошел черед до этой темы, хотелось. И вот я обнаружил, что последовательной человеческой, житейской биографии Ленина нет.

С нетерпением открыл многотомную «Лениниану» Мариэтты Сергеевны Шагинян. Немного преувеличено, что многотомная, но все же в подзаголовке обозначено — тетралогия. Четыре части, это немало. В этих четырех частях 640 страниц. Прежде чем читать, повертев ее в руках так и сяк (второе название у тетралогии — «Семья Ульяновых»), я написал письмо заказчику книги, приблизительно следующее:

«Работа над заказанной Вами книгой о Ленине требует прочтения тетралогии Мариэтты Шагинян. Подобно тому, как Екатерина II наказывала гвардейских офицеров чтением „Телемахиды“ Василия Кирилловича Тредиаковского, можно наказывать писателей чтением этой тетралогии. Есть такое понятие — „вредность“ производства. За вредность даже дают молоко. Но молока я не пью, предпочитая ему более прозрачные напитки. Поэтому прошу… в размере 10 % от условленного вознаграждения…» Но приступал я к чтению объемистого труда с интересом. Я ждал подробного описания жизни вождя из вождей, гения из гениев, великана из великанов.

Сто двадцать семь книжных типографских страниц истрачены на описание обстановки, в которой жили родители, в том числе и Симбирска. Кстати, возвращаясь к самому началу наших записок, к стихотворению Демьяна Бедного, где «На рынке лаялись торговки, жужжа, как мухи на меду», невозможно не обратить внимания на краткое, но выразительное описание симбирского рынка Мариэттой Сергеевной:

«Рынок забит возами со всякой снедью, битыми индейками и пулярками (думаю, что этого слова никто уж и не знает в современном Ульяновске. — *В.С.*), балыком, осетриной, кадушками со сметаной и творогом, мешками муки всех сортов помола, корзинами свежих яиц…» Описана лекция преподавателя физики Ильи Николаевича Ульянова о молниях и громоотводах, описано знакомство его с Марией Александровной Бланк, описан Нижний Новгород, первые годы брачной жизни Марии Александровны и Ильи Николаевича, и только на 127-й странице родился младенец, будущий Владимир Ильич. Можно было ждать, что теперь-то мы и проследим за ростом, за развитием мальчика, за обстоятельствами и подробностями его детства. Ничуть не бывало.

Вероятно, Мариэтту Сергеевну можно извинить. Если эти обстоятельства и подробности неизвестны, не зафиксированы, так сказать, в записках или устных воспоминаниях, то не выдумывать же их, не брать с потолка и не высасывать из пальца.

Например, известен эпизод из жизни Художественного театра, равно как и Михаила Булгакова. Булгаков написал пьесу «Батум» — о молодом Сталине, о начале его

революционной деятельности. Пьеса готовилась к постановке. Труппа поехала в Кутаис и Батум «изучать на месте материал». Однако в Серпухове их догнала телеграмма:

«Надобность поездке отпала возвращайтесь Москву». Сталин запретил ставить спектакль, несмотря на то, что пьесу считал хорошей. Позднее стала известна редакция запрета: нельзя такое лицо, как Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Ну, что же, как ни относись к Сталину, но, пожалуй, в его рассуждении был резон.

Так или иначе, но, сообщив читателям о рождении младенца Володи, Мариэтта Сергеевна оставляет его своим авторским вниманием и на протяжении более чем трехсот страниц рассказывает о чем угодно, только не о детстве будущего Владимира Ильича.

Тут и проблемы образования в России (ведь Илья Николаевич был учителем), тут и описание первой промышленной выставки в Москве (1872 г.), тут и — неизбежно и, быть может, невольно — стремительность роста, развитие тогдашней России: «Занесите для точности: ровно двадцать лет назад у нас в России было 1126 верст оптического телеграфа и 320 верст электрического. Записали? А теперь в наше время. Год 1872.

Сейчас мы имеем: 46709 верст государственных линий при 91 730 проводах и 576 станциях… Вот так», — это разговаривают персонажи.

«— Здорово растем! В нашем уезде тоже открывается телеграф, — вдруг, неожиданно для всех, поднял голос Вася Шаповалов».

Однако телеграф телеграфом, рост ростом, но надобно, притомившись экскурсируя по выставке, и поесть. Мариэтта Сергеевна с ее похвальной дотошностью рассказывает, как и что ели на выставке.

«…рассаживались на скамьях вдоль дубового стола, а хозяин заботливо подкладывал под них малиновые подушки, покуда официанты, одетые „добрыми молодцами“, в длинных фартуках, сафьяновых сапожках и сплошь кудрявых русых париках с неимоверными завитушками, широко осклабливая рот в улыбках, вносили и выносили „чары с медом“. — Чевкин развернул перед гостями длинный свиток меню… В меню мастер-повар предлагал:

„Закуски: Балык, свежепросоленная осетрина, провесная белорыбица, свежепросоленные огурцы. Икра зернистая. Икра паюсная.

Масло сливочное, редька, сыр.

Горячее: Уха стерляжья с налимовыми печенками.

Пироги: Расстегаи.

Мясное: Лопатки и подкрылья цыплят с гребешками и сладким мясом.

Зелень: Цветная капуста с разными приправами.

Рыбное: Разварные окуни с кореньями.

Жареное: Поросенок с кашей. Мелкая дичь с салатом.

Сладкое горячее: Рисовая каша с орехами.

Ягоды: Клубника со сливками.

Сладкое холодное: Мороженое сливочное и ягодное.

Плоды: Персики, сливы, ананас, вишни, корольки. Кофе, чай.

Русское угощение: Орехи волошские, каленые, кедровые, грецкие, миндаль, американские. Изюм и кишмичь. Пастила и мармелад.

Пряники мятные.

— Боже мой! — только и мог сказать про себя Федор Иванович, дочитав длинный список…“»

Описаны в этой части учительские съезды (даже одна большая глава так и называется — «Учительские съезды»). Описаны инспекторские поездки Ильи Николаевича по губернии, его соображения об улучшении школьного дела в России. Введены в повествование многие и многие персонажи, введена даже небольшая романтическая история между неким Чевкиным и некоей Липочкой, и как Чевкин возил ее на извозчике из Москвы в Раменское (четыре часа езды), и много-много всего на четырехстах сорока страницах.

Вторая часть тетралогии (со стр. 129 по 437) названа «Первая Всероссийская. Роман-хроника» (это о выставке). А герою тетралогии в это время всего два годика. Так что сама заданность второй части исключала участие в ней Володи Ульянова. Что можно написать о двухлетнем ребенке? Можно, но не 310 страниц. Он, конечно, иногда упоминается, но эти упоминания занимают в общей сложности 2–3 странички.

С тем большим нетерпением взялся я за третью часть эпопеи.

Взялся и не поверил своим глазам. Ведь эта часть должна была содержать всю биографию Владимира Ильича от детства до смерти, ибо дальше, в четвертой части, лишь «Уроки Ленина», то есть о том, как Мариэтта Сергеевна вступала в партию в годы войны, рассуждения о том, какими качествами должны обладать агитаторы и пропагандисты, верные ленинцы, коммунисты, большевики.

Это все гарнир, а основная часть блюда, сам «бифштекс», кровавый «бифштекс», приходился композиционно на третью часть эпопеи. Но, увы, третья часть содержит в себе 16 (шестнадцать) страничек текста и называется — «Билет по истории» с подзаголовком «Эскиз романа». Эскиз, но не сам роман. Много ли можно рассказать на 16 типографских страничках? Правда, сама Мариэтта Сергеевна делает оправдательную оговорку. Вот она:

«Но как образовалась индивидуальность Ленина, какими внутренними бурями и переживаниями из четвертого ребенка многодетной семьи директора народных училищ Ульянова вырос на все века и народы гений революции, совершенный по своей цельности и типичности характер большевика?

…И как раз для этого периода ленинской биографии меньше всего сохранилось воспоминаний и материалов… По-видимому, переломные годы Ильича, когда из мальчика формировался будущий человек, прошли во многом не замеченными ни для товарищей, ни для школьной среды».

Первым, наиболее «замеченным» и серьезным событием в жизни В. И. была, конечно, сибирская ссылка на три года. Но и об этой ссылке до удивления мало написано по одной, как мне сдается, причине: уж очень она была благополучна. Не на что пожаловаться, не за что

бросить проклятие в лицо царскому правительству, не за что даже уязвить местные губернские, уездные и волостные власти. Но взглянем сначала на предыдущие события.

В марте 1895 года Ленин получает паспорт для выезда за границу. Этот паспорт выхлопотала ему в Петербурге Мария Александровна, мать. Вообще надо заметить, что очень многое для сына выхлопатывала она. Скажем, возможность сдать в Петербургском университете экзамены экстерном. Скажем, ехать в ссылку не по этапу, а вольно, свободно, на свои деньги. Скажем, во время поездки в Сибирь останавливаться и задерживаться то в одном городе, то в другом…

Видимо, хорошими связями обладала Мария Александровна, но, скорее, быстро находила общий язык с людьми, быстро находила нужных людей в самых разных инстанциях.

Советские источники не скрывают, что Ленин поехал за границу для установления связей с группой «Освобождение труда» и для чтения марксистских книг, которые он, и правда, конспектирует. Он посещает Зальцбург в Австрии, Женеву, Цюрих, Париж, встречается с семьей Шухта, Плехановым, Аксельроде, Лафаргом, то есть — на революционном языке — устанавливает связи, а на обычном, человеческом — плетет нити заговора. В то же время в Швейцарии он лечится (а вернее всего, консультируется) в одном из санаториев. Со здоровьем у него явно не все в порядке, и, конечно, не грипп, не насморк.

Ведь к 23 годам он уже совершенно лыс. Недаром потом будут говорить, что трехлетнее пребывание в Шушенском сильно укрепило его здоровье.

В Петербург из-за границы Ленин возвратился не только со связями, но, очевидно, и с деньгами. В Петербурге он начинает выпускать листовки, газету «Рабочее дело», налаживает связь с петербургской марксистской группой, печатает свою брошюру о штрафах и, наконец, становится во главе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». И тут его арестовывают, чтобы потом, через некоторое время, сослать на три года в большое и богатое сибирское село Шушенское.

Но сначала задумаемся над словами: «Освобождение рабочего класса». Казалось бы, какое дело интеллигентам с космополитическими наклонностями — Марксу, Энгельсу, Плеханову, Аксельроде, Ульянову — до рабочего класса? И от чего этот класс нужно освобождать? От труда (группа «Освобождение труда»)? И хотят ли сами рабочие, чтобы их от труда освободили? Мала зарплата? Штрафы? Но тогда надо было бы создавать группы «улучшения жизни рабочих», а не освобождения их от труда. Ведь если их освободить от труда, то они уже перестанут быть рабочими, а на их место у машин, станков, в шахтах встанут другие люди, которые тоже будут называться рабочими. Сделать их труд свободным?

Но это же фикция. Рабочих ведь не держат в лагерях, за колючей проволокой. Их держит на заводах и фабриках, в шахтах и на паровозах необходимость зарабатывать деньги. Но эта необходимость существует и теперь. Забегая вперед, скажем (а скоро, через определенное количество страниц, и докажем), что Ленин, придя к власти, теоретически обосновал и практически осуществил необходимость и неизбежность принудительного труда для рабочего класса, а заодно и всего населения страны.

Им, марксистам, для того, чтобы завоевать какую-либо страну и править в ней, необходимо было народ (тот или иной народ) подразделить на классы. Классовая теория марксизма. В то время как народ — это цельный, исторически сложившийся организм. А подразделив народ на классы, можно натравить один класс на другой. Пусть они борются друг с другом и уничтожают друг друга. А выиграют марксисты. Классовая теория — это ключик к любой стране и к любому народу. А наиболее подходящий класс, с которого надо начинать, есть,

правда, рабочий класс.

Во-первых, рабочие механически уже объединены. Ищи там крестьян по разным деревням, а интеллигентов по их домам, а ремесленников-одиночек по их мастерским. Рабочие же каждый день собираются в одно место в количестве многих тысяч человек. Легко агитировать, легко спровоцировать их выйти с флагами. Во-вторых, крестьянин привязан к своей земле, к своему хозяйству, ремесленник — к своему «делу», рабочий же не привязан ни к чему, кроме рабочего места, которое легче сменить на другое, нежели хозяйство или мастерскую. Отсюда и формула Маркса: «Рабочим нечего терять, кроме своих цепей». Более того, Маркс выкинул формулу, лозунг: «Пролетариат не имеет отечества».

Действительно, из всех слоев населения той или иной страны пролетариат (будем рабочих называть по-марксистски) наименее обременен национальным самосознанием. Во всяком случае, пролетариату легче, чем какому-либо другому слою населения, заморочить голову, распропагандировать его. Отсюда марксистский лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Соединяйтесь поверх своих народов и поверх своих правительств. То есть сокрушая свои правительства и размывая свои народы.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В Петербурге (!), в России (!!), где рабочих было 3 процента от общего населения. Но Ленину нужна была организация и нужна была для этой организации благовидная вывеска. Ведь это его формула: «Сила… авангарда в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность». Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, когда сотня организована (подчеркнуто Лениным. — *В. С.*). Организация удесятеряет силы.

Это тот же принцип, по которому мафия из 3–4 десятков человек терроризирует и держит в руках целый город или его большую часть.

Да, им нужна была организация. Они понимали, что как организованная сотня сильнее тысячи, так организованные десять человек сильнее сотни, той же тысячи, а несколько тысяч могут оказаться сильнее неорганизованных миллионов. И не могли же они свою заговорщицкую организацию назвать как-нибудь: «Союз борьбы с Российской империей», «Союз борьбы с самодержавием», «Союз по завоеванию и сокрушению России». Лучше звучит: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Такой «союз» был создан, а его создатель арестован и на три года сослан в богатое сибирское село Шушенское. Приговор о высылке утвержден (везде будем иметь в виду новый стиль) 10 февраля 1897 года.

Но сам Ленин еще в тюрьме. Мария Александровна хлопочет, и 24 февраля Ульянов получает разрешение ехать в ссылку не по этапу, а за свой счет по проходному свидетельству.

26 февраля его выпускают из тюрьмы и разрешают пробыть в Петербурге до 1 марта. Он немедленно собирает совещание петербургского «Союза борьбы», где спорит с экстремистских позиций с некоторыми более молодыми членами союза, обвиняя их в оппортунизме, то есть в относительной мягкости по отношению к существующему строю, а затем фотографируется с некоторыми заговорщиками, которым, как и ему самому, предстоит ссылка. Это Ванеев, Запорожец, Кржижановский, Малченко, Мартов (Цедербаум) и Старков.

Подумайте только все вы, кому внушили представление о чудовищной жестокости царского режима. Представьте себе, что в тридцатые годы, а тем более в двадцатые, т. е. в годы

ленинской диктатуры, обнаружен заговор, антиправительственный кружок и арестовывают организатора этого кружка…

Во-первых, мы имеем конкретный пример: «дело Таганцева», по которому расстрелян русский поэт Николай Гумилев, а уж сам Таганцев в первую очередь. Только бы всех этих Ванеевых, Кржижановских, Мартовых и видели. Да и в более поздние наши, уже застойные времена арестовали бы какого-нибудь диссидента, «правозащитника» и сослали бы его… не знаю уж куда. И вот он едет себе не торопясь.

Останавливается в Москве у мамаши, живет здесь два лишних дня сверх разрешенных. Приехав в Красноярск, встречается с такими же, как и он, политическими ссыльными Бабушкиным, Красиковым и другими, живет в Красноярске около двух месяцев. В прошении на имя иркутского генерал-губернатора задержаться в Красноярске он ссылается на слабость здоровья, свободно переписывается с матерью и сестрами, много занимается в частной библиотеке купца Юдина. (Интересно, что стало с этим купцом, с его домом и с его уникальной библиотекой после 1917 года? Положим, «в бывшем доме купца Юдина в Красноярске, где размещалась (?) огромная библиотека этого книголюба, разрешавшего ссыльному Ульянову пользоваться своими сокровищами, также создан музей» (Путеводитель). Ну а если бы не было этого обстоятельства? А дома и сокровища других красноярских, и минусинских, и всех российских купцов? Да и то подозреваю, что сначала дом разорили, хозяев уничтожили, а потом уж в 30-е годы спохватились устроить музей.

Не случайно в путеводителе написано в прошедшем времени «где размещалась огромная библиотека»).

И вот еще маленький штрих. И тоже на совести нашего персонажа Владимира Ильича. Не сам, не сам он разорял красноярское кладбище, но он создал атмосферу, «климат» на всю страну. Пишет в «Литературной газете» О. П. Аржаных:

«На Троицком кладбище в Красноярске, существующем с первой половины XIX века, нашли свой последний приют многие замечательные наши земляки, немало потрудившиеся на благо родного города. Ныне, увы, их могилы в запустении и разоре…

Уже ведутся работы по реставрации памятника знаменитому библиофилу Юдину, начат учет мемориальной культуры (надгробий. — *В. С.*). На текущий год намечается восстановление кладбищенской ограды и нескольких особо примечательных надгробий». Вот так-то.

О Шушенском Владимир Ильич напишет в письме к М. И. Ульяновой: «Это — большое село (более 1.5 тысяч жителей), с волостным управлением, квартирой земского заседателя, школой… Лежит оно на правом берегу Енисея в 56 верстах к югу от Минусинска. Так как есть волостное правление, то почта будет ходить, значит, довольно правильно».

В Шушенское В. И. поехал, когда открылась навигация по Енисею, на пароходе «Св. Николай». Говорят, пароход этот цел до сих пор и даже сохранилось на нем меню обедов. Прочитать бы.

У нас есть возможность прикинуть, хоть и приблизительно, размеры села. Может быть, читатели не забыли еще письмо крестьянина из большого богатого сибирского села Сивкова, разоренного советской властью. Я, вводя это письмо в книгу, опустил тогда подробный подворный перечень, а теперь скажу, что в Сивкове было 813 жителей и 214 домов. Значит, если в Шушенском более полутора тысяч жителей, то и домов соответственно тоже в два раза больше, то есть около пятисот домов. Действительно, большое село.

Сначала Владимир Ильич поселился в доме А. Д. Зырянова.

«Зырянов был зажиточным крестьянином, держал постояльцев. Места было достаточно и в доме, и во флигеле». (Путеводитель «Шушенское».) Потом Владимир Ильич, женившись на Надежде Константиновне, переселился в более просторный дом Петровых. «Муж Петровой вел доходную торговлю зерном, позволявшую ему иметь большой, городского типа дом с высокими окнами и двумя входами» (там же).

Интересно, как пережили бы Зыряновы и Петровы 1929 год, доживи они до этого времени. А они, конечно, не были самыми зажиточными жителями Шушенского.

В селе, как написано в путеводителе, насчитывалось 33 двора, хозяева которых вынуждены были работать по найму у своих более зажиточных односельчан. 33 двора из 500.

«Говорил Ильич по этому поводу, — вспоминала Н. К. Крупская, — о беспощадной жестокости мелкого собственника (Зырянова и Петрова?), о беспощадной эксплуатации им батраков».

Да полно, так ли! Наготове обкатанные словечки: «мелкий собственник», «батрак», «беспощадная эксплуатация», «беспощадная жестокость». А ведь в жизни все это выглядело по-другому. Работали, получали деньги. Надеюсь, что деньги, а не пустые голые трудодни. А жестокая мелкая собственница Петрова выделила жильцам в своем огороде несколько грядок. «В огороде выросла у нас всякая всячина — огурцы, морковь, свекла, тыква, — вспоминала Н.К.Крупская, — очень я гордилась своим огородом» (там же).

Не знаю, как было с Шушенским в 1929 году. Может, из-за того, что некогда жил тут Ленин, менее свирепо прошелся по нему чугунный каток коллективизации, но едва ли. И очень наглядно, что политика советской власти состояла не в том, чтобы 33 крестьянских дома поднять до уровня 477 зажиточных хозяйств, а чтобы 477 низвести до уровня бедноты.

Когда листаешь путеводитель, сознание выхватывает то одну, то несколько фраз о селе. В течение всего XIX столетия в хлебородный Минусинский уезд на постоянное жительство переселялись крестьяне из центральных областей России. Они принесли с собой в Сибирь приверженность обычаям, традициям и старым строительным приемам…

На главной улице Шушенского не редкостью был большой дом-крестовик («крестовая изба»)… Такие дома принадлежали зажиточным крестьянам.

Значит, вот. Крестовые избы были не редкостью и принадлежали зажиточным крестьянам. Но это, оказывается, не предел.

«Дома торгующих крестьян и купцов чаще всего тяготели к городской планировке и отделке. Наружный облик разнохарактерных домов „крепких хозяев“, торгующих крестьян, купцов имеет, однако, и много общего. Срубы, сложенные из мощных „полубревен“ лиственницы, придавали местным избам и амбарам своеобразный колорит… На столярные изделия использовался главным образом красивый мягкий кедр. На кровельный тес шла пихта — долговечный, прочный материал.

Хозяйственные и жилые строения, как правило, не объединяются под одной кровлей. Это связано с большим разнообразием надворных сараев, амбаров, навесов… Выделялись двухэтажные амбары, принадлежавшие местным скупщикам зерна (например, на усадьбе Петровых). Фасады зданий, оконные наличники, карнизы украшались резьбой. Встречаются и накладные детали в виде розеток и горизонтально расположенных композиций, напоминающих стилизованные листья папоротника. Орнаментовка ворот имела в местном крестьянском зодчестве большое значение. Оригинальные по замыслу и исполнению ворота заметно украшали общий вид улицы…

Крестьяне Шушенского были земледельцами, многие имели скот.

Кроме того, они занимались охотой, рыболовством и разведением пчел…

Такой хозяин мог владеть 3–4 лошадьми и несколькими головами крупного рогатого скота, получать дополнительный доход от рыболовства…»

Одним словом, благополучное, красивое сибирское село, каких было по Сибири сотни, если не тысячи. На примере Сивкова мы видели, что села эти все разорены, обезлюдели, земля перестала рожать, истощена, испорчена химией. Жители разъехались, расползлись, а те, что уцелели, бедны, вялы, безынициативны, как пчелы в больном, погибающем улье.

А Шушенское? О, в Шушенское я каждому рекомендую поехать, пока не поздно. Я там был. Там оставили от села одну небольшую часть или, может быть, скомбинировали эту часть села из разных домов Шушенского по замыслу: три дома победнее, три дома середняцкие, два дома зажиточных крестьян, да одна усадьба богатого торговца.

Восстановлены сельская лавка, волостное управление и примыкающий к нему острог. Не то, чтобы тюрьма, но — каталажка. Поместить временно провинившегося человека, драчуна, пьяницу или неизвестного бродягу, беглого какого-нибудь.

Весь этот «комплекс» с широкой зеленой и чистой улицей обнесен забором из металлической сетки — заповедник. А вокруг — современная жизнь. Цементно-стеклянное строительство шестого, седьмого сорта. Кинотеатр «Искра», турбаза «Турист», «Библиотека», «Дом торговли» с пустыми прилавками, автовокзал, жилые унылые двухтрехэтажные коробки да еще безвкусно-помпезные Дом культуры, Дом Советов.

После всей современной мерзости, входя в заповедную зону, вы понимаете, что оказались в оазисе совершенно иной жизни, иной действительности. Вернее, не жизни, конечно, никакой жизни там нет, а есть только муляж. Но все же сохранен кусочек настоящего сибирского села, настоящей России, и если посетитель не совсем еще оболванен и умерщвлен пропагандой, то у него невольно зарождается в сердце боль, а в голове мысль: зачем же было уничтожать этот крепкий, здоровый, красивый мир России? И разве это не курьез, что этот уголок российской крестьянской действительности уцелел благодаря тому, что в этом уголке прожил три года, как сыр в масле катаясь, главный разрушитель России, всех ее укладов, всех ее традиций, всего ее образа жизни, всего ее внешнего облика.

Ну, сыр не сыр, в масле не в масле, но ему давали одного барана на месяц и восемь рублей денег. Корова тогда в Сибири стоила 5 рублей (для сравнения с ежемесячным бараном напомню, что рабочие в промышленных городах, даже сталевары и шахтеры, получают теперь по талонам на месяц 400 граммов колбасы. Мне запомнились эти четыреста граммов потому, что во время встречи рабочих с Горбачевым сталевар говорил: «Я же сталевар, я эти четыреста граммов за один раз съем, а вы мне их на месяц… А в Болгарии, слышал я, которая тоже около сорока лет шла по ленинскому пути, дают по талонам на месяц 400 граммов брынзы»). Так что целая овца, да еще 8 рублей (при цене 5 рублей за корову)… чем же это не сыр в масле? Да при полном изобилии продуктов в тогдашней России… Пельмени в Сибири мешками стояли на морозе, заготовленные на всю зиму. Русское масло (топленое, цвета чистого золота, про которое мы уж совсем забыли) стояло кадками. Сиговые рыбы хариус да ленок малосолили в чанах.

Кроме того, плюс к этой ежемесячной овце (да еще надо проверить по источникам, точит меня сомнение, где-то когда-то запало — не еженедельная ли это была овца?), плюс к ней охотничье

ружьецо. Ведь именно там и тогда произошел знаменательный эпизод с зайцами, записанный потом Надеждой Константиновной в воспоминаниях. Эпизод этот для меня несомненен как приступ и вспышка той таящейся в человеке болезненной, патологической агрессивности, которая, как помнит читатель, проявлялась и раньше. А проявление ее в недалеком будущем обагрит горячей, тяжелой соленой волной крови всю российскую землю.

«Его жена в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. (Как тут не вспомнить русскому человеку про деда Мазая! — *В. С.*) Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием.

Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок». (Выписано из книги Доры Штурман «В. И. Ленин»: ИМКАпресс. Париж. 1989, стр. 61.) В государстве, созданном шушенским ссыльным в 1917 году, ссылка почти не практиковалась: лагеря и расстрелы. А уж если ссылали, то целыми народами — чего мелочиться! А уж если в редких случаях ссылали отдельного человека (чаще всего после отсидки в лагере, если остался жив, давали несколько лет ссылки), то ссыльный должен был ежедневно отмечаться в комендатуре. Конечно, ни о какой овце, ни о каком денежном пособии, на которое можно купить полторы коровы, не могло быть и речи.

Ленин и Крупская были свободны в своих передвижениях, по крайней мере в пределах Минусинского уезда. Читаем в путеводителе:

«…Иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село верст за 50, за 100 или встречался с ними в Шуше».

«…в разных селах и деревнях Минусинского уезда жили 27 ссыльных социал-демократов… В. И. Ленин наладил с ними обширную переписку, установил связи с социал-демократическими группами России и Западной Европы. Помимо переписки, ссыльным… удавалось встречаться друг с другом. Владимир Ильич … добивался разрешения на поездку к товарищам. Многие ссыльные сумели хоть раз побывать в Шушенском».

«Большими праздниками были для нас съезды всех или большинства социал-демократов Минусинского уезда вместе с Владимиром Ильичем Ульяновым», — вспоминал П. Н. Лепешинский.

В. И. Ленин стремился объединить вокруг себя как можно больше единомышленников (заговорщиков — *В. С.*). Вместе с ними предстояло осуществить то, что тогда было самым важным в деле подготовки революции — создание в России марксистской партии нового типа. Владимир Ильич во время ссылки подготавливал революционных социал-демократов (заговорщиков. — *В. С.*) к решению именно этой задачи. Ленин из Шушенского ведет большую, оживленную переписка с родными и другими заговорщиками. Он получает по почте огромное количество книг. Россию Ленин не любил. Находясь в Шушенском, он мечтает не о своем родном городе Симбирске, не о Казани, где учился, не о Петербурге или Москве, не о Волге, на которой стоит Симбирск. Его пристрастия недвусмысленны.

«Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады.

Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель.

Определили и стали размышлять: рукой подать до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы… Да, завидую тебе. (Кстати сказать: братец в ссылке по политической части, а сестра между тем „выездная“, разъезжает себе по Брюсселям.) Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карт… Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся и разглядываю карты более спокойно; начинаем даже нередко мечтать, в какую бы из этих „точек“ интересно было бы попасть впоследствии…» Поэтому вполне естественно, что после ссылки Владимир Ильич, заглянув по дороге в Уфу, где встретился с такими же, как он, заговорщиками, чтобы обсудить дальнейшую подрывную работу против Российского государства, съездил в Псков, где жили его сообщники Стопани, Лепешинский, Радченко, побывал в Москве, в Подольске, где жили тогда его мать Мария Александровна и сестра Анна Ильинична, и уехал в эмиграцию, а конкретно в Швейцарию. Законы европейских государств не преследовали русских революционеров. Можно было свободно издавать газеты и книги, направленные против русского царя, против России. Он нигде не работал, не служил. Мы не знаем, за счет чего пополнялась его революционная касса, хотя кое-что потом стало известно. Молодой грузинский экстремист по кличке Коба (революционеры все, как урки или мафиози, имели клички) ограбил не то банк, не то почту, не то почтовый дилижанс, перевозивший деньги, и переправил эти деньги в Швейцарию. Ленин потом долго добивался, просил своих друзей узнать фамилию этого Кабы. Это был Джугашвили…

Русские дураки вроде Морозова и Горького тоже благотворительно пополняли партийную кассу большевиков. Но, конечно, это были не главные деньги. Главные деньги большевики хранили в тайне. В Америке, в Европе, в Швейцарии хватает денег на самые разные цели. Как бы то ни было, Ленин, кроме самого короткого времени, после получения университетского диплома, когда он был судебным заседателем, нигде, никогда, никем не работал.

Конечно, он издавал газету «Искра», собирал партийные съезды и конференции, была даже какая-то партшкола во французском городке Лонжюмо. Но в годы войны Ленин начал склоняться к тому, что все усилия сокрушить Россию бесполезны, начал думать о переезде в Америку, чтобы навсегда обосноваться в эмиграции. И тут вдруг грянула в России сверхнеожиданно для марксистов-большевиков Февральская революция. Царь отрекся от престола, создалось Временное правительство до той поры, пока Учредительное собрание не изберет новое законное правительство. Власть в Петрограде при военной и революционной неразберихе, при очевидной слабости Временного правительства, а возможно, и при сознательном саботаже Керенского (как-никак однокашник Владимира Ильича по симбирской гимназии) валялась как палка — кто первый поднимет.

Между тем Германия, все еще находящаяся в состоянии войны с Россией, была крайне заинтересована в ее ослаблении, а тем более в выведении ее из строя. Кто-то надоумил германское правительство, что есть возможность взорвать Россию изнутри и что есть большая группа революционеров-экстремистов, которые организованы и которые не питают к России никаких чувств, кроме ненависти, кроме желания завоевать ее, чтобы потом использовать ее богатства, ее население как трамплин к осуществлению своих политических амбиций, а именно к осуществлению мировой революции и тем самым собственного мирового господства.

Возникает вопрос: почему же германское правительство не испугалось мировой революции, которая Германию поглотила бы в первую очередь? Потому что в отличие от «гения» Владимира Ильича, движимого маниакальной идеей мировой революции, германцы более трезво смотрели на вещи, тогда уже они поняли, что мировая революция — это утопия и бред полусумасшедших людей. Впрочем, может быть, и ленинской группе идея и лозунг мировой революции нужны были только для того, чтобы осуществить личную власть в такой стране, как

Россия.

Ведь надо понять и то, что Россия была самым большим, огромным государством на земном шаре, и если не самым могущественным сию минуту, то самым могущественным потенциально и в перспективе, причем очень скорой перспективе, ибо темпы развития России по всем направлениям были поистине сказочными. А по расчетам Дм. Ив. Менделеева, население Российской империи к 1980 году должно было бы составлять 500 миллионов человек. Так что на земном шаре нашлось достаточное количество сил, финансовых, государственных, национальных, наднациональных, явных и тайных, которые были заинтересованы в сокрушении Российской империи. И легче всего ее в той обстановке (но и эту обстановку создали все те же силы) взорвать изнутри.

Не будем сейчас пережевывать жеваное, то есть тему Парвуса, через которого шли деньги, тему «пломбированного вагона», в котором Германия провезла тридцать головорезов-революционеров через свою территорию в Стокгольм, откуда эта «тридцатка» без труда, через Финляндию, перебралась в Петроград. Об этом много написано.

Достаточно посоветовать две книги С. Л. Мельгунова: «Как большевики захватили власть» и «Золотой немецкий ключ большевиков». Что касается количества немецких денег, с которыми высадился на российскую землю десант большевиков, то добросовестные исследователи сходятся на сумме 50.000.000 марок золотом. В те времена это была астрономическая цифра.

Мы же укажем лишь на одну маленькую подробность. В Стокгольме Ленин садился в поезд в котелке, а в Петрограде, на площади перед Финляндским вокзалом, он оказался в кепке. Ближе к образу пролетария.

Большевики «окопались» в Смольном, превратив его в вооруженную крепость. Там они разработали подробный план захвата важнейших стратегических точек столицы. Вся «революция», то есть весь переворот, сводилась к захвату этих точек и к аресту Временного правительства, бесплодно и бесцельно заседавшего в Зимнем дворце.

Задним числом мнения специалистов, историков сходятся на том, что, если бы в Петрограде находился хотя бы один полк, верный России, никакого переворота не произошло бы и штаб-квартира большевиков в Смольном была бы разгромлена. Но не оказалось в Петрограде такого полка.

А массы? Массы были неоднородны. Как известно, в Петрограде возникло после Февральской революции двоевластие, а вернее сказать — безвластие. Было Временное правительство, возглавляемое подставной фигурой — Керенским. Но был также Петроградский Совет, который сам себя тоже считал властью. Революционной властью. На Петроградский Совет и решили опереться большевики. Петроградский Совет попался на эту удочку.

Пожалуй, я выпишу одну яркую картинку в пол-странички из книги Джоэля Кармайкла о Троцком.

«22 октября — в „День Петроградского Совета“ — несметные толпы „демократического населения“ вышли по призыву Совета на массовые митинги… В этот день Троцкий произнес одну из самых эффектных своих речей. На этот раз, как сообщает наш главный свидетель Суханов, „все дело было в настроении… Настроение окружающих граничило с экстазом… Троцкий предложил краткую и весьма расплывчатую резолюцию, что-то вроде „Защищать рабоче-крестьянское (?) дело до последней капли крови! Кто за?“ Взметнулись тысячи рук. Я видел эти поднятые руки и эти горящие глаза… Что привело их в такой восторг? Может, им

приоткрылся краешек того „царства справедливости“, о котором они мечтали? Или под влиянием этой политической демагогии они прониклись ощущением, что присутствуют при историческом событии? Не знаю. Троцкий продолжал говорить. Он проревел: „Пусть это будет вашей клятвой — отдавать все силы и принести все жертвы в поддержку Совета, который взял на себя славную задачу довести до конца победу революции!“ Толпа не опускала рук. Она соглашалась. Она клялась. С гнетущим чувством я взирал на эту величественную сцену“. Разжигая настроения политически активных элементов Петрограда, Троцкий создавал обрамление, необходимое для успеха переворота.

Другая часть „масс“ вела себя по-другому. Один старый русский дворянин, умерший несколько лет назад в Нью-Йорке, оставил после себя воспоминания. Он рассказывает, что после окончания в Петербурге лицея (70-й выпуск в 1914 г.) стал работать в МИДе Российской империи.

Однажды, придя на службу, он увидел там комиссара в кожаной куртке и понял, что показываться на службе ему больше не следует, но следует из Петрограда скорее уезжать. Он пошел на Морскую, где выдавали разрешения на выезд. Там было столпотворение. Все хотели уехать. А я подумал: а что, если бы петербуржцы все так же дружно бросились на Смольный. Конечно, строчили бы пулеметы, погибли бы тысячи и тысячи, но все же кто-то и добежал бы. Пусть даже миллион полег бы перед Смольным, но все же не сто миллионов, которые погибли от большевиков в последующие годы, не считая военных потерь. Да и военные потери надо отнести на счет большевиков, ибо сам гитлеризм возник в противовес „коммунизму“.

Но все бросились на Морскую. Теоретическая формула Ленина оказалась правильной: десять человек организованных сильнее тысяч неорганизованных.

„Захват власти потребовал от большевиков такой концентрации всех сил, что у них не осталось времени подумать о вопросах практического управления страной. Все, что они делали теперь, было — и не могло не быть — импровизацией. Троцкий вспоминает, как нащупывали название для новой власти:

— Как мы ее назовем? — вслух размышлял Ленин. — Что угодно, только не министрами — отвратительное, устаревшее слово!

— Можно сказать — комиссары, — предложил я, — Но сегодня так много развелось комиссаров… Может быть, верховные комиссары?

— Нет, верховные — плохо звучит… Может быть — народные комиссары?

— Народные комиссары? Да, это неплохо, — согласился Ленин. — А тогда правительство в целом?

— Совет, конечно… Совет Народных Комиссаров, да? — Совет Народных Комиссаров, — повторил Ленин. — Великолепно. Изумительно пахнет революцией.

И он посмотрел на меня с той застенчивостью, которая у него появлялась в минуты предельной откровенности.

— Знаете, — произнес он неуверенно, — от преследований и жизни в подполье — и вдруг сразу на вершину власти… Даже голова кружится, — закончил он, вдруг переходя на немецкий язык и показывая, как кружится голова. Мы глянули друг на друга и засмеялись…“» (Джоэль Кармайкл. «Троцкий». Книготоварищество «Москва— Иерусалим», 1980, стр. 122, 123, 127, 128).

Но если они не знали даже, как им после захвата власти называться, то знали ли они, как они приведут к покорности и полному повиновению почти двести миллионов россиян? Да, Ленин знал. Теория приведения людей к повиновению и покорности была им хорошо разработана. Я наткнулся на нее в 1976 году, когда писал книгу «Последняя ступень». Позже эту главу о ленинской теории порабощения населения, не издавая всей рукописи, я издал отдельной брошюрой.

Самое место включить ее в эти мои свободные, не претендующие на многое «штрихи к портрету».

Сколько раз в разных официальных кабинетах, у главного редактора журнала, скажем, у секретаря райкома, в облисполкоме, в застекленных шкафах я видел ровные, темно-бордовые и темно-синие ряды книг, к которым и подходить близко было не нужно, чтобы сразу отметить — Ленин. Знали уж собрания его сочинений, узнавали издалека по внешнему виду безошибочно, как, взглянув на тот же Мавзолей на Красной площади, никто не спутает его с каким-нибудь другим зданием.

Держать Собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и внушительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина.

Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали. Если же кружки по изучению первоисточников, партучеба и семинары, то как-то так получается, что начинают все время с ранних работ: «Материализм и эмпириокритицизм», «Что делать?», «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?».

Пока обучающиеся продерутся сквозь философские дебри этих работ, пока конспектируют, глядь, а семинарский год уже кончился, так что ни на одном семинаре, ни на одной партучебе никогда дело не доходит до поздних его томов, до того времени, когда кончается философия и начинается практическая деятельность.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я, бывало, ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

То ли от этого «эмпириокритицизма» осталось, что напичканы эти тома сухой, схоластической, неудобовоспринимаемой материей, но помню, я всегда удивлялся, если видел человека, читающего Ленина.

— А ты почитай, — скажет иной такой человек, — Ты почитай, знаешь, как интересно!

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: «А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269, и прочитайте, что там написано».

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока

говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наущение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступать с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу на стр. 269. Строчки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

«Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу „грабь награбленное“, — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное… Если мы употребляем слова „экспроприация экспроприаторов“, то почему же нельзя обойтись без латинских слов?» (Аплодисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу.

Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покоробила откровенная обнаженность этого лозунга.

Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу «Об очередных задачах советской власти». Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

Теперь я хочу сделать для возможного читателя моих записок извлечения из этого тома, как я делал извлечения, скажем, из Метерлинка или Тимирязева, когда писал о траве. Извлечения на свой вкус, разумеется. Другой, возможно, выписал бы другие места, другие мысли…

Впрочем, нет, мысли не другие, ибо и те и другие мысли были бы ленинскими. А известно, насколько единым, целостным и целеустремленным был Владимир Ильич в своих мыслях.

Почему именно из этого тома? Только ли потому, что он первым случайно оказался у меня в руках? Не только. Я если и не прочитал от строки до строки, то просмотрел потом многие тома. Но очень уж интересный и острый период — с марта по июль 1918 года, то есть с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Нет, полной неожиданности, конечно, не было.

Теоретически они готовились к этой власти и к этому управлению. В статье «Сумеют ли большевики удержать власть», написанной еще до Октябрьского переворота, были Владимиром Ильичем Лениным заранее предопределены многие действия и акции, которые в обозреваемый нами период стали осуществляться практически. Выпишем из той, еще предреволюционной, статьи главный ленинский тезис, главную мысль.

«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля…

Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только „запугать“ капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении

ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках.

…И мы имеем средство для этого… Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность».

Значит, схема ясна. Сосредоточить в своих руках весь хлеб, все продукты (учет), а затем распределять эти продукты так, чтобы за хлебную карточку человек, оголодавший и униженный голодом, пошел бы работать на советскую власть и вообще делал все, что прикажут.

Гениально и просто, как все у Ленина. Разница с последующей статьей «Очередные задачи советской власти» состоит в том, что в первом случае (до взятия власти, когда только еще мечталось) делался упор на то, что путем голода (путем учета и распределения) будут принуждать работать богатых, чье сопротивление якобы надо сломить, а во втором случае, когда власть уже была взята, зазвучали иные нотки.

«От трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов (то есть трудовая повинность и принуждение. — *В. С.*) к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».

Так что же осуществилось в стране: власть рабочих и крестьян или всеобщая трудовая повинность для рабочих и крестьян? А если это так, то чья же власть? Дальнейший абзац о трудовом народе в связи с трудовой повинностью для него поразил меня своим откровением.

«Для нас не представляется безусловной необходимости в том, чтобы регистрировать всех представителей трудового народа, чтобы уследить (!) за их запасами денежных знаков или за их потреблением (кто сколько из них съест. — *В. С.*), потому что все условия жизни обрекают громадное большинство этих разрядов населения (почему бы не сказать классов, а, Владимир Ильич? В том числе и класса, осуществляющего диктатуру? — *В. С.*) на необходимость трудиться и на невозможность скопить какие бы то ни было запасы, кроме самых скудных. Поэтому задача восстановления трудовой повинности в этой области превращается в задачу установления трудовой дисциплины…» Значит, действительно с рабочими проще, чем с богатыми. У богатых сначала надо отнять запасы, а потом уж можно их морить голодом. У трудящихся же никаких запасов нет, отсиживаться им не с чем, надо идти трудиться, исполнять трудовую повинность, хотя и опричь души, потому что подчеркнутый насильственный характер будущего труда при советской власти рабочие почувствовали с первых дней.

Признает это и Владимир Ильич.

«…целый ряд случаев полного упадка настроения и полного упадка всякой организованности был совершенно неизбежен. Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти». (Стр 145.)

Неправда ли — откровенно! Значит, призывами трудоспособность не вернешь. А чем же?

«Для учета производительности и для соблюдения дисциплины необходимо устроить промышленные суды…» Это уже что-то новое! Этого не знали, конечно, при проклятом

царском режиме. Если бы при царе ввели вдруг на заводах промышленные суды, представляю себе, на каких фальцетах завопили бы об этом друзья пролетариата и все вообще революционеры. А как бы завопили они, если бы, ну, Столыпин, скажем, выступил со следующей тирадой… Но выступил с ней, увы, не Столыпин, а Ленин, когда власть находилась уже у него в руках.

Читайте:

«Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара».

Вот так. Там, где при царе-батюшке можно просто уволить (а сколько воплей, а то и забастовок было по этому поводу), теперь одного увольнения мало. Теперь — тюрьма. Что и наблюдали мы в исполнение ленинских заветов, особенно в предвоенные годы, когда за двадцатиминутное опоздание на работу люди уходили в лагеря и там гибли.

Но в стране вроде диктатура пролетариата. Как же сочетать, с одной стороны, его диктатуру, а с другой стороны, диктаторство над ним, причем уже не класса, не партии даже, но уже единой воли. А что речь шла о подчинении единому диктатору и единой воле, читаем недвусмысленные Ленинские слова.

«Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности (то есть при полной покорности. — *В. С.*) участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера (имеющего право сажать в тюрьму. — *В. С.*). Оно может принимать формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле… безусловно необходимо». (Стр. 200.)

«И вся наша задача, задача партии коммунистов… встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы (а как же революционная активность масс? — *В. С.*), повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы».

Ах, как хорошо: помитинговали, пошумели, проявили свою пролетарскую гегемонию, потешили душу — щелкает бич диктатора: по местам!

«Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, — советского руководителя…» Точнее про класс-гегемон, осуществляющий якобы в стране свою диктатуру, уже не скажешь. И вообще словечко «принудительное» является едва ли не самым любимым словечком вождя в тот период.

«Подчинение, и притом беспрекословное, …единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных… снабженных диктаторскими полномочиями…» «Меры перехода к принудительным текущим счетам или принудительному держанию денег в банках…» «Осуществление строжайшего и повседневного учета и контроля производства и распределения продуктов…» «Наше опоздание с введением трудовой

повинности показывает еще раз...» «Принудительное объединение населения в потребительские общества...» «Через продовольственные отделы Советов, через органы снабжения при Советах мы объединили бы население (принудительно, как только что мы прочитали. — *В. С.*) в единый, пролетарски руководимый кооператив...» В деле принуждения пролетариата (хотя и строился вроде бы социализм) Владимир Ильич Ленин не брезговал обращаться к самым жестоким и драконовским достижениям капитализма.

«Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями... Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить... во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора... Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления (беспрекословного подчинения диктатору, как мы недавно читали. — *В. С.*) с новейшим прогрессом капитализма».

И вообще капитализм, оказывается, не такое уж страшное слово и понятие.

«Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой».

«Что такое государственный капитализм при Советской власти?

В настоящее время осуществлять государственный капитализм — это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь».

«...государственный капитализм для нас спасение...

Государственный капитализм был бы спасением для нас... тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого... В России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю...» «Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет».

«...и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую „общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов“».

«Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Вот так раз! При такой постановке вопроса нет ничего удивительного, что, сколько бы мы ни листали Ленина, сколько бы ни штудировали, нигде мы не можем вычитать: а собственно говоря, что же такое социализм, который собирались построить? «Социализм — это учет»? «Социализм без почты и телеграфа есть пустейшая фраза»? «Кто не работает, тот не ест»? «От каждого по способностям, каждому по труду»? Вот это все и есть пустейшие фразы. И если между государственным капитализмом и социализмом нет ни одной промежуточной ступени, то чем же все-таки отличается социализм от государственного капитализма? Неужели ничем? А если отличается, то все-таки чем? Прямых ответов на этот вопрос у Ленина не встречаем.

Про себя же они понимали дело четко и просто. Осуществить полный учет и контроль над

каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению держать в подчинении и в трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовно население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть, по их мнению, социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства.

Но для того, чтобы миллионы людей оказались в материальной, имущественной, хлебной зависимости, надо их сначала лишить тех некоторых запасов, которые они, может быть, накопили и которые дадут им возможность чувствовать себя независимыми от пайка, от хлебной карточки, от зарплаты. Поэтому, взяв власть, с первых шагов большевики начали стремиться прибирать к рукам каждый рубль, каждую копейку, каждый грамм хлеба.

Крупную буржуазию, фабрикантов и банкиров удалось уничтожить легко. Да их и было немного, можно пересчитать, взять на учет и ограбить. А вот что делать с мелким собственником? Их же десятки миллионов. Мелкие собственники вызывали у Ленина большую ненависть, чем крупные капиталисты, и он об этом откровенно пишет и говорит. Ведь мелкие собственники — это все самодеятельное население России, самодеятельное и поэтому самостоятельное. А как раз и надо было лишить его самостоятельности, подчинить и превратить в механизм, послушный единой воле.

«Не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас».

Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен.

«Большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители».

«Мелкий буржуй имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных „правдами“ и особенно „неправдами“…»

Не дают покоя деньжонки в чужих карманах. Ну а «неправдами» — это, конечно, ввернуто для красного словца. Какими неправдами могло копить деньжонки «громадное большинство земледельцев»? И не мог же он сказать — «все земледельцы», а имел-то в виду всех, ибо что же еще может означать выражение «громадное большинство». К людям, накопившим деньжонок, можно было бы отнести и различных там валял, златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемяк, сапожников, воскобоев, столяров, плотников, краснодеревщиков, чеканщиков, извозчиков, иконописцев, офень, пильщиков, угольщиков, стеклодувов, кровельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России. И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови «земледелец» — и уже не то.

«Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный (!) слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от „государства“, ни в какой социализм и коммунизм не веря…» «Мелкий буржуа, хранящий тысчонки, враг государственного капитализма, и эти тысчонки он желает реализовать непременно для себя…» Вот ведь какие подлецы, какая темнота и несознательность!

Вместо того, чтобы просто отдать денежки государству, прячут и норовят израсходовать на себя. Не выйдет, господа мелкие собственники!

Отберем. Где силой, а где лишив товаров и посадив на сухой хлеб. Через торгсины, не мытьем, так катаньем, но отберем!

Тут и встала перед большевиками главная, главнейшая задача — сосредоточить в своих руках весь хлеб. Это главное средство воздействия, подавления и поощрения, а проще говоря — власти.

Началась одна из самых кошмарных и кровавых страниц русской истории под названием — продовольственная диктатура.

Для себя Владимир Ильич твердо знал, что он осуществляет хлебную монополию, то есть сосредоточивает весь хлеб, имеющийся в России, в своих руках. Но для общественного мнения был выкинут жупел, словечко, против которого невозможно, кажется, возразить, коротенькое словечко — голод.

Было сделано так, что два главных города, Петроград и Москву, посадили на голодный паек. Сто граммов хлеба в день. Дикие очереди за этими ста граммами. Ну а раз голод — значит, надо объявить поход за хлебом, борьбу за хлеб, изъятие хлеба ради голодающих. Дело благородное и чистое как слеза.

Но голод в Москве и Петербурге был инспирирован. Именно в это время Лариса Рейснер, скажем, жила, занимая особняк с прислугой, принимая ванны из шампанского и устраивая званые вечера. Именно в эти годы Зиновьев, приехавший в дни революции из-за границы тощим, как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза «ромовой бабой». Да и как могут голодать два города, если они не блокированы неприятелем, когда во всей остальной стране полно хлеба. Разреши — и тотчас же на всех базарах появятся горы хлеба и разных других продуктов. О том, что голода фактически нет, не раз в эти годы говорил и сам Ленин.

«Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками».

«Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем, по расчету осторожных специалистов, еще теперь до 10 миллионов пудов избытка хлеба».

Нет уж, Владимир Ильич, либо голод, либо избыток хлеба, что-нибудь одно. Большевики в это время очень боялись, как бы хлеб стихийно не проник или даже не хлынул в голодные столицы и не сорвал им задуманное мероприятие. Для этого были учреждены на железных дорогах заградительные отряды, которые следили, чтобы ни один мешок хлеба не проник ни в Москву, ни в Петроград.

Заставив рабочих и прочее население этих двух городов изрядно наголодаться, Ленин объявил поход за хлебом, который фактически был нужен не для того, чтобы накормить два города, а чтобы осуществить хлебную монополию.

«Необходим военный (!) поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию».

Проговорка вождя. Для чего же нужен хлеб: накормить Москву с Петроградом или ради монополии? Выпускается декрет о продовольственной диктатуре.

«…вести и провести беспощадную и террористическую (!) борьбу и войну (!) против крестьянской и иной (?) буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба.

Точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на

станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже десяти лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины».

«Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат…

Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части и призвать девятнадцатилетних… для систематических военных действий (!) по завоеванию…, сбору и свозу хлеба и топлива.

Ввести расстрел за недисциплину.

Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба».

«Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание (!) хлеба из хлебородных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований».

Вот зачем понадобился российский хлебушек, а вовсе не для того, чтобы ликвидировать голод в Москве и Петрограде. И сдается мне, что, кроме главной задачи — сосредоточить в своих руках все продукты, чтобы управлять и властвовать, продовольственная диктатура имела и побочную цель.

Ведь советская власть только еще начинала действовать, и положение ее было весьма и весьма неустойчиво. Об этом свидетельствует сам Владимир Ильич. Судите сами. Вся мелкая буржуазия, как мы недавно читали, то есть все самостоятельное, самодеятельное население России против социализма. В речи перед группой передовых учителей Ленин сделал и другое откровенное заявление.

«Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается…» Но если мелкие собственники, интеллигенты и даже широкие массы учителей — все против, то кто же за?

«Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих; остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйчики, против нас», — признается Владимир Ильич на стр. 369 и десятью строками ниже уточняет:

«Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих».

Предельная ясность. Захватившие власть опирались, на явное меньшинство, на одураченных рабочих, которых называли сознательными. Но ведь и эта небольшая часть сознательных рабочих могла одуматься через месяц-другой.

Действительно, вдруг одумаются да соединятся с крестьянами, как они соединены в фиктивной формуле о рабоче-крестьянской власти?

Совсем нелишне было бы озлобить их друг против друга, столкнуть и разобщить. Инспирированный голод и крестовый поход за хлебом мог бы решить и эту проблему.

«Нужен массовый „крестовый поход“ передовых рабочих» (выделено нами. — *В. С.*) против дезорганизаторов и против укрывателей хлеба.

Значит, регулярной армии уже мало? Наряду с армией были брошены продотряды, составленные из рабочих Москвы и Петрограда.

Не в том могло быть дело, что одной армии мало, а в том, чтобы вот именно столкнуть рабочих и крестьян. Это более вероятно. Надо представить себе все это, как приходят к рабочим агитаторы в кожаных куртках и внушают им, что голодают рабочие (и их семьи, детишки) исключительно по вине крестьян, прячущих хлеб. Какой ненавистью разгораются сердца рабочих. С какой яростью идут они в продотряды, чтобы насильно отнимать хлеб (а там тоже детишки), и какую ненависть со стороны крестьян вызывали эти насильственные действия.

«1) каждая фабрика дает по одному человеку на каждые двадцать пять рабочих; 2) запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично-заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах… реквизиция хлеба у кулаков — не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими (?) массами, борющимися за социализм».

«Вот таким сознательным отрядам Совет народных комиссаров окажет самую широкую помощь как деньгами, так и оружием».

Измученные инспирированным голодом и науськанные на мужиков, рабочие действовали с озверением вызывающим встречное озверение. Не отставали и проинструктированные соответствующим образом отряды красноармейцев, преимущественно латышских стрелков.

«…мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр.

И этот хлеб нужно взять… Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями (?), но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства».

Это отряды-то красноармейцев? Регулярные воинские части с комиссарами во главе? По-видимому, на пьянство надо было свалить те дикие зверства, которые совершали продотряды тогда в деревне. Дальше, не отказываясь от этого зверства и так и называя его своим именем, Владимир Ильич пытается оправдать его в глазах общественного мнения:

«В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила в окопы людей и заставила их, озверев, избивать друг друга.

Озверение это наблюдается во всех странах (?). Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ». (Стр. 428.) Но жутью на меня повеяло даже не от этих слов об очевидных зверствах, которые нельзя было не признать даже вождю, а от одного ленинского пунктика из «Тезисов по текущему моменту». Это пунктик одиннадцатый.

«В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе частые, возвращать, то есть сменять „заболевшие“ отряды через месяц на место, откуда они отправлены, для отчета и „лечения“».

Понимаете ли вы, мой читатель, о каком заболевании и о каком лечении тут идет речь?

А речь тут идет о том, что не каждое русское сердце могло все же выдержать, глядя на бесчинства и кровавые зверства, которые прокатились тогда по деревням всей России. Видимо, некоторые люди в продотрядах проникались сочувствием к ограбленным и обрекаемым на голод крестьянам. Отряды, в которых заводились такие люди, и считались «заболевшими». И отправлялись, откуда были посланы, «для отчета и лечения». Нетрудно догадаться о методах лечения и о лекарствах, которые их ждали.

Теперь остается сказать главное о продовольственной диктатуре, а именно сказать о том, на кого она распространялась. Владимир Ильич все время апеллирует понятиями «кулаки», «деревенская буржуазия», но в одном месте он все же проговорился и таким образом поставил все точки над «i». Речь пойдет о русском крестьянине, которому никто никогда не отказывал ни в уме, ни в смекалке, ни в живости характера, ни в чувстве собственного достоинства. Это о нем говорил аристократ Пушкин:

«Посмотрите на русских крестьян, разве они похожи на рабов?» Это о русской крестьянке говорит Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях… Посмотрит — рублем подарит… Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Какие же слова нашел о русском крестьянине великий вождь всех трудящихся? Нам важно сейчас и это, но главным образом то, что Владимир Ильич откровенно наконец-то, единственный раз проговорился, против кого была направлена диктатура. Никаких кулаков, никакой деревенской буржуазии, все четко и ясно названо своим именем.

«Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству: это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина (а кто это решает? — *В. С.*), не надобен ему для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства… надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен. Откуда взять крестьянину сознание, которого сотни лет отупляли, которого грабили (но так еще никогда! — *В. С.*), заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта (а вот теперь решили накормить! — *В. С.*), — откуда ему взять… сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может явиться у десятков миллионов людей (не в кулаках, значит, дело! — *В. С.*), которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом (да все же не бросало против него регулярных продовольственных армий! — *В. С.*)… откуда взять понятия того, что такое рабоче-крестьянская власть (да уж! — *В. С.*)… и что хлеб, который является избыточным, и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, так тот, кто его удерживает, — разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голодания рабочих Питера, Москвы и т. д.? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продать хлеб, откуда взять это сознание?!

…если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 рублей, а… получить даже по 100 рублей за пуд, такой крестьянин превращается в эксплуататора — хуже разбойника».

Вот теперь все по-ленински ясно. Крестьяне, которые трудом вырастили хлеб и хотели бы его продавать, а не отдавать бесплатно, — все они разбойники. Не те разбойники, оказывается, кто с оружием в руках пришел в деревню отнимать хлеб, а те разбойники, кто не хочет его бесплатно отдать.

Но самое страшное во всей истории то, что продовольственная диктатура, как бы жестока и бесчеловечна она ни была, все же не являлась самоцелью, но являлась лишь изощренным средством к более отдаленным и более обширным целям держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению.

«…распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда». (Стр. 449.) Точнее и короче, чем это сказал Ленин, сказать ничего нельзя.

И вот я думаю, ради чего, ради каких конечных целей, ради каких конечных звеньев, если

размотать всю цепочку, это все делалось?

Большевики завоевали Россию. Сошлемся опять на Ленина.

«…большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах… Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы, и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени Октябрьской революции, приходящее к полному концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах. Россия завоевана большевиками» (выделено нами — *В. С.*).

Когда одна страна завоевывает другую, когда и Российская империя завоевывала Среднюю Азию, как там ее ни осуждай, ясна была цель, которой не скрывали и сами завоеватели. Многие манифесты (или какие-то там воззвания) так и начинались: «Стремясь к дальнейшему расширению пределов Российской империи…» Итак, когда одна страна завоевывает другую и устанавливает там жестокий оккупационный режим, дабы подавить сопротивление населения и удержать эту завоеванную страну под своей властью, там преследуется хоть и неблаговидная, но понятная цель: присоединить к метрополии завоеванную страну.

Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть несколько десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы. Всеобщий учет и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеды. Но из углубленного прочтения Ленина узнаем, что эти учет и распределение, в свою очередь, являются средством, а не целью. Средством к тому, чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека — руководителя, диктатора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм.

«Организация учета, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи».

Но тогда возникает вопрос: зачем? Хорошо, допустим, что у Ленина это объяснено.

«Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов… какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет…» «Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран».

«А пока там, на Западе, революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны все делать, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях…

остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

«Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней… и когда она начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие». (Стр. 16.) Итак, допустим, что с недели на неделю ждали мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос: ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую повинность.

Подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями.

Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самодеятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?

Допустим, что — банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона, но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. («Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой». — Ленин.) Допустим, что это банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство?

Желание римского императора господствовать над миром чудовищно, но понятно так же, как любой другой могущественной нации. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни… Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжек и связан с потом. Но все же когда он — трудовая повинность, он тяжек стократ.

А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благими (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускать на распыл, а фактически убить и сожрать на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия, и такой народ, каким был русский народ? Может быть, и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выеденных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал. Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших, по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива чуждыми растениями, мелкотравчатой шушерой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы еще только предшествовали им.

Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, уморены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мусоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжить сами…

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской социалистической революцией.

Власть большевиками была взята в конце 1917 года, а в 1918 году началось беспощадное и кровавое воплощение в жизнь утопической теории мировой революции и построение коммунизма. Но сначала надо было укрепиться у власти. Очень скоро большевики поняли, что все население страны практически против них. Был даже, говорят, момент, когда Ленин, бесчувственный, словно робот, целенаправленный, как узкий луч лазера, Ленин и тот дрогнул и сказал будто бы вслух: пора уходить.

Однако его сообщники, и в первую очередь Троцкий и Свердлов, сказали, что ни в коем случае уходить нельзя.

— А тогда что же?

— Террор.

Террор без суда и следствия. Стрелять на месте во всех городах страны, стрелять сотнями, тысячами, стрелять, пока они не опомнились.

Подавить страну страхом, залить кровью, завалить трупами, скормить ее вшам, выморить тифом и голодом, но любой ценой удержаться.

Ленин воспринял эту моральную поддержку своих сообщников и сам возглавил этот террор, назначив председателем ВЧК приблудного поляка Дзержинского, который не любил Россию так же, как и вождь пролетариата. Ленина однажды предостерегли: «Может начаться гражданская война…» «— Чего вы боитесь? Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой».

Началась самая кровавая, самая жуткая страница российской истории. Тогда-то Владимир Ильич и бросил крылатую фразу: пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции.

Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис (который тоже не обязан был любить Россию) опубликовал в газетке «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, — писал Лацис, — мы истребляем буржуазию как класс… Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы ему должны

предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и „сущность красного террора“. Требуется не наказание, а уничтожение их».

Между прочим, курьез, что под эти вопросы (происхождение, воспитание, образование, профессия) лучше всех подходил для расстрела без суда и следствия сам Владимир Ильич!

Тогда-то обратился Патриарх Московский и всея Руси Тихон с посланием Совету Народных Комиссаров. Десятилетиями оно было недоступно русским людям, да и сейчас еще редко где можно его прочитать, поэтому злоупотребим читательским терпением и перепишем его целиком, подивившись силе духа, мужеству и мудрости ныне прославленного церковью святого Тихона.

13/26 окт. 1918.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52)

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9-10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались.

Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за друга своя» (Ин. 15, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим

окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виноваты, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности».

Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когдато много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций, — вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу…

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может произвести себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов, выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узкобольшевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников

на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно — благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви.

Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что еще скажу. Недостанет мне времени» (Евр. XI, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка — «Ноги их будут ко злу и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их — мысли нечестивые, опустошения и гибель на стезях их» (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости Наших обличений.

Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшная не для добрых дел, а для злых» (Рим. XIII, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук. XI, 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. XXVI, 52).

Патриарх Московский и всея России ТИХОН

Мы иногда думаем, спрашиваем сами себя, как отнеслись бы к большевикам, к их властвованию в России, к террору и голоду, к беспощадному насилию, с одной стороны, и к полному бесправию — с другой, к ограблению, к концентрационным лагерям, к уничтожению целых слоев российского населения, одним словом — к большевикам, ну, скажем, Толстой, Чехов, Герцен, Некрасов, Достоевский? Не знаем, хоть не трудно предположить. Реакция на большевиков со стороны Бунина, Куприна, Ив. Шмелева (берем замечательных русских писателей того же уровня), равно как Шаляпина и Рахманинова, нам известна. Но про покойных наших классиков ничего не можем сказать, можно только предполагать. Но вот — Короленко. Не реакционер какой-нибудь (с точки зрения большевиков), не монархист, не черносотенец, но сам почти что революционер. Социалист, демократ (нарочно ставлю эти слова через запятую, иначе получилось бы социал-демократ, а это уже другое; социал-демократ — это уже принадлежность к организации, а социалист и демократ просто гражданская позиция). Находился в царской ссылке, только еще дальше, чем Владимир Ильич, — в Якутии. Казалось, уж он то должен был бы приветствовать революцию.

В отличие от Чехова, Достоевского, Толстого, Герцена, Некрасова Короленко четыре года жил при большевиках, все увидел, все понял, так что его свидетельства крайне драгоценны. В эти годы он оказался в своей родной Полтаве, вблизи Миргорода, Сорочинцев, вблизи Диканьки. Что может быть мирнее, идилличнее этих мест?

В 1920 году к Короленко приезжает Луначарский, прощупать, чем дышит славный и популярный писатель, страдалец за правду народную. Чтобы узнать настроение Короленко подробнее и документировано, Луначарский уговорил Короленко писать ему письма с твердым обещанием эти письма опубликовать. О Короленко он потом выразился так: «Эти „праведники“ (вот уж и слово „праведник“ превратилось в бранное, уничижительное, презрительное слово! — *В. С.*) в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью». Ни одно письмо опубликовано не было, но достоверно известно, что Ленин эти письма читал. Вскоре к Короленко приехала группа врачей «лечить простуду». В 1921 году, на 68-м году жизни, Владимира Галактионовича не стало.

Но письма его не пропали. Они были изданы в 1922 году в Париже, а теперь переизданы и у нас. Более того, недавно вышла книжка, составленная П. И. Негретовым, под редакцией А. В. Храбровицкого «Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921». Она составлена из дневниковых записей, из писем родным и близким, из комментариев, приложений, всего 450 страниц. Извлечем оттуда фразы, предложения, строки, абзацы, в которых писатель так или иначе оценивает большевиков и их действия. Итак, извлечения.

1917. 6 марта. «Речь с балкона театра на митинге в Полтаве:

„Монарх уходит — Россия остается… Будем же едины… враг еще на нашей земле… Нужно быть снисходительным к тем слугам старого режима, которые вредить уже не могут… Пусть же будет ответственность по суду, но не нужно насилий и мести“».

26 октября. «Большевистская агитация с одной стороны разрушает боеспособность, агитирует против наступления и затем пользуется чувствами, которые в армии вызывают наши позорные поражения, и объясняет неудачи изменой буржуев-офицеров. Ловко, но подло».

1 ноября. «Статья „Опять цензура“ в связи с введением в Полтаве цензуры».

«Мне сообщили, что в Совете можно говорить все что угодно. Не советовали только упоминать слово „родина“. Большевики уже так нашкодили эту темную массу на „интернациональный“ лад, что слово „родина“ действует на нее, как красное сукно на быков».

2 ноября. «Я заявляю, что не признаю вашей власти и обращаюсь к вам с братским призывом: остановитесь! Не идите дальше по этому пути гибельного разъединения… по пути смерти. Не обманывайте же граждан, солдат и народ. Никто, кроме вас, не покушается на свободу в нашем крае».

13 ноября. «Трагедия России идет своей дорогой. Куда?

Большевики победили в Москве и Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников… Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стен и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью…»

18 ноября. «Газета „Полтавский день“ вышла с белыми страницами, на которых вместо

обычного текста красовалась одна только фраза: „Редакция протестует против воскрешения политической цензуры“…

Я спрашиваю: по какому праву это сделано и в чьих интересах?

Ответ ясен: без всякого права и в интересах узкопартийных и односторонних… Это просто попытка одной партии наложить печать молчания на остальные, инакомыслящие и не разделяющие ее ожиданий».

(Оказывается, Мясников (Мясникян), видный большевик и партийный деятель, обращался к Ленину: «У нас куча безобразий и злоупотреблений: нужна свобода печати их разоблачать».

Ленин в личном письме Мясникову ответил: «Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем». (Т. 44, стр. 79.) «С зловещей печатью Каина на челе нельзя оставаться надолго вождями народа; плод той победы: убивающее партию негодование всего человечного в стране».

Большевики, кстати сказать, это поняли и поэтому стремились к уничтожению именно всего человечного. — *В. С.*)

3 декабря. «Вы торжествуете победу, но эта победа гибельная для победившей с вами части народа, гибельная, быть может, и для всего русского народа в целом».

«Власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола.

Берегитесь же! Ваша победа — не победа. Русская литература, и притом вся она… не с вами, а против вас».

19 января 1918 г. «Вступление в Полтаву большевистских эшелонов под командованием Муравьева».

26 января. «У нас тут орудует теперь некий загадочный Валленштейн, именуемый Муравьевым… Он разрешил вопрос о „власти“ и „дисциплине“… „Нам говорят: судите, но не казните. Отвечаю: буду казнить, но не судить“».

«…Ленин, приславший одобрение его методам в решении социальных проблем…»

6 февраля. «Мирная манифестация за Учредительное собрание 5 января расстреляна большевиками… Одному латышу-красногвардейцу сказали:

— Зачем вы убиваете рабочих?

— Рабочим было приказано сидеть дома».

21 июля. «Известие о расстреле Николая II негодяями-красногвардейцами».

11 августа. «Насилия покрываются термином „принудительных мер“, а произвол толкуется в смысле осуществления пролетарской диктатуры».

5 ноября. «Что делается в русских столицах — всем известно.

Жизнь Петрограда и Москвы замирает. На улицах, уже порастающих травой, можно видеть по нескольку дней неубранные трупы лошадей.

Трупы людей, умерших с голоду, убираются быстрее. Не нужно много воображения, чтобы представить себе, что при этих условиях происходит с детьми… Дети в Петрограде вымирают сотнями — это ужасная истина».

13 ноября. «То, что большевизм преследует так ожесточенно независимое слово — глубоко знаменательно и симптоматично… Он говорит: только тот, кто признает и прославит меня, имеет право на существование. Подчинитесь или погибнете».

1919. «О расправе с пленными белогвардейцами: их связали, положили на рельсы и пустили на них паровоз».

Февраль-март. «До революции мы были готовы пробудить общественное мнение всей России и Европы из-за одного человека для смягчения его участи (очевидно, Короленко имеет в виду дело Дрейфуса и дело Бейлиса. — *В. С.*), а теперь расстреливают массу ни в чем не повинных людей».

13 марта. «Такого кризиса еще не бывало. Большевики вообще считают свободу печати „либеральным предрассудком“. Вся независимая печать закрыта сплошь».

15 марта. «Банковские служащие получили опросные листки.

Среди вопросов есть и такой: к какой партии принадлежит опрашиваемый. Если беспартийный, то какой партии больше всего сочувствует… Отказ отвечать на эти вопросы влечет за собой… предание суду революционного трибунала».

21 марта. «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглости много и у не-евреев. Но особенно она кидается в глаза в этом национальном облике».

29 марта. «Вчера прибежала жена Вас. Алексеевича Муромцева… Он с утра ушел и домой не возвращался… В семье отчаяние… „Папу выбросили на свалку“, — говорит сынишка. На свалке порой находят раздетые трупы. Дети знают об этом…» Разговор с заместителем начальника ЧК Украины о массовых бессудных расстрелах.

«— Товарищ Короленко, но ведь это на благо народа! — и пытливо смотрит на меня».

3 апреля. «В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и… юдофобство».

4 апреля. «Это популярное теперь среди родственников арестованных имя „Товарищ Роза“ — следователь. Это молодая девушка, еврейка. Недурна собой, только не совсем приятное выражение губ. На поясе у нее револьвер в кобуре…» После 6 апреля. «6 апреля настоящего года в Полтаве расстреляно 8 человек по простому постановлению ЧК. Об этом даже не было известно ни Совету, ни Исполнительному комитету. Даже Чрезвычайная Комиссия была не в полном составе (Председатель отсутствовал). Это показывает, с какой легкостью у нас теперь относятся к вопросу о человеческой жизни.

Должен прибавить, что обстановка этих казней была ужасна.

Между другими казнили Девченка. Он был болен. Его привезли на кладбище, положили на доску, перекинутую над готовой могилой, и пристрелили лежачего, после чего сбросили в яму. Других… сажали на такую же доску. Это вызвало своеобразную просьбу заключенных: они просят, чтобы их хоть казнили по-старому: позволяли бы исповедоваться, попрощаться с близкими или хоть написать предсмертные письма…

…Страшное зло данной минуты — неопределенность права и обязанностей. Никто не знает, кто его может арестовать и за что…» (Как тут при поиске Владимиром Галактионовичем прав и обязанностей не вспомнить слова Н. Я. Мандельштам: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права, наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли… Людей снимали пластами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание…)» Май-июнь. «Непрерывные хлопоты и посещения трибунала, Чрезвычайной Комиссии, штаба. Письма и телеграммы Раковскому».

4 мая. «Пишет Х. Г. Раковскому. „Я не могу представить себе такого положения, где я мог бы оставаться зрителем таких происшествий и не сделать попытки вмешаться. Теперь писать для печати мне негде.

Приходится поневоле говорить о частных случаях, превратиться в ходатая. Но отказаться от вмешательства в окружающую жизнь, хотя бы в ее частностях, я не могу, где бы я ни находился“».

Полтава, 5 мая. «Короленко заболел нервным потрясением.

Консилиум врачей признал положение писателя очень серьезным.

Президиум ЦИКа отправил Губисполкому в Полтаву телеграмму с предложением принять меры ограждения для полного спокойствия В. Г. Короленко и его семьи» (т. е. домашний арест. — *В. С.*).

Из первого письма к Луначарскому.

«…Много и в то время и после этого творилось невероятных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских чрезвычайных следственных комиссий представляет пример — может быть, единственный в истории культурных народов…

…Озверение достигло уже крайних пределов, и мне горько думать, что историку придется отметить эту страницу „административной деятельностью“ ЧК в истории первой Российской республики, и притом не XVII, а в XX столетии.

Не говорите, что революция имеет свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революционной толпы, обагрявшей улицы кровью даже в XIX столетии. Но это были вспышки стихийной, а не систематизированной ярости…

…Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, — …высказали как будто солидарность с этими „административными расстрелами“… движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам…» (Значит, Ленин был им еще совсем не разгадан. Отсюда и эта наивность в рассуждении о прямой борьбе и человечности. — *В. С.*)

Из третьего письма Короленко Луначарскому.

«…Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов… лжи в том, что вы успели внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, „классовый“ характер.

Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия („буржуй“) представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренне говорить это?» «Тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм… И вы не остановились перед извращением истины… Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость — народное достояние, добытое „благодетельным процессом“… Говоря это, я имею в виду не одни только материальные ценности в виде… фабрик, заводов, машин, железных дорог, но и те новые процессы, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имели в виду…»

Из четвертого письма Короленко Луначарскому.

«Начинаю это письмо под впечатлением английской делегации. В нашем местном официозе напечатана или перепечатана откуда-то статья „Наша скорбь“, сопровождающая письмо Ленина к английским рабочим.

В ней прямо говорится, что наряду с гордостью нашим революционным первенством русские коммунисты переживают „трагедию одиночества“.

В письме Ленина звучит, по мнению автора, недоумение по поводу „самой возможности в нашу беспримерную эпоху таких „вождей“ рабочих масс… (Ленин гневается на английский пролетариат за то, что он не совершает мировой революции, и поэтому считает английские профсоюзы „презренными соглашателями и продавшимися буржуазии“. — *В. С.*) Отбросив то, что можно объяснить полемической несдержанностью и увлечением, остается все-таки факт: европейский пролетариат за вами не пошел… При переходе к этому будущему от настоящего не все подлежит уничтожению и разгрому. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати, для них (европейцев. — *В. С.*) не простые „буржуазные предрассудки“, а необходимое орудие дальнейшего будущего…

Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ, допустите и то, что я доказал это всей приходящей к концу жизнью… Но я люблю его не слепо, не как среду, удобную для тех или других экспериментов…

Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть еще нечто неоформленное и неопределенное, и вы до сих пор не выяснили, что вы под ним разумеете, — для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы (подчеркнуто Короленко. — *В. С.*).

Из одного и того же вещества углерода получаются и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь… То же нужно сказать и о человеческих атомах, из которых составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать из данного общества…“».

(Можно только поражаться наивности замечательного русского писателя и человека, гражданина, когда он, не поняв, очевидно, или недопоняв сущности ленинского большевизма, продолжает говорить с этими маньяками и звероподобными людоедами на человеческом языке. — *В. С.*).

Из пятого письма Короленко Луначарскому.

«…Вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату… И рабочая масса прежде всех почувствовала на себе последствия вашей схематичности.

Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что, убив его… вы убили также производство… Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя, не обращая внимания ни на что другое в преследовании этой своей схемы, вы довели страну до ужасного положения… Голодом поражена вся Россия… (Владимиру Галактионовичу, гуманисту, не могло прийти в голову, что голод этот сознательно инспирирован большевиками. — *В. С.*) …Вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена. Вам приходится заменять ее искусственными мерами, „принудительным отчуждением“, реквизициями при посредстве карательных отрядов… Вы… проходите по деревням России и Украины „каленым железом“, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики… Провозглашаются победы коммунизма в украинской деревне, в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом, и чрезвычайки уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата… Ваша партия утешает себя тем, что это (виноваты) только куркули (деревенские богачи), что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь — и богачей и бедняков одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше правительство быстро изменилось бы…»

Из шестого письма Короленко Луначарскому.

«…Вы с легким сердцем приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максималистской революции. Вы должны уже сами видеть, что в этом вы ошиблись… Эта мечта исчезает даже для вашего оптимизма… уже ясно, что… рабочая Европа не пойдет вашим путем и Россия… вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве… Куда? Что представляет собой ваш фантастический коммунизм?.. Что из этого может выйти? Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все, что мы испытываем теперь. Россия представляет собою колосс, который постепенно слабеет от долгой внутренней лихорадки, от голода и лишений… Настанет время, когда изнуренный колосс будет просить помочь ему, не спрашивая об условиях.

И условия, конечно, будут тяжелые… (Какое предвидение наших дней! — *В. С.*) Давно сказано, что всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила…

Правительства погибают от лжи… Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе…» Теория власти, теория принуждения к труду миллионов, десятков, сотен миллионов людей, целого населения огромного государства была разработана Лениным и была претворена в жизнь. И тут возникает вопрос: что способствовало большевикам в претворении в жизнь этой сатанинской, людоедской теории? Ну, приехало их в запломбированном вагоне с немецкими деньгами в руках около тридцати человек. Ну, на месте оказалось еще какое-то число сторонников.

Западные исследователи численность большевиков к моменту государственного октябрьского переворота с большой натяжкой определяют в 5000 человек.

Правда, были сопутствующие обстоятельства. Монархия рухнула, царь отрекся от престола, в

России была уже демократическая республика во главе с Временным правительством. В этих условиях рваться к власти кучке каких-то неслыханных, невиданных на Руси большевиков не было никаких оснований. Но Корнилов повел на Петроград войска, чтобы ликвидировать демократию и восстановить монархический строй. Тогда все, кто мог, завопили: революция в опасности! Свобода в опасности! Тогда большевики, доказывая на митингах демагогическими речами при помощи сотни-другой горластых агитаторов, что Временное правительство не способно дать отпор Корнилову и спасти революционный Петроград, правительство это арестовали (при февральско-революционной эйфории масс) и сами себя провозгласили властью. Изложение схемы событий упрощено, но в основном верно.

Тут надо отметить еще несколько дополнительных обстоятельств. Во-первых, при демократической чехарде власти, при надежде на Учредительное собрание, которое должно было в ближайшем будущем избрать законное демократическое правительство России, никто горстку большевиков не принял всерьез. Ведь было много разных партий: кадеты, эсеры, меньшевики, бундовцы… Ну, потешит себя какая-то там фракция властью… Не может же пойти за этой кучкой вся Россия…

Во-вторых, начал работать главный ленинский принцип: организованные три человека сильнее ста неорганизованных человек, сто сильнее тысячи, десяти тысяч и так далее.

В-третьих, последователь ультраэкстремистских учений Нечаева и Ткачева, Ленин понимал, что вся сила кучки большевиков и залог их успеха в нарушении всех «правил игры». Главным принципом всей деятельности Ленина было: «Нравственно то, что нужно и выгодно мне сегодня». Когда было нужно и выгодно, большевики кричали: «Вся власть Советам!» Когда они взяли власть в свои руки, Советы стали им не нужны. Уже упоминалось, что демонстрация путиловских рабочих с лозунгами «Вся власть Советам!» была попросту расстреляна из пулеметов. Семь месяцев (до взятия власти) большевики ратовали за созыв Учредительного собрания, когда же оно собралось (а большевики к этому времени взяли власть), они это собрание попросту разогнали. Все думали, что арестованных министров Временного правительства большевики по всем человеческим нормам будут открыто судить, а они, не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве. На протяжении десятилетий марксисты, ленинцы, большевики кричали о свободе слова, печати, клеймили царскую цензуру. Взяв власть, одним из первых декретов, уже в декабре 1917 года, они отменили всякую свободу печати.

Вот образчик рассуждений Ленина о нравственности:

«Всякую такую нравственность, взятую из… внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата…

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». (Т. 41, стр. 298–313.) Если эту демагогию перевести на внятный человеческий язык, получится одна только фраза, с которой человечество познакомилось лет десятка через полтора: «Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью». С людей, особенно это касается молодежи, «снимаются все традиционные этические ограничения и обязанности перед другими людьми. Взамен выдвигается единственное условие праведности (нравственности — *В. С.*) — верность

партийным целям и интересам» (Дора Штурман. «В. И. Ленин», стр. 75).

Его речь походит уже на кликушество:

«Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?» (Т. 39, стр. 286.) Насчет «полов» Владимир Ильич в ораторском запале явно зарапортовался.

Рассказывают, что в детстве он играл со своим младшим двоюродным братишкой в солдатиков на шашечной доске. Щелчком по шашке надо было сбить с доски солдатика. Хитроумный Володя прикрепил к доске своих солдатиков, так что младший игрок плакал от обиды, а старший хохотал своим знаменитым, некоторые считают — заразительным, а некоторые — сатанинским смехом.

Поскольку мы дошли до шашечно-шахматных аналогий, то мне с этими нарушениями всех правил игры в 1917 году и в последующие годы рисуется такая картина. Играют два шахматиста. Один, проигрывающий или, во всяком случае, не желающий проиграть, стукнет другого, бутылкой по голове. И таким образом партия выиграна.

В анналах истории сохранился для нас и вообще для потомков редчайший документ, драгоценное свидетельство современника октябрьских событий, причем не простого постороннего свидетеля, но крупного политического деятеля, лидера и теоретика партии социалистовреволюционеров (эсеров) Виктора Михайловича Чернова. В бурные дни семнадцатого года он успел побыть министром земледелия во Временном правительстве и даже председателем Учредительного собрания, разогнанного потом большевиками. Эмигрировал он в 20-м году, но в 19-м написал письмо Ленину, которое осталось в черновой рукописи, повидимому, необнародованной и не доведенной до сведения адресата. А жаль!

Мы переписываем основные положения этого письма из газеты «Русская мысль» № 3862, 18 января 1991 года.

«Милостивый государь, Владимир Ильич, для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения, их нравственный облик не внушает доверия, их поведение некрасиво, их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны говорить, с теми высокими принципами, которые они должны провозглашать, и Вы сами не раз с гадливостью говорили о таких помощниках как о „перекрасившихся“ и „примазавшихся“, внутренне чуждых тому делу, которому они вызвались служить.

Вы правы. Великого дела нельзя делать грязными руками. Их прикосновение не проходит даром. Оно все искажает, все уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон — удавкой, петлей, строгая справедливость — бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу — каторжной работой, правда — ложью…

Я, будучи Вашим идейным противником, не раз отдавал должное Вашим личным качествам. Не раз, в тяжкие для Вас времена, когда Вы своим путешествием через Гогенцоллерновскую Германию навлекли на себя худшее из подозрений, я считал долгом чести защитить Вас перед Петроградскими рабочими от обвинения в политической продажности, в отдаче своих сил на службу немецкому правительству. По отношению к Вам, заподозренному, хотя бы и отчасти по Вашей собственной вине, я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь — другое время.

Теперь Вы на вершинах власти почти самодержавной, теперь Вы в апогее Вашей славы, когда Ваши восторженные приверженцы провозгласили Вас вождем всемирной революции, а Ваши враги входят с Вами в переговоры, как равные с равными, когда с представителями международного капитала и буржуазными правительствами Европы Вы заключаете всевозможные политические и коммерческие сделки.

И теперь я морально свободен от этой сдержанности. (…) О, да. Вы не вор в прямом вульгарном смысле этого слова. Вы не украдете чужого кошелька. Но если и понадобится украсть чужое доверие — и особенно народное доверие, — Вы пойдете на все хитрости, на все обманы, на все повороты, которые только этого потребуют. Вы не подделаете чужого векселя. Но нет такого политического подлога, перед которым Вы отступили бы, если только он окажется нужным для успеха Ваших планов. Говорят, в своей личной частной жизни Вы любите детей, котят, кроликов, все живое. Но Вы одним росчерком пера, одним мановением руки прольете сколько угодно крови и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой бы позавидовал любой выродок из уголовного мира. (…) Вы — человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы себе „по совести“ разрешили преступить через все преграды, которые знает человеческая совесть. (…) Нечаев с его революционным иезуитизмом, учивший, что революционер не должен бояться не только крови, но и грязи и должен уметь обращать на пользу революции ложь и клевету, подлоги и шантаж, убийство и насилие…

И никогда и ни в чем не сказались с такой яркостью эти Ваши социально-психологические черты, как в двух делах, которые Вам пришлось совершить, чтобы расчистить путь к власти. Эти два темных и грязных дела — расстрел 5-го января 1918 года мирной уличной манифестации петроградских рабочих и разгон Учредительного собрания…

Можно было выступить против него открыто и мужественно, так, как умеет это делать честный враг. И можно было действовать так, как делал Иуда, „целованием предавший Сына Человеческого“, положив в основу всего предприятия ложь и фальшь. Вам, Владимир Ильич, Вам, душе и вдохновителю Центрального Исполнительного Комитета большевистской партии, я напоминаю о воззвании этого Комитета от 30 сентября 1917 года. Там, меньше чем за месяц до октябрьского переворота, Вы обвинили правительство Керенского за то, что при нем создается „законодательный булыгинский предпарламент“, призванный по плану (…) заменить собой Учредительное собрание. Вы хорошо знали, однако, что тогда никто и ничего Учредительное собрание заменить не отваживался и подумать — никто, кроме самого Вас. Вы утверждали в том же обращении, что Учредительное собрание может быть создано только вопреки нынешнему коалиционному правительству, которое делает и сделает все, чтобы сорвать его.

Вы даже предсказывали: „контрреволюционеры пойдут на все, чтобы сорвать Учредительное Собрание“. Если понадобится, они откроют для этого фронт немецким войскам. Вы сами знаете, что после этого произошло. Учредительное собрание сорвали Вы, и фронт немецким войскам открыли тоже Вы. Вам, Владимир Ильич, конечно, известно, какой незамысловатый, но часто удающийся трюк пускают в ход вульгарные воры, боящиеся быть пойманными. Они бегут, изо всей мочи крича: „Держите вора“. Сбитые с толку этими криками, ищут вора повсюду и во всех, кроме настоящего виновника.

Теперь скажите мне, Владимир Ильич, видите ли Вы по совести какую-либо разницу между этим воровским криком и тем политическим приемом, который Вы пустили в ход с Учредительным собранием?..

Вы хорошо знаете, Владимир Ильич, какая организация произвела в Петрограде переворот в ночь с 24 на 25 октября. Это был Ваш Военно-Революционный Комитет г. Петрограда. И в самый день 24 октября эта организация заявила во всеуслышание, заявила не правительству — нет, а всему народу: вопреки всяким слухам и толкам Военно-Революционный Комитет заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовлять и осуществлять захват власти. (...) После его разгона Вы стали в положение изобличенного лжеца, обманными обещаниями укравшего народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, свои обещания. Вы сами лишили себя политической чести.

Но этого мало. В тот самый день, когда собиралось Учредительное собрание, — 5 января 1918 года — Вы дали во все газеты сообщение о том, что Совет Народных Комиссаров признал возможным допустить мирную манифестацию в честь Учредительного Собрания на улицах Петрограда. После такого сообщения расстрел мирных демонстрантов я вправе заклеймить именем изменнического и предательского, а самое сообщение — величайшей политической провокацией. Это предательство, эта провокация должны жечь Вам руки.

Ничем, никогда Вы ее не смоете, потому что убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью, и эта ужасная смесь несмываема.

Ваша власть взошла, как на дрожжах, на явно обдуманном и злостном обмане.

Но когда власть в самом происхождении своем основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготеет над ней до конца.

Ваш коммунистический режим есть ложь — он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные каторжные работы внизу. Ваша „советская власть“ есть сплошь ложь, плохо прикрытый произвол одной партии, издевающейся над всякими выборами и обращающей их в непристойную комедию. Ваша пресса развращена до мозга костей возможностью лгать и клеветать, потому что всем остальным зажат рот и можно не бояться никаких опровержений. Ваши комиссары развращены до мозга костей своим всевластием и бесконтрольностью. При таких условиях не кричите о „примазавшихся“.

Сходное притягивается сходным. Моральное вырождение личного состава коммунистической партии — это логическое последствие того метода, которым добывали ей власть и упрочивали ее. А если это вырождение, это развращение доходит до „последней“ черты в практике Ваших Чрезвычайных Комиссий, дополняющих мучительство и издевательство, воскрешающих Азефовщину, насаждающих предательство и провокацию, не брезгающих и не боящихся ни крови, ни грязи, — то вспомните, что той же смесью крови и грязи, обмана и предательства, измены и провокации было запечатлено самое пришествие Вашей власти в роковые дни, увенчанные 5-м января 1918 г.

В этот день, Владимир Ильич, яснее, чем когда-либо, будут представлять себе рабочие Вашу внутреннюю сущность. Ваш истинный моральный облик „Торквемады“, переплетенного с Нечаевым, этим Распутиным русской революции (...) В эти дни рабочая кровь будет жечь Вам руки, в эти дни воспоминания о многократной публичной лжи перед народом будут вызывать на Ваше лицо краску стыда. Это будет Вашей моральной казнью.»

Но, помимо отказа от нравственности, от морали, от совести, от порядочности, от гуманности,

от правдивости («говорить правду есть буржуазный предрассудок»), от всех «правил игры», ведь нужен был и просто запас людей, кадры, которые, согласно продолжателю дела Ленина, решают все. Да, во всех больших и малых городах России производились массовые, не прекращающиеся ни днем ни ночью, расстрелы. Но ведь нужно для этого много расстреливателей. Да, продотряды отбирали у крестьян весь хлеб, обрекая миллионы людей на голодную смерть, но ведь нужны были бойцы для этих продотрядов, и командиры, и комиссары. Да, существовали ЧОНовские войска. Части Особого Назначения. Они совершали карательные экспедиции, подавляли (топили в крови) многочисленные восстания. Окружив Область Войска Донского, осуществили расказачивание России, за несколько недель истребив сотни тысяч донских казаков (по некоторым сведениям, не менее миллиона), они действовали как заградотряды во время гражданской войны… Откуда они взялись?

Конечно, были люди, которые за чистую монету принимали все слова и лозунги Ленина и вообще ленинского правительства. Они искренне верили, что Москва и Петроград голодают потому, что крестьяне не дают хлеба, прячут его. В то время как мы знаем, что зависимость была обратная. Голод в Москве и Петрограде нужен был Ленину, как повод отобрать у крестьян весь хлеб до последнего зерна, сосредоточить его в своих руках, а затем, распределяя, «господствовать над всеми видами труда». Ну, это мы уже проходили. Скажем, у хорошего человека и писателя Сергея Воронина, и ныне еще живущего в Петербурге, отец был продкомиссаром. Он был убежденным большевиком, ленинцем и свято верил в скорое светлое будущее. Были и просто коллаборационисты. Ведь в любой оккупированной стране все равно находятся люди, сотрудничающие с оккупантами. Ну а тем более, если власть вроде бы даже своя и провозглашает она на словах свободу и благо народа, крестьянства, пролетариата, широких масс. Как же тут не помогать такой власти?

Ведь чем коварен и опасен рак? Попадают в организм инфекция, вирус, чужеродные тела, организм начинает с ними бороться и в большинстве случаев побеждает. Эти белые кровяные тельца, стоящие на страже организма. При раке же происходит в организме перерождение своих, родных, собственных клеток, и защитные силы организма с ними не борются. Свои же! Организм гибнет, съедает сам себя изнутри.

Но было и еще одно очень важное обстоятельство, на которое указал сам Ленин в разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при «Комиссариате по делам национальностей», который в самом начале Советской власти возглавлял Сталин.

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что в русских городах было много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции… Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы». (Киржниц. «Еврейский рабочий». Москва, 1926, стр. 236.) «Все население России и без этих слов Ленина, которые оно тогда не читало, видело, как с молниеносной быстротой совершалась замена правящего класса и как евреи превратились в советских вельмож, комиссаров и командиров. А за ними потянулись их многочисленные родственники и единоплеменники, заполняя все государственные учреждения». (А. Дикий. «Евреи в России и в СССР». Нью-Йорк, 1967, стр. 210.) Но в первую очередь нужно было сформировать искореняющие органы, то есть ВЧК со всей ее разветвленностью по всей территории необъятной России. Удобство заключается в том, что начальнику ЧК, присланному из Москвы в Киев или Одессу, Харьков или Воронеж, Саратов или Пермь для укомплектования своей организации местными кадрами, не надо было спрашивать у молодого человека, каких он политических убеждений. Надо было просто дать ему мандат, маузер, кольт или наган, и он сразу же подключался к мясорубке.

Это можно увидеть на одном примере, хотя таких примеров найдутся сотни и тысячи. И вообще советую достать и прочитать книгу С. П. Мельгунова «Красный террор в России».

Жила в маленьком городке Тверской губернии некто Р. Пластинина (Майзель), имела она самую мирную и гуманную профессию, она была фельдшерицей. Но вот ее «призвала революция», и она превращается в чудовище, в палача. Вместе со своим новым мужем Кедровым они в Вологде и Архангельске отправили на тот свет тысячи россиян. Древнее и славное село Холмогоры они превратили в усыпальницу русской молодежи, а Ревекка Майзель-Кедрова лично застрелила 87 офицеров, 33 обывателя и потопила баржу с 500 беженцами…

В Киеве была знаменита и наводила ужас некая чекистка Роза. В Одессе женщина-садистка, которую прозвали «Мопсом». В Баку лила кровь некая товарищ Люба. А в Рыбинске — Зина, зверь в образе женщины.

Конечно, Ленин знал, что говорил, утверждая, что еврейская интеллигенция российских городов (преимущественно молодежь), наполнив собой бесчисленные губернские, уездные и просто городские ЧК, спасла революцию.

Н. Я. Мандельштам пишет об этом явлении в своих «Воспоминаниях»: «Мальчишки, делавшие в те дни историю, отличались мальчишеской жестокостью».

«Почему именно молодых легче всего превратить в убийц? Почему молодость с таким преступным легкомыслием относится к человеческой жизни? Это особенно заметно в роковые эпохи, когда льется кровь и убийство становится бытовым явлением. Нас (!) науськивали как собак на людей, и свора с бессмысленным визгом лизала руки охотнику. Антропофагская психика (антропофагия — людоедство, каннибализм. — *В. С.*) распространялась как зараза…» Антропофагия распространялась как зараза потому, что она шла сверху, всячески поощрялась, предписывалась, рекомендовалась, культивировалась, романтизировалась, а охотник, которому «свора лизала руки», — кто? Кто всячески поощрял, предписывал, рекомендовал, культивировал, приказывал, спускал директивы? Великий вождь и учитель всех трудящихся. Каннибальское кровопролитие даже воспевалось в стихах. Открываем томик Михаила Светлова.

Стихотворение называется «Пирушка».

Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусывать
Мирным куском пирога.

Хорошо, конечно, захватив Россию и став хозяевами положения, расстреляв русского царя, есть российские пироги. Но с кем же пирует поэт? А вот с кем пирует Михаил Аркадьевич:

Пей, товарищ Орлов
Председатель ЧК.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Ну, Орлов — это, конечно, псевдоним, как и у поэта Светлова.

Нетипично было в те годы, чтобы подлинный Орлов был председателем ЧК и подписывал приговоры своей беспощадной подписью. Но читаем стихотворение дальше:

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Так вот, под мандолину и выносились приговоры ЧК:

«…расстреливать заговорщиков и колеблющихся (!), никого не спрашивая и не допуская идиотской (следственной? судебной? — *В. С.*) волокиты. ЛЕНИН 22.8.1918».

Телеграмма эта, правда, не Орлову, а в Саратов Пайкесу, но это не имеет значения. Тем более что скоро и Саратов прозвучит в стихах Михаила Светлова. А приговоры выносились не единицам.

Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке.
Пулемет застучал —
Боевой «ундервуд».

(«Ундервуд» — марка пишущей машинки тех времен.) Какова емкость поэтического образа! Чернила орловской подписи сразу превращаются в кровь на штыке, а стрекотанье пишущей машинки, отпечатывающей имена обреченных (а что же еще могла отпечатывать машинка в ЧК?), переходит сразу в стрекотание пулемета.

Но читаем стихотворение:

Расскажи мне, пожалуйста,
Мой дорогой,
Мой застенчивый друг,
Расскажи мне о том,
Как пылала Полтава,
Как трясся Джанкой,
Как Саратов крестился
Последним крестом.

Миленькая картинка. И председатель ЧК, оказывается, милый, застенчивый человек, интеллигент и очкарик. А пылают и трясутся не заморские, не вражеские ведь города, а мирная, тихая Полтава, и среди родной России, на берегу родной Волги, Саратов вынужден креститься последним крестом.

А это разве двусмысленно:

Как без хлеба сидел,
Как страдал без воды
Разоруженный
Полк юнкеров…

Надо вникнуть в то, о чем тут написано. Юнкера — это юноши, русские, светловолосые, в белых гимнастерках, жертвенная часть русской интеллигенции. Из них, разумеется, нельзя было бы рекрутировать сотрудников ЧК. И вот их, оказывается, разоружив, уморили голодом и

жаждой. А теперь сладко вспоминать об этом за мирным куском пирога: «а помнишь, как мы их, сволочей, с голоду уморили? Как пить им не давали, гадам, контрам, они и подохли все. Выпьем, что ли, товарищ Орлов?» Ты, кто руки свои Положил на Бахмут, Эти темные шахты благословив…

Ну, то, что председатель ЧК положил руки на Бахмут, это понятно. И не только на Бахмут, на всю страну положила руки ЧК.

Шахты — темные, значит они не работают. Да и правда, кто же копошился в шахтах в восемнадцатом, в девятнадцатом годах… Тогда что же за благословение темным шахтам со стороны председателя ЧК Орлова? Зловещее благословение. И не тот ли это Орлов, который к 1938 году был уже генералом НКВД и, находясь в Испании, сбежал от Сталина и скрывался 25 лет, а потом написал книгу воспоминаний «Тайные преступления Сталина»? А сам он, значит, никаких преступлений не совершал и звание генерала НКВД заслужил, играя на мандолине? Там же расшифровывается его псевдоним:

— …Трудная какая-то фамилия, не могу вспомнить, впрочем, кажется, Фельдбин.

Важно было иметь в каждом отделении ЧК надежных людей, но все же это не полки, не дивизии. Ленину с его сообщниками повезло еще и в том, что нашлись полки, которые воистину спасли революцию. Это регулярные, дисциплинированные, хорошо обученные части Латышских стрелков. Название это, наверное, слышали все, но не все знают, откуда эти стрелки взялись и почему и как они помогли революции, спасли ее.

У меня в руках рукописная работа Анатолия Кузьмича Булева, написанная им во время пребывания в лагере. При необходимой литературной доработке она годилась бы на какую-нибудь диссертацию или на издание отдельной брошюрой. Мы не будем перегружать наш очерк о великом вожде побочными отступлениями, возьмем из рукописи только самые необходимые сведения.

Оказывается, во время русско-германской войны, начавшейся в 1914 году, царское правительство создало из латышей-добровольцев три боеспособных дивизии. Эти дивизии и получили название Латышских стрелков. Дивизии участвовали в боях с немцами, причем германцы так их боялись и ненавидели, что даже не брали в плен. Впрочем, кажется, и Латышские стрелки отвечали им тем же.

Когда в России произошла революция и не стало царя, которому латышские дивизии служили верой и правдой, они оказались в «подвешенном» состоянии. Возвращаться в Латвию было нельзя, там еще были германцы, а в России они оказались как бы не у дел. Конечно, если бы Николай II, вместо того чтобы отрекаться от престола, бросил на Петроград эти латышские дивизии, то сразу бы в Петрограде все затихло и не было бы никакой революции, а чуть позже и октябрьского переворота, то есть захвата власти большевиками. Но царь отрекся, большевики взяли власть и, более того, заключили с Германией пресловутый Брестский мир, по условиям которого Латвия отделялась от России. На территории Латвии находились немцы, латышские дивизии стали внутри России иностранным войском.

А. К. Булев задает риторический вопрос: откуда взялся союз Ленина, марксиста, с силой, абсолютно далекой от марксизма, от большевиков, и не только чуждой — враждебной? Ведь эти дивизии верой и правдой служили царю. Но мы уже знаем, уверились, что моральная сторона дела не интересовала Ленина никогда. Морально все, что нужно и выгодно сегодня. Использовал же он царских офицеров, генералов, адмиралов в качестве военспецов, причем не потому, что они уверовали в идеи революции и искренне перешли на ее сторону, он

использовал их подневольно, принудительно, захватив их семьи как заложников. Потом все равно и сами военспецы, и их семьи равнодушно и безгласно расстреливались, чаще всего латышами.

Так или иначе распадающиеся дивизии Латышских стрелков сбились в одну дивизию, и эта дивизия перешла на службу к большевикам.

Роль налаживания контактов с латышами приписывают Троцкому. Он вступил в переговоры с несколькими влиятельными офицерами-латышами, как-то: полковником Вацетисом, прапорщиком Петерсом, Берзином, Алкнисом, Камлином… Они-то и привели укомплектованную, прекрасно обученную, дисциплинированную дивизию в ленинский стан.

Известно, что впервые на исторической сцене латыши появились — неожиданно для всех — около поезда, на котором советские правители убегали из Петрограда в Москву. Да, возле поезда латыши внезапно появились и, обеспечив безопасность этого поезда, стали сразу военной силой, господство которой продолжилось в Московском Кремле. Они стали щитом и мечом правительства Ленина.

Оказывается, вслед за поездом, на котором сверхсекретно переезжало советское правительство в Москву, устремился целый поезд с матросами, уже понявшими к этому времени, что их обманули. Но у матросов были только наганы да гранаты. Догнав поезд, матросы попали под латышские пулеметы…

Латышскую дивизию не бросали на фронты гражданской войны.

Латышские стрелки стали ЧОНовцами, кремлевскими охранниками, карателями. Они действовали как заградотряды, они подавляли все крестьянские восстания.

Ленин в телеграмме в Пензу на имя Бош рекомендует бросить против пяти восставших волостей «Железный полк». Несомненно, это был полк Латышских стрелков. Никаких своих «железных» полков у Ленина еще не было. Именно в этот роковой период, когда собственная Красная Армия не была еще (принудительно) отмобилизована, латыши были единственной опорой среди полностью враждебной Ленину России и тем самым сыграли решающую роль в спасении ленинской авантюры.

Все латышские командиры стали впоследствии кто правой рукой Дзержинского, кто командармом, кто начальником разведуправления, кто начальником авиации Красной Армии. А еще позже… в СЭС после коротенькой справки о каждом из них значится: «Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно».

Так что, входя в контакт с большевиками, все они фактически подписали себе смертный приговор. Судьба рядовых латышских стрелков неизвестна.

Но, конечно, всей гражданской войны при помощи одной латышской дивизии выиграть было бы нельзя. Поэтому может возникнуть вопрос: если дело большевиков было неправое, а дело белой гвардии — правое, то почему же победили все же большевики? Значит, за ними пошли основные массы, основная часть народа? И, возможно, все же правда была на их стороне?

Отвечаем, что нет. Никакой правды за большевиками не было.

Никогда. Если некоторая часть и была одурманена, обманута лживыми лозунгами, из которых ни один на деле не был осуществлен (напомним: «Мир — хижинам», «Земля — крестьянам», «Фабрики — рабочим», «Вся власть Советам», «Вся власть рабочим и крестьянам», «Да

здравствует мировая революция», «Вперед, к сияющим вершинам коммунизма»), то очень скоро люди одумались. Но когда одумались, было уже поздно. Все они оказались в государстве-лагере с соответствующим лагерным режимом.

Дело в том, что в руках большевиков оказалась (кроме самой власти) центральная часть России, основные запасы, склады, богатства, людские ресурсы. Чем воевали большевики — какими патронами, снарядами, винтовками, пушками, бронепоездами? Ведь заводы стояли, была разруха. Захватив власть, Ленин и его сообщники в два месяца парализовали и разрушили всю систему общественной саморегуляции, обеспечивающей жизнь ста семидесяти миллионов людей. Но зато большевикам очень много досталось всего в готовеньком виде от захваченной и изнасилованной ими России. Даже амуниция. Эти знаменитые буденовки и шинели с поперечными на груди черными полосами тоже уже лежали на складах. Готовилось переобмундирование царской армии. По эскизам Виктора Михайловича Васнецова была заготовлена новая форма: шлемы наподобие древнерусских, богатырских… Не побрезговали руководители из Кремля, несмотря на лютую ненависть ко всему русскому.

Кроме того, те, кто тщательно изучал первые годы существования Советской власти и годы гражданской воины, приходят к однозначному выводу: каждый раз, когда власть большевиков оказывалась висящей на волоске, на грани гибели, протягивалась некая невидимая рука и спасала большевиков.

Есть такое предположение. Уже в 18-м году, то есть когда только-только Ленин захватил власть, к нему приехал тогда еще молодой Хаммер. У двух этих людей, быстро нашедших общий язык, состоялась деловая беседа. Не осталось, естественно, стенограммы этой беседы. Я думаю, что не найти ее следов в самых секретных архивах (или все же найти?). Но суть ее сохранилась в преданье. Можно считать это фольклором, однако последующие события подтверждают, что такая беседа была.

Гипотетически Хаммер говорил следующее:

— Без посторонней помощи вам не устоять против Антанты. Без посторонней помощи вам не победить в гражданской войне. Без посторонней помощи вам не преодолеть разруху. Без посторонней помощи вам не построить ни электростанций, ни заводов. Короче говоря, вам без посторонней помощи не выжить, не удержаться у власти. Но в мире есть силы, могущественные финансовые круги, которые относятся к вам сочувственно (вернее, сочувственно относятся к тому, что вы сокрушили Российскую империю) и готовы помочь вам в ее дальнейшем развале…

Здесь Ленин мог спросить: за какие такие красивые глаза предлагается помощь? Он мог возразить: «Вы же сами говорите, что у нас разруха и голод. Чем мы можем ответить этим могущественным финансовым кругам?»

— Ну как чем?.. У вас есть, например, Эрмитаж. Другие музеи. А в музеях — запасники. Дворянские усадьбы и купеческие особняки (а вы то и другое собираетесь стереть с лица земли) напичканы живописью, русским серебром, ювелирными изделиями, драгоценными иконами, золотом, драгоценными камнями. А если к тому же пошевелить церкви и монастыри…

Точно ли такой или не точно такой был разговор, но только Хаммер вывозил русские ценности вагонами, пароходами. Из Эрмитажа и других музеев ушло за океан 5000 (пять тысяч!) бесценных картин.

Рембрандты, Тицианы, Рафаэли, Веласкесы, Дюреры, Джорджоне, Босхи, Микеланжело… Под Вашингтоном существует музей, где специально выставлены русские дворцовые ценности. В семье Рузвельтов находится алтарь из Храма Христа Спасителя, в Калифорнии в частном собрании хранятся царские врата, которые Екатерина подарила Киевской Софии.

Серебряные. Чеканные. Позолоченные. Полторы тонны весом. В кармане не провезешь. Именно вскоре после первого приезда в Москву Хаммера была опустошена Патриаршья Ризница, находившаяся в Кремле. В газетах того времени промелькнуло сообщение, что все ценности из нее были украдены неизвестными, приехавшими на грузовике. В Кремль!

Охраняемый Латышскими стрелками!! На грузовике!!!

Тогда же были вскрыты все царские гробницы как в Петрограде, так и в Москве. Шарили мародеры, вороша кости в поисках драгоценностей. Во время изъятия церковного имущества из Троице-Сергиевой лавры рубины и жемчуг выносили кадками.

Говоря о причинах большевистской победы в гражданской войне, надо учесть и то, что Красная Армия строилась на основе принудительной, насильственной мобилизации, а не на добровольческих началах. Красная Армия была изначально во много раз (по некоторым источникам в 25 раз) многочисленнее Белой армии. Дисциплина в Красной Армии держалась на расстрелах, осуществляемых ЧОНовцами, то есть уже знакомыми нам Латышскими стрелками. В Красной Армии господствовал террор. «Расстрел на месте» — это было самое обыденное словечко. Впервые, наверное, в истории человечества были придуманы и практиковались заградотряды. То есть сзади красноармейцев, идущих в бой, сидели «чоновцы» с пулеметами. В знаменитой Чапаевской дивизии, как стало теперь известно, тоже были заградотряды.

Не последним делом было и то, что у каждого воюющего красноармейца оставались на территории, находящейся под властью красных, родные, семьи. Они были как бы заложниками. В случае, если бы красноармеец перешел на сторону «белых», его семье грозила гибель, и он это прекрасно знал. Еще больше система заложничества распространялась на так называемых военспецов. Русских генералов и офицеров вынуждали воевать на стороне красных, захватив их семьи и грозя расстрелять в любую минуту. Впрочем, потом их, как и самих военспецов, все равно всех уничтожили.

Добровольцы, белогвардейцы воевали по велению души и сердца, красноармейцы — по принуждению, но их было больше во много раз. Поэтому белое движение было жертвенным. Кто видел кинофильм «Чапаев», тот помнит, как шел в атаку Капелевский полк, да и полк-то, конечно, неукомплектованный. Одно название что полк. Много ли их там шло? Они шли на пулеметы, открыто, презирая смерть. Они понимали, что если погибла Россия, то и они должны погибнуть.

«— Красиво идут, — сказал один мужик-красноармеец.

— Тилигенция, — отозвался другой».

Да, это шла русская интеллигенция. Во всяком случае, ее лучшая, жертвенная часть.

Похожий эпизод мы встречаем и в книге белого генерала А. В. Туркула «Дроздовцы в огне».

«Наша цепь подалась, точно выгнулась назад.

— Отступают, — крикнул Манштейн и вдруг замер, приподнявшись на стременах.

Цепь выгнулась назад, точно тетива натянутого лука, и вдруг кинулась вперед в колыхающиеся волны большевиков. У тех был перевес раз в двадцать пять. Затопят все. С правого фланга, без фуражки — русые волосы бил утренний ветер — шел с наганом маленький Бураковский. Он ослепительно улыбался под огнем, как в странном очаровании.

— Смотри, смотри…

Манштейн схватил меня за руку, побледнел, и та же улыбка вдохновенного бесстрашия осветила его худое лицо:

— Как они идут. Боже, как это прекрасно! Что за рота?

— Вторая, — обернулся я и дал шпоры коню…»

С военной точки зрения Белая гвардия была разбита, побеждена, но духовно она победила. Как духовно победил большевиков Патриарх Тихон, умерщвленный большевиками, а ныне причисленный к святости.

Как духовно победил Ленина Николай II, расстрелянный им и разрезанный на куски. И чем больше будет проходить десятилетий, тем более очевидным будет становиться этот факт.

Спасти Россию Белой гвардии не удалюсь, но честь России она спасла.

Делались попытки приписать болезнь Ленина и его преждевременную смерть отравленным пулям эсерки Каплан. Это попытка с негодными средствами. Отравленная пуля убивает насмерть, на то она и отравленная. И вообще во всей этой истории с покушением много туманного. В некоторых статьях последнего времени проскальзывал даже вопрос: да было ли покушение-то? А если и было, то насколько оно было серьезным? Ведь Фанни Каплан стреляла в упор, притом произвела несколько выстрелов. Надо совсем не уметь пользоваться оружием, чтобы, стреляя в упор, только ранить человека в плечо. Могла бы выстрелить в лоб, либо в затылок. И кто же берет, идя на покушение, почти игрушечный «дамский» браунинг? Уж не холостыми ли патронами стреляла во Владимира Ильича приятельница Надежды Константиновны, Инессы Арманд да его самого? (Есть фотография, на которой Надежда Константиновна и Инесса Арманд идут по дорожке и с ними Фанни Каплан. Мирная, теплая компания.) А большевикам нужен был повод для новой кровавой волны террора. И нужен был повод, кроме того, устранить с исторической сцены эсеров.

В Петрограде 17 августа 1918 года убивают Моисея Соломоновича Урицкого, комиссара Северной коммуны, руководителя Петроградской ЧК. Убивший большевика Леонид Каннегисер заявил на допросе, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению. Не исключено, что большевистский режим пожертвовал двумя большевиками, чтобы расстрелять более десяти тысяч человек. По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, Осип сказал ей, что «на смерть Урицкого большевики ответили „гекатомбами трупов“».

Через одиннадцать дней, 28 августа, в Москве — покушение на Ленина. Конечно, были и массовые аресты, но в первые дни просто расстреливали тех, кто уже сидел в тюрьмах. Не только Петроград и Москва ответили на покушение на Ленина сотнями убийств. Эта волна прокатилась по всей Советской России — по большим и малым ее городам.

«Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя тов. Ленина, — сообщает Нижегородская ЧК, — побуждает отказаться от сентиментальности (то-то сентиментальными были до этого дня чекисты!) и твердой рукой провести диктатуру „пролетариата“. В силу этого

расстреляны…» (далее идет список).

«В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина красному террору подвергнуты…» (далее идут списки). Это в Сумской уездной ЧК Харьковской губернии. Уж наверное граждане города Сумы не участвовали в тех покушениях.

По рассказу коменданта Московской ЧК… «Приехал бледный как полотно Дзержинский и отдал приказ: „Расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях“».

Я вот думаю: убили взрывом бомбы Александра II. Возможно ли вообразить, чтобы в ответ на это злодеяние по всей России начали бы вешать десятками тысяч непричастных к этому убийству людей? Ну, повесили, наверное, непосредственного исполнителя террористического акта.

Теперь самое время подивиться на то, что при десятках тысяч расстрелянных не расстреляли Фанни Каплан.

Все время ходили смутные слухи, что Фанни Каплан сохранили жизнь. Эти слухи окрепли во времена Хрущева, когда говорить стали побольше и повальнее. Уточнялось даже, что Каплан сидит в Бутырской тюрьме или даже что она под чужим именем благоденствует в Швейцарии. Эти слухи были настолько упорными, что бывший комендант Кремля, бывший матрос Мальков, в своих воспоминаниях вынужден был полемически и твердо заявить, что он лично расстрелял эсерку Каплан.

А в «Огоньке» (1989, N 30) в статье Ю. Давыдова, проскользнуло дополнительное сведение. Цитируем: «…труп Фанни Каплан, облитый бензином, жарко пылал в железной бочке, стоявшей в сумрачном углу Александровского сада. Кремацию организовал матрос, комендант Кремля П. Д. Мальков. Пособлял ему случившийся рядом пролетарский стихотворец Демьян Бедный…» Я не знаю, откуда эти подробности у Ю. Давыдова, рисующего странную, я бы даже сказал, фантастическую картину уничтожения Каплан.

Александровский сад находится не внутри Кремля, а примыкает к нему со стороны Манежа. Жечь в этом саду что-либо — это все равно, что жечь на московской улице. И как при такой акции (без оцепления, без часовых?) мог «случиться рядом» (шел мимо, что ли, да завернул на огонек?) Демьян Бедный? Если же в этих сведениях Александровский сад перепутан с Тайницким, который находится внутри Кремля и где действительно мог бы найтись «сумрачный угол», то опять-таки что за фантазия тащить Каплан в Кремль, когда в одной минуте езды работает день и ночь чудовищная, огромная всероссийская машина по переработке человеческого материала?

Как ни покажется странным, этот столь сложный путь уничтожения Каплан и утвердил меня в мысли, что, пожалуй, ее действительно не расстреляли.

В самом деле, на Лубянке еженощно убивали тогда сотни и тысячи людей. Для этого есть специальные исполнители. Поток мертвецов обилен и бесконечен. Чего же легче было хлопнуть и Фанни Каплан. Разве кто-нибудь усомнился бы, что она расстреляна? Ведь никто не сомневается в том, что застрелен, например, Гумилев, а позже — Николаев, убивший Кирова, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Якир, Тухачевский… Зачем же понадобилось втягивать в это дело коменданта Кремля, зачем понадобилась эта нелепая бочка? Зачем понадобился «пролетарский стихотворец» Демьян Бедный? Уж не для того ли, чтобы обзавестись

несомненными свидетелями: да, Каплан расстреляли.

Замысел этот насчет свидетелей, как видим, в конце концов сработал.

Мальков написал воспоминания, а Ю. Давыдов обогатил их дополнительными подробностями.

Конечно, Мальков не выдумывает и не врет. По приказу свыше он застрелил какую-то женщину и труп ее сжег в железной бочке. Но это была необязательно Каплан. Комендант Кремля скорее всего не знал Фанни Каплан в лицо. Присутствие Демьяна Бедного мне кажется сомнительным и даже неправдоподобным. Но вообще-то его присутствие, если оно было, не могло быть случайным и только подтверждает версию о желательности свидетелей. Демьян Бедный тоже наверняка не знал Каплан в лицо. Ведь ее портреты, надеюсь, не публиковались в газетах.

Подобрать же подходящий «типаж» на Лубянке в то время не составляло труда.

Итак, уничтожив тысячи, если не десятки тысяч людей в связи с покушением на Ленина, не убили саму покушавшуюся. Что это?

Сверхгуманизм? Непохоже на этих людей. Я думаю, что это — продолжение спектакля, в котором главная роль была отведена хорошей знакомой как самого Ленина, так и его ближайшего окружения. «Тайны мадридского двора».

(Года полтора-два назад не то в «Вечерней Москве», не то в «Труде», не то в «Известиях» промелькнуло сообщение о том, что на Дальнем Востоке скончалась Фанни Каплан. При желании можно найти.

Но мы не будем копаться в подшивках. Сам по себе этот факт, что Каплан не расстреляли, не имеет большого значения.) Нам важно то, что роковая болезнь Владимира Ильича не была следствием его ранения в плечо, если даже такое ранение действительно было.

Он умирал от болезни мозга. Еще в 1920 году Герберт Уэллс, оставляя нам словесный портрет Ленина, пишет: «...Слушая собеседника, он щурит один глаз. Возможно, это привычка, вызванная каким-то дефектом зрения». Но, оказывается, боль в глазах — верный признак болезни мозга. Незадолго до смерти Ленин жалуется на боль в глазах. Из Москвы в Горки доставлен глазной специалист, профессор Авербах. Он обследовал больного и высказал заключение: «Никаких болезненных изменений в глазах нет». Этот отзыв специалиста, сам по себе как будто благоприятный и обнадеживающий, прозвучал как приговор трибунала.

Ведь если дело не в глазах, значит — мозг. А глаза болят в особенности перед очередным, с каждым разом все более жестоким приступом болезни под названием «прогрессивный паралич», первый зафиксированный приступ которого произошел 25 мая 1922 года.

Ленин знал о своей болезни. Ему приходит мысль о самоубийстве при помощи яда. Его секретарь Фотиева записала в дневнике дежурных секретарей 22 декабря 1922 года:

«Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: „Не забыть принять все меры доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам“».

Значит, он знал не только о том, что болен, но точное название болезни. Он ищет встречи с профессором Авербахом наедине. «Схватив меня за руку, Владимир Ильич с большим волнением вдруг сказал:

„Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше?“» Открываем «Советский энциклопедический словарь» на букву «П», читаем: «Прогрессивный паралич, сифилитическое поражение головного мозга, возникающее через 5-15 лет после заболевания сифилисом: характеризуется прогрессирующим распадом психики вплоть до слабоумия, расстройством речи, движений и др. …» Сталин докладывает Политбюро о том, что Ленин просит у него яд. Остается неясным — дали ему в конце концов яд или нет. Скорее всего не дали, ибо речь шла все время о цианистом калии, смерть от которого мгновенна, но Ленин умер после очередного приступа.

За последние три часа жизни около постели больного проведено три консилиума, температура 42,3. «Ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места». Эта картина не накладывается на отравление цианистым калием.

«Наркомздрав Семашко обмолвится вскоре, что мозг Ленина к моменту смерти и вскрытия превратился в „зеленоватую жижу“.

Патологоанатом расскажет о склерозированных сосудах мозга, ставших ломкими палочками почти без просветов для тока крови. Кто-то напишет о больном (левом. — *В. С.*) полушарии, сморщенном и иссохшем, размером с грецкий орех, висящем на ниточке, уходящей в здоровое полушарие мозга…» (Дора Штурман. «В. И. Ленин», стр. 5).

О болезни и смерти Ленина написано много. Тему сифилиса стараются обойти. Я бы тоже поставил ее на второе место. Определение прогрессивного паралича слишком категорично — «сифилитическое поражение мозга» — и никаких гвоздей. Тогда, может быть, сифилис не приобретенный, а полученный по наследству? Почему его дедушка Николай Васильевич, калмыцкий портной, не женился до шестидесяти лет? Мне рассказывали, что «красные следопыты», пионеры Астрахани, пошли по следам ленинских предков и обнаружили, что многие его предки по отцовско-дедовской линии кончали в сумасшедших домах.

Результаты «следопытов» были уничтожены, а сам поиск был прекращен.

Мы уже знаем теперь, что у Владимира Ильича была плохая наследственность, что он был болен «мозгом» (как говорили в прежние времена: он болен раком; он болен каменной болезнью и т. д.) и что признаки болезни начали проявляться очень рано, с детства и с юности.

Этого не скрывает и официальная медицина. Семашко в «Известиях» пишет 25 января 1924 года: «Склероз сосудов мозга, самого уязвимого места Владимира Ильича, по причине его всегдашних переутомлений и напряжений имел место у него с молодости. Отсюда же понятна и безуспешность лечения. Ничто не может восстановить эластичность стенок сосудов, если они дошли уже до степени обызвествления, до каменного состояния; не пять и не десять лет, очевидно, этим болел Владимир Ильич, не обращая должного внимания в начале болезни, когда ее легче было задержать, если не устранить. И когда артерии одна за другой отказывались работать, превращаясь в шнурки, нельзя было ничего поделать…» С одной стороны, тут наведена тень на плетень. Надо ведь было объяснить трудящимся возникновение и периодическое повторение приступов. «Артерии одна за другой отказывались работать». Но, с другой стороны, высказана правда о том, что Ленин болел не пять и не десять лет. То есть, по-другому говоря, всю жизнь, с молодости. Ведь ему и всего-то пятьдесят четыре года. Но тогда болезнь под названием атеросклероз не накладывается на молодость организма. Читаем:

«Атеросклероз, хроническое сердечно-сосудистое заболевание лиц преимущественно пожилого возраста, характеризуется…» и т. д. И что делать с тем, что Ленин сам называл свою болезнь прогрессивным параличом? Ведь он, по воспоминаниям Крупской, «…попросил

достать ему медицинские книги, обложил себя ими и принялся за изучение своей болезни — больше всего по английским источникам».

Да и тот же Семашко в своей известинской статье постепенно забывает про склеротические сосуды, а говорит уже о поражениях мозга:

«…все клиницисты во время вскрытия удивлялись лишь силе интеллекта Владимира Ильича, который мог с такими поражениями мозга, с западающим (уменьшенным, съежившимся. — *В. С.*) левым полушарием, читать газеты, интересоваться событиями, организовывать охоту и т. д., другие пациенты, говорили врачи, с такими поражениями мозга бывают совершенно неспособны ни к какой умственной работе…» Таким образом, Семашко, напустив сначала туману насчет склеротических сосудов, сумел даже тогда, через 4 дня после смерти пациента, в «Известиях» сказать правду. Дело не просто в сосудах, а в поражении мозга, в «западении» левого полушария и в том, что, как где-то потом обмолвится Семашко, мозг Ленина превратился в зеленоватую жижу. Налицо противоречие. Ни сифилис, ни склероз не могли поразить мозг Ульянова с молодости, если еще не с детства. Значит, наследственность? Скорее всего. Либо самый простой вариант: плохая наследственность, на которую наложилось дополнительно заболевание сифилисом и атеросклерозом. И в том и в другом случае приходится признать, что пролил море крови в нашей стране, требуя расстрелов, и расстрелов, что принял решение убить и изрубить на куски царскую семью, все русские памятники заменить памятниками Марату, Робеспьеру и Парижской коммуне, провел в России чудовищный, целенаправленный геноцид человек с больным, пораженным мозгом, а значит (это вам скажет любой начинающий врач), и с больной психикой.

Свирепая, бешеная («Провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией») агрессивность выплескивалась сначала на «врагов революции», на крестьян, на интеллигенцию, на «буржуев». Эти ленинские указания: стрелять, беспощадно уничтожать, подавлять, массовые обыски, массовый вывоз, массовый террор, «чем больше расстреляем, тем лучше», сгноить в тюрьме, «расстреливайте на месте беспощадно», за сокрытие продовольственных припасов — расстрел, «расстреливать… никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты», «будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще», «с этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили», «нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой околокадетской публики (подчеркнуто мной. — *В. С.*) Значит, арестовать не заговорщиков, а для предупреждения заговоров, и не кадетов, а околокадетской публики). Преступно не арестовывать ее».

Все эти указания сейчас широко цитируются, повторяются, кровожадность и бешеная злоба их автора не вызывают уже никаких сомнений. Недавно было объявлено, что готовятся к изданию 6–7 томов самых секретных, никогда не публиковавшихся документов: записок, писем, указаний, распоряжений Ленина. Это будет издано под общим названием «Неизвестный Ленин». И мир будто бы содрогнется, прочитав эти тома.

Но со временем ярость, раздраженность, нетерпимость и ненависть оборачиваются против своего уже стана. Дело в том, что становится ясной вся бессмысленность нечеловеческих усилий, небывалых кровопролитий, беспримерного насилия, а в конечном счете бессмысленность затеянного эксперимента. Все это он сваливает на тупость и неумелость своего аппарата, в то время как причины беспомощности лежали глубже. Ведь если взять только самые верхние критерии социализма, который Владимир Ильич взялся построить, а именно: контроль, учет и распределение (а для этого необходим еще сбор информации), а там еще необходимо планирование, и не в общих чертах, а скрупулезное, мелочное планирование, то понятно, что для всего этого нужны сотни тысяч людей, знающих свое дело. Управленческий аппарат в СССР достиг, как известно, двадцати миллионов человек, а его ядро

(номенклатура) не менее трехсот тысяч. Недавно прозвучало по телевизору в чьем-то выступлении, что для того, чтобы правильно спланировать экономику на один только год в такой стране, как наша, на сбор и обработку информации нужно 60 лет! И это — сейчас! А что говорить про тогдашние времена. Кроме огромного количества людей для контроля, учета и распределения, нужно огромное количество бумаги, писанины, «входящих» и «исходящих», а кроме писанины, нужно огромное количество заседаний, совещаний, согласований, увязываний, сводок и директив... Ленин не мог не видеть, что его «дело» погребается под ворохом бумаг и спасения от этого нет. Вообще спасения нет. Отсюда и его раздраженность своими тысячами исполнителей. Да плюс к этому больной мозг с агрессивными наклонностями. Выпишем образчики ленинского красноречия, собранные на одну страницу из разных ленинских писем последних его лет Дорой Штурман:

«Наша проклятая бюрократическая машина», «наши гнусные нравы», «бюрократическое тупоумие», «чинодральская сволочь», «система коммунистических дурачков, имеющих власть и не умеющих ею пользоваться», «а у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не торговый, а говенно-бюрократический, как все остальное в РСФСР (подчеркнуто мной. — *В. С.*) (у нас такого г... как ведомства, много)...», «расстрелов... мало (я за расстрел по таким делам)...», «Впредь будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую (!) сволочь», «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Н. К. Юст (Наркомат юстиции. — *В. С.*) сугубо надо вешать на вонючих веревках...», «...отвлекая внимание свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского... воздуха...» Кажется мне, — довольно. Нужно сделать только еще одну выписку, принципиально важную и многое объясняющую как в самом Ленине, в отношении его к России, к русскому народу, к русской культуре (все-таки великой культуре), так и к сущности того, что произошло в России под названием Великой Октябрьской революции. Вы, старухи с авоськами, пикетирующие возле Музея В. И. Ленина, равно как и возле Мавзолея, дабы защитить эти «святилища», вы, оболваненные коммунистической пропагандой «ветераны», выходящие на митинги в защиту Ленина с портретами этого «завоевателя», стоявшего посреди России по колена в крови, — вчитайтесь и вдумайтесь в нижеследующие слова:

«Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура.

Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов...» (Т. 45, стр. 95–96.) По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян. Не только русских (хотя русских в первую очередь). Много потеряла людей Украина, Туркестанскому краю (узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены) установление советской власти, большевистское насилие стоило 38 % населения. Десятки миллионов людей выморены искусственным голодом.

Понимал ли он своим гаснущим умом, что он наделал? Возникали ли в его размягченном, превратившемся в зеленую жижу мозгу видения и образы людоедства и детоедства? И все это ради блага народа? Ради светлого будущего? Чушь!

Кто-то хорошо сказал, что смерть одного человека — это смерть человека, а смерть миллионов — это просто статистика.

В его отношении к людям, к миллионам людей, обреченных на погибель, было что-то от, скажем, рыбаков, забрасывающих трал (или невод) и вычерпывающих рыбу десятками, сотнями, тысячами тонн. Не жалеют же рыбаки каждую отдельную рыбину, как живой организм, умерщвляемый ими. Но для того, чтобы равнодушно исчислять рыбу на тонны, надо быть как минимум не рыбой. Точно так же для того, чтобы оперировать миллионами умерщвляемых людей, надо быть как минимум не человеком.

Таким не человеком и был Ленин.

«…Наличный хлебный паек уменьшить для неработающих по транспорту… Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена».

«Страна» — это он и его власть. Страна до него существовала 1 000 лет и не гибла.

В уничтожении миллионов людей проявилось его презрение к людям вообще и к человеку в частности. Люди для него — масса, сырье, ресурсы, глина, из которой он пробовал что-то слепить. Ему сказали, что если насилие над народом рассчитано надолго, то народ не выдержит.

«Ничего, — ответил мудрый Ильич. — Народ привыкнет».

Он был способен провоцировать, провозглашать лозунги без их осуществления, лгать, завоевывать, разрушать, возглавлять террор и дезинформацию, но когда дело доходило до того, чтобы созидать, улучшать, возрождать, решать сложные положительные задачи и проблемы, он оказывался бессильным банкротом. Он не знал никаких способов и методов управления, кроме насилия, принуждения, тюрьмы, лагерей и расстрелов.

Некоторые считают, что перед смертью Ленин одумался и унес с собой в могилу рецепты, которые могли бы спасти положение, страну.

Это глубокое заблуждение. Ссылаются на введенный Лениным НЭП. Но Боже мой! НЭП — это жалкая пародия на обыкновенную, нормальную российскую дореволюционную действительность с бурной торговлей, с изобилием товаров, с восемнадцатью тысячами ярмарок, с елисеевскими магазинами, филипповскими булочными, с чайными, трактирами, сенокосами, хороводами…

Ради чего же было пролито столько крови? Ради того, чтобы у власти стоял он, Ленин, со своими большевиками, захватившими эту власть.

Кроме того, в письме Л. Б. Каменеву в марте 1922 года он пишет:

«Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Бредовая, людоедская идея уничтожить в конечном счете 90 процентов внутренне непокорного российского населения, чтобы 10 процентов дожили до мировой революции, не оставляла Ленина до конца.

Вернемся к определению личности Ленина Советским энциклопедическим словарем.

«Великий вождь и учитель трудящихся всего мира».

Но спросим сами себя: каких трудящихся всего мира и куда он повел? Ведь слово «вождь» от

слова «вести». Ни в одной стране трудящиеся за ним не пошли. Тогда почему же он — великий вождь трудящихся всего мира? Учитель? Но чему он научил или учит трудящихся всего мира? И почему же они так нерадиво воспринимают его учение? Не хотят революций, не хотят социализма, не хотят контроля, учета и распределения. А там, где «захотели» под влиянием КПСС и огромных денежных инъекций (Эфиопия, Албания, Куба, Ангола, Вьетнам и др.) или под воздействием военной силы (Румыния, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия), там неизбежно разваливалась экономика, хирело земледелие, падал жизненный уровень, выхолащивалась культура, окостеневали мозги.

Пора признаться, что формула «великий вождь и учитель трудящихся всего мира» — это фикция, которая в мозгах советских (бывших советских?) людей сидит по инерции. А трудящиеся всего остального мира даже не знают, что у них есть великий вождь и учитель

— Ленин. Может быть, знают только небольшие группы (партии) коммунистов (заговорщиков), вскормленные и вспоенные на деньги КПСС, то есть на деньги, отнятые у россиян (включая все народы, населявшие СССР).

— Но все же согласитесь, — говорят иногда оппоненты, — что он — гений. Этого у него не отнимешь.

Да почему же он — гений? Только потому, что нам с детства это внушали всеми средствами пропаганды, организованными в общем-то или же им самим, или его сообщниками, его партией, во всяком случае.

В Москве 66 мемориальных досок, посвященных Ленину. Кто-нибудь взялся бы и сосчитал, сколько в стране памятников Владимиру Ильичу. Я думаю, что десятки тысяч. Кто-нибудь взялся бы и сосчитал, сколько в стране разных наименований, связанных с ним: городов, поселков, районов, колхозов, совхозов, школ, библиотек, заводов, фабрик, электростанций, пароходов, ледоколов, площадей, проспектов, улиц, домов культуры… Я думаю, сотни тысяч. Да еще эти Ленинские комнаты в каждой воинской части, в каждой казарме, в каждой школе, не в каждом ли детском садике…

Кто-нибудь сосчитал бы тиражи его портретов, висящих в каждом высокопоставленном учреждении (кабинет директора завода, кабинет секретаря обкома, райкома, любой кабинет), кончая собесами и домоуправлениями.

А эти глупейшие изречения: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», «Социализм — это учет» (в бухгалтериях), «Социализм без почты и телеграфа — пустейшая фраза» (в отделениях связи), «Из всех искусств важнейшим для нас является кино» (в каждом кинотеатре), «Газета не только великий агитатор, но и великий… организатор» (в каждой редакции), «Мы придем к победе коммунистического труда» (на городских домах, поперек улиц, на площадях, на заводских цехах). ПРИШЛИ.

И вот, несмотря на такое всеобщее, массовое, тотальное изнасилование людского сознания, человеческой психики, — дрогнула глыба, пошла трещинами, посыпалась осколками, обломками. Кончаются наваждение и ослепление, и увидели при свете дня, что никакая это не бронза, никакое это не золото, а мираж, муляж, папье-маше, засушенная мумия.

Почему же он — гений? Что гениального он написал, что читали и перечитывали бы люди из поколения в поколение? Может быть, он открыл закон земного притяжения (как Ньютон), периодическую таблицу (как Менделеев), вращение Земли (как Галилей), подарил человечеству вакцину против бешенства и обеззараживания (как Пастор), изобрел телеграф,

телефон, фонограф, электрическую лампочку (как Эдисон), открыл туберкулезную палочку (как Кох), написал «Фауста» (как Гете), «Божественную комедию» (как Данте), десятки трагедий (как Шекспир), изобрел радио (как Попов и Маркони), летательный аппарат (как братья Райт), открыл теорию относительности (как Эйнштейн)…

Ничуть не бывало. Он был марксистом. То есть воспринял учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса и попытался применить это учение на практике. Но тогда следует ряд вопросов.

Были ли гениями сами Карл Маркс и Фридрих Энгельс? Если Ленин был гением, то как же он не понял, что марксизм это вовсе не наука, а утопия? Что осуществить на практике эту утопию невозможно?

Иначе почему же вот уже полтора столетия (с опубликования Коммунистического манифеста) она нигде, ни в одной стране мира не находит осуществления?

Утопичность марксизма сейчас доказана и является такой же аксиомой, как дважды два. Все нормальные экономисты, политики, публицисты, все негении поняли несостоятельность этого учения, а гений Ленин не понял.

А я думаю вот что. Утопичность и несостоятельность марксизма он, думаю, понимал. Но эта утопическая «наука» нужна была ему как прикрытие, как теоретическое обоснование для захвата власти, сокрушения России и распространения своей власти на весь земной шар.

Для того, чтобы понять всю бессмысленность и бесплодность этой авантюры, вовсе не надо быть гением, а для того, чтобы не понять этого, нужно было быть ослепленным фанатиком. Захватив власть в России, ждать, что через 2–3 недели вспыхнет мировая революция, это вовсе не гениальность, а обыкновенная глупость, если, конечно, не сознательный обман.

Экстремистам-злоумышленникам, большевикам лгать пришлось с самого начала, чтобы хоть как-то оправдать свое пребывание у власти и все бесчинства, связанные с этим.

Им с самого начала пришлось лгать и лгать, так что в последующие десятилетия ложь стала в стране законом жизни и тем самым дополнительно сверх всяких мер развратила население нравственно и морально. Ложь была нужна большевикам и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, в том, что группа экстремистовполуинтеллигентов провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства, в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение людей выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание…

На самом деле, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему, большевики использовали порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи. На протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком во много слоев, шло хищническое опустошение недр, выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек благородных рыб, и все на продажу, все мимо коренного населения, шло маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей, шло погубление уникальных на земном шаре воронежских

черноземов, отравление уникального Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов гектаров травоносных пастбищных степей (целина).

Дело в том, что Россия, народы, населяющие Россию, вернее, благополучие и благосостояние этих народов или хотя бы спокойное существование их никогда не были целью большевиков. Они рассматривали Россию только как средство для удовлетворения своих политических (утопических) амбиций, только как плацдарм для совершения мировой революции и создания всемирной коммунистической системы.

В одной из своих ранних речей Лев Давыдович Троцкий произнес, что Россия как таковая их не интересует, что Россия для них — это только охапка дров (по другой редакции — охапка хвороста), которую они подбросят в костер мировой революции.

У них был очень точный рецепт власти, принуждения к труду и ограбления народа. Учет и распределение. Все, что есть в государстве, сосредоточить в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Это и есть принуждение, это и есть власть.

Проводя в жизнь эту дьявольскую идею, большевики уже в 1919 году начали выкачивать весь хлеб из деревни, чем вызвали, с одной стороны, голод и людоедство, поголовную детскую смертность, а с другой стороны, множество крестьянских восстаний, которые топились в крови. Тем не менее Ленин оказался прав: благодаря хлебной монополии и распределению большевикам удалось удержаться у власти. Тогда Ленин и произнес эту в общем-то саморазоблачающую фразу: «Мы Россию завоевали, теперь нам надо научиться Россией управлять».

Мог бы возникнуть вопрос: «Но если вы не умеете управлять страной, зачем же вы ее захватили?» В 1921 году, на съезде РКП(б) в докладе по хозяйственным вопросам (доклад по политическим вопросам делал сам Ленин) Лев Давыдович Троцкий говорил приблизительно следующее (существует опубликованный в 30-е годы стенографический отчет об этом съезде):

«С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью. А чтобы принуждение было менее тягостным, мы должны быть четкими в обеспечении инструментом, инвентарем…» Эта идея о трудовых армиях приобрела в конце концов очертания и облик лагерей тридцатых-сороковых годов.

Нужно различать лагеря 1918, 1919–1921 годов, вплоть до 30-х и лагеря после тридцатых годов. Ранние (назовем их так) лагеря, начиная с «Соловков» (СЛОН-Соловецкий лагерь особого назначения), устраивались с узкой целью уничтожения людей. Они потому и назывались концентрационными. Концентрировалась в одном месте определенная часть населения: духовенство, земство, интеллигенция, офицерство, дворянство, купечество… В лагере эти люди непрерывно уничтожались, и непрерывно же везли все новых и новых людей.

Конечно, и в трудовых лагерях 30-х годов люди тоже мерли как мухи, но все же цель истребления людей была там на втором месте, на первом же месте была работа. Это они, заключенные, построили Беломорканал, канал Москва-Волга, канал Волгодон, город Ухту с ее нефтепромыслами, город Воркуту с ее угольными шахтами, город Норильск, с его металлургией. Город Новокузнецк, Турксиб и другие железные дороги. Это они работали на золотых приисках, на урановых и других рудниках и вообще на всех стройках Сибири и Заполярья. Это они круглогодично валили лес и сплавляли его по рекам…

Производительность труда у них была не столь высока, как если бы это был свободный труд, но ведь это был труд фактически бесплатный, за пайку хлеба и за блюдо лагерной жидкой похлебки.

Государство все равно не оставалось внакладе. Если не считать, конечно, людскую убыль. Но о количестве населения большевики, захватившие страну, не заботились. Они правильно считали, что чего-чего, а людей в России на их век хватит. А может быть, даже была и такая задняя мысль: чем меньше будет населения, тем лучше. Ведь самих-то их было относительно мало.

В то время, когда арестовывали людей (не партийную элиту, которая арестовывалась из других соображений, да и сколько там было этой партийной элиты, она исчислялась тысячами, в то время как трудовые армии-лагеря исчислялись десятками миллионов заключенных), итак, когда в то время арестовывали людей, другие, еще не арестованные люди спрашивали сами себя: за что? Да ни за что. Просто там, в сибирских лагерях, нужны были рабочие руки.

У Сергея Воронина, писателя из Ленинграда, есть автобиографическая повесть о том, как он находился в лагере. Он там, будучи тоже заключенным, возглавлял пожарную лагерную команду. И вот ему понадобились два специалиста-пожарника. Прежние, очевидно, умерли. Он, по существующим правилам, написал заявку, и через две-три недели прибыли в его команду два специалиста-пожарника. И тогда Сергея Алексеевича осенило: да ведь их арестовали где-то там в Воронеже или в Астрахани по его заявке! Не потому что они в чем-то виноваты, а потому что понадобились лагерю два пожарника.

Для строительства железных дорог, каналов («великие стройки коммунизма»), городских домов (Солженицын, будучи заключенным, строил дом в Москве), самолетов (Туполев, авиаконструктор, и все его конструкторское бюро работали в заключении), таежных и заполярных городов, в рудниках и на лесоповале работали трудовые армии, принявшие форму лагерей. Но — крестьянство? Крестьяне ведь должны трудиться не в тайге и не в тундре, а тут же, на своей земле, в своих бесчисленных деревнях и селах. Для крестьян была найдена особая, изощренная форма порабощения и принуждения к бесплатному труду: коллективизация и колхозы.

Академик В. А. Тихонов в своем предисловии к роману Бориса Можаева «Мужики и бабы» пишет о коллективизации:

«Речь шла фактически о хлебе. Более 80 процентов валового урожая, три четверти всего товарного хлеба в те времена… давал уже середняк (то есть зажиточный крестьянин). В выступлениях И. В. Сталина того времени можно четко проследить логику его политики по отношению к крестьянству, которую он и не считал нужным вуалировать: стране нужен хлеб; этот хлеб теперь у среднего крестьянина. Крестьянин согласен отдать хлеб только в обмен на промышленные товары, которых у государства нет. Чтобы их иметь, надо развивать промышленность, а для этого нужен хлеб. Замкнутый круг! И надо разорвать его. Как? Мы не можем за бесценок взять хлеб у крестьянина, но… можем взять его у колхоза. Значит, надо немедля объединить крестьян в колхозы, а по отношению к тем, кто сопротивляется, применить антикулацкие законы, для чего подвести зажиточных крестьян под категорию кулака… Нельзя забыть, каких жертв — социальных, психологических и человеческих это стоило». (ТИХОНОВ В.А., академик ВАСХНИЛ. Журнал «Дон», э 1, 1987, стр. 20–21.) Академик прав: главная цель у государства была — бесплатно отбирать у крестьян весь хлеб и распоряжаться им по своему усмотрению.

Хлопотно и неудобно отбирать хлеб у каждого крестьянина, уж очень очевидным было бы

ограбление крестьян, другое дело — колхоз.

Крестьянин (колхозник) уже психологически не считал колхозный хлеб своим, а значит, не столь болезненно-жалко было с ним расставаться.

Придумали даже «первую заповедь», по которой сначала немедленно после уборки урожая хлеб нужно везти и сдавать государству. Придумали «Красные обозы», и вот свой же родной хлеб, выращенный на родной земле, с красными флагами (а кое-где и с музыкой) увозили из колхоза на ссыпные пункты. И никто не видел, что тут не праздник, не торжество, но самое очевидное издевательство.

Заметим, что платило государство колхозам за зерно 70 копеек за центнер, то есть за сто килограммов. Молоко вообще сдавали бесплатно.

Где-то, кем-то было решено, что от каждой крестьянской коровы надо отдать 412 литров молока. И вот бабы, идя с «полден», то есть из пасущегося стада, где они доили своих коров, шли с полными ведрами парного молока туда, где в центре села стоял с металлическими бидонами «сливач», и сливали в эти фляги все свое молоко. Он увозил его на молокозавод, там из молока откачивали сливки, а жиденькую, синенькую водичку возвращали в село и раздавали колхозникам. Называлась эта водичка «обрат». То, что возвратилось обратно.

Были годы, когда колхозникам в нечерноземной полосе (а это большая часть России) выдавали за их работу на колхозных полях по 3–5 копеек в день.

Конечно, устроители колхозов (не будем уж говорить о том, что пришлось уничтожить 10 процентов крестьян — шесть миллионов крестьянских хозяйств, около пятнадцати миллионов человек, — чтобы остальные пошли в колхозы, не будем этого касаться, это особая тема), конечно, устроители колхозов догадывались, что производительность земледелия резко упадет. Что из того? Пусть меньше, но зато ведь совершенно бесплатно!

А чтобы колхозники не разбегались от бесплатного, унизительного труда, не за совесть, а за страх, у них были отобраны паспорта (их вернули только в семидесятые годы).

Западному человеку может быть непонятна эта история с паспортами. В других странах паспорт вроде как бы и не нужен, разве что поехать в другую страну.

Революционеры-экстремисты в своей дореволюционной пропаганде тоже считали паспорт орудием насилия и порождением ненавистного царского режима. Однако, захватив власть, они первым делом ввели обязательные паспорта. А как же осуществлять учет и контроль? Более того, они ввели понятие, которого нет ни в одной стране мира, — прописка. Каждый человек обязан (это существует и до сих пор) жить только там, где он прописан, не имея права менять место жительства. Ну, вот. А у крестьян паспорта отобрали. Казалось бы, это — свобода. Но без паспорта в нашей стране нельзя ни устроиться в гостинице, ни — главное — устроиться на работу. Человек без паспорта — это человек без каких бы то ни было прав. Чтобы закончить с этой «паспортной» темой, напомним, что и в самые беспаспортные времена колхозники ухитрялись исчезать из деревни. Было два основных способа: подкупить председателя колхоза («за бутылку»), чтобы он выдал справку на получение паспорта, и, во-вторых, деревенские парни, отслужив в армии, получали паспорта и в колхоз уже не возвращались. В семидесятые годы паспорта были разрешены, но к этому времени деревня уже полуопустела.

Итак, мы видим, что трудовые армии приняли две формы: собственно трудовых лагерей и колхозов. И там и там господствовал принудительный и фактически бесплатный труд. Но не надо думать, что принудительный и бесплатный (почти бесплатный) труд существовал только в

колхозах и лагерях. Учет, контроль, принуждение в той или иной форме распространялись на всю страну, на все сферы труда. Приведу один конкретный пример.

Однажды мне попался один документ о Ханты-Мансийском национальном округе. Там было написано:

«За счет рационального освоения угодий (а надо сказать, что ханты, как и манси, из века в век занимались только охотой и рыболовством) охотники сдают (заметьте это словечко — сдают) ежегодно по 200 белок, 25–30 соболей и куниц, более ста штук ондатры, 200–500 штук боровой и водоплавающей дичи».

Это то, что каждый охотник повез бы в прошлом на ярмарку и свободно там продавал бы по установившимся рыночным ценам. Но теперь он сдает свою добычу государству, стараясь выполнить годовой план. А годовой план он старается выполнить, чтобы получить свою зарплату в 200–300 рублей (впрочем, меньше). А годовой план ему «спущен» в рублях. То есть он должен добыть разной дичи в год на 1200 рублей. И вот, чтобы получилось 1200 рублей, он сдает 200 белок, 25–30 соболей и куниц, 100 ондатр, да еще 500 штук боровой и водоплавающей дичи. А теперь попробуйте купить у государства хотя бы одного соболя.

Так что же это, если не наглый грабеж бедных ханты и манси. (Раньше они назывались — вогулы и остяки.) Но это касается не только ханты и манси, ненцев-оленеводов, охотников Алтая и Уссурийского края, Якутии, рыбаков, добывающих семгу и нельму, осетров и стерлядь, омуля и горбушу, пелядь и сосвинскую селедку, трепангов и крабов, красную и черную икру. Всюду добытчики этих ценнейших рыб получают грошовые зарплаты, а добычу свою «сдают» государству за бесценок, а государство зарабатывает на этом тысячи и десятки тысяч процентов.

Когда говорят, что повысилась техническая оснащенность охотничьего и рыболовного хозяйства, это вовсе не означает, что охотники и рыболовы имеют теперь больше соболей или нельмы, но государство их руками все больше и больше вычерпывает из лесов и рек.

Однажды я беседовал с ответственным работником ЦК Узбекистана. Он мне сказал: «Мы ежегодно отгружаем вам в Москву 7000000 каракулевых шкурок.

— Кому это — вам? — удивился я — Я лично не видел в Москве ни одной каракулевой шкурки.

— Они идут на мощь государства, — уточнил ответственный работник».

Значит, вот какие дела. А мощь государства зачем нужна? Чтобы сохранить эту систему выкачивания из земли и народа нефти, газа, алмазов, золота, всевозможных руд, пушнины, ценной рыбы и всеговсего, чем богата (чем была богата) наша земля.

Мне много приходилось ездить по стране, постепенно из разговоров с руководителями областей и районов у меня сложилось представление, что из всего, что произвели район, область, город в денежном выражении за год, им на нужды района, города, области, на благоустройство, строительство жилья, дорог и т. д. и т. п. государство возвращало не более 3 процентов. Остальное, как метко выразился узбек, — на мощь государства.

Так, заставляя все население принудительно и почти бесплатно трудиться, превратив всю страну фактически в единый трудовой лагерь, осуществляя учет, контроль и распределение, государство ежегодно сосредоточивало в своих руках несметное количество денег. Если бы оно действительно заботилось о благе народа, как о том прожужжала нам все уши пропаганда, то люди не стояли бы десятилетиями в очереди за жильем, за автомобилем, за холодильником, за

стиральной машиной, за билетом на поезд или на самолет... Японцы высчитали, что одних якутских алмазов хватило бы построить коттедж каждому жителю нашей страны!

Куда же шли эти несметные деньги? На мощь государства?

Допустим. Но разве может считаться мощным государство, если люди, населяющие его, бедствуют? Конечно, часть денег уходила на военную мощь, часть — на исследование космического пространства, часть на пропаганду утопических и ложных идей, часть на содержание управленческого аппарата, который насчитывает, как стало известно, около двадцати миллионов человек. Ведь надо же все учесть, а потом все распределить. А пока учитываем и распределяем, половина сгниет, распылится и расхитится.

Среди управленческих и идеологических, политпросветительных организаций были вовсе бесполезные, как, например, ВЛКСМ, а то и вредные, как, например, Госплан.

Вы только представьте себе: есть ЦК ВЛКСМ, где работает (бездельничает) около 2000 человек, в Москве же, тут же, есть обком ВЛКСМ, горком ВЛКСМ, множество райкомов ВЛКСМ. Кроме того, в каждой области страны есть обком ВЛКСМ, в каждом городе страны есть горком ВЛКСМ, в каждом районе есть райком ВЛКСМ, а в каждой республике есть ЦК ЛКСМ... И все эти люди ничего не производят, не принося никакой пользы обществу, но лишь — поглощают.

Что касается Госплана, то это учреждение на протяжении десятилетий было главным тормозом в повышении производительности труда. Поясню свою мысль.

Вот работает фабричка по изготовлению, скажем, зубных щеток.

Этой фабричке Госплан «спускает» план: изготовить столько-то зубных щеток. Но, спрашивается, откуда работники Госплана, сидя в Москве, на проспекте Карла Маркса, могут знать производительные способности тысяч, десятков тысяч фабрик, производящих мыло, мужские трусы, галстуки, стиральные машины и все-все остальное? Не шпионов же засылать на каждую фабрику. Госплан поступал очень просто. Он брал результат прошлого года и добавлял «напряжение» — 5, 10 процентов.

Теперь поставьте себя на место директора фабрики. Он знает, что в новом году ему добавят «напряжение», так будет ли он в этом году стремиться сделать как можно больше? Ни в коем случае. Ведь если сделать очень много, из последних сил и возможностей, на будущий год все равно добавят «напряжение», и тогда не выполнить план. А это значит — прощай, нормальная зарплата, прощай, премиальные. Более того, если в середине года начнешь улучшать технологический процесс (то есть продукцию), начнешь на ходу перестраиваться, опять-таки не выполнишь план со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Куда еще шли несметные деньги, отобранные у населения? На создание и развитие призрачной, утопической всемирной коммунистической системы. Содержание компартий в десятках стран, содержание коммунистических газет, всех этих «Юманите», «Унита» «Аванте», прямая поддержка тех стран, где в результате государственных переворотов пришли к власти «левые» силы. До последних дней (не знаю, как сейчас) в одну только Кубу СССР ежедневно вваливал 20 миллионов долларов. Ежедневно! А сколько было ввалено в свое время в Индонезию, в Египет, в Конго, в Анголу, в Никарагуа, в Эфиопию, во Вьетнам, в Китай, в Южный Йемен, не говоря уж о странах Восточной Европы. Ну, ладно, если бы на этих советских «харчах» страны и народы добивались процветания. Напротив. Где бы ни насаждалась социалистическая система, сразу же резко падал уровень жизни, начиналось

«преодоление трудностей», «пережитков». Так было в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше… Особенно это заметно там, где одна страна оказывалась разделенной на две. Вспомним про «тайваньское чудо». В ФРГ жизненный уровень оказался в несколько раз выше, чем в ГДР, а в Южной Корее в одиннадцать раз выше, чем в Северной. Куба — единственная страна в регионе, живущая по карточкам. В Эфиопии — голод.

ГДР, кстати сказать, считалась самой развитой и передовой из «социалистических» стран. И вот она воссоединилась с основной Германией, и что же оказалось? Оборудование на заводах чуть ли не военного, а то и довоенного образца, все его нужно менять. Дороги изношены, технология устарела…

Все это в стократном размере приложимо и к СССР.

Совершителями «революции» и создателями государства, «великим» Лениным создавалась конструкция, система хозяйствования, не рассчитанная на длительный срок ее использования. Россия, как уже было сказано, была лишь трамплином к мировой революции, вроде ракеты-носителя в современных космических кораблях. Вывести на орбиту и отвалиться. Большевики собирались пройти по миру триумфальным шествием.

Триумфального шествия, как известно, не получилось. Народы Европы не захотели совершать революций, не захотели строить утопического социализма. Более того, социализма не получилось даже в тех странах, где он был навязан силой — в послевоенной Восточной Европе. Но Россия в целях мировой революции была захвачена, Россия была изнасилована, Россия была обескровлена, Россия была опустошена и разграблена. В России была создана система хозяйствования, рассчитанная на выкачивание ее богатств и ресурсов.

Когда на Беломорканал прибывала новая партия заключенных (на место полегших костьми), считалось (об этом во всеуслышание сказал один крупнейший руководитель ОГПУ), что новые заключенные им нужны только на первые три недели, то есть пока у них есть еще силы работать. Через три недели рабочая сила превращалась в отбросы. Это касалось не только Беломорканала, но и лесоповальных работ и работ в рудниках и на строительстве железных дорог.

Что же, живых людей хватало на три недели? России в целом хватило на более долгий срок, на семьдесят лет, после которых она сама вся превратилась в отброс.

Земледелие и скотоводство, вообще все то, что называется сельским хозяйством, находится в самом плачевном состоянии. Не напрасно же государство ежегодно покупает на чистое золото хлеб в США, Канаде, Австралии, Аргентине. И с каждым годом все больше и больше. Когда-то казалась чудовищной цифра — 20 000 000 тонн, теперь давно уж и далеко перешагнули за тридцать.

В одной только Российской Федерации (не считая просторов Белоруссии, Украины, Молдавии, Прибалтийских государств, казахско-узбекских высокогорий) около ста миллионов травоносных лугов, на которых и шумели раньше яркие, веселые сенокосы. Сейчас все эти луга заросли кочками и мелким кустарником, фактически выпали из земледельческого обихода. Если в Голландии, скажем, один гектар луга дает около 20000 условных кормовых единиц, то в РСФСР — 500–600 кормовых единиц, то есть, можно сказать, ничего. Да оно и понятно:

современными российскими лугами просто невозможно пользоваться, да и некому их косить. Земля десятки лет не видела навоза. Она кое-как поддерживается допингом химических удобрений, что умерщвляет не только почву как биологический организм, но и малые реки (а

через них и большие), перелески, а затем и леса. Исчезли тысячи пасек, ушли с полей в большей или меньшей степени разнообразные ценные культуры:

гречиха, лен, вика, клевера, горох, репа, бобы, конопля, горчица, хмель, фасоль, рожь, просо… Но и то, что земля родит, наполовину остается в земле. Урожай остается неубранным либо невывезенным и пропадает. Я сам видел несколько лет назад, как на Полтавщине запахивали тракторами огромные поля с прекрасными, зрелыми помидорами: некому было их собирать, не на чем было их вывозить и, главное, некуда было их вывозить — не нашлось заводов для переработки этих земных плодов. В Молдавии, в крупном совхозе, мы ходили по совхозному саду, земля в котором в четыре слоя была покрыта опавшими спелыми сливами:

некому убирать, не на чем и некуда увозить…

Российская деревня обезлюдела. Колхозники разбежались в города. Исчезли с лица земли десятки тысяч деревень. Либо осталось по 2–3 дома, в которых доживают старушки. Не считая уже исчезнувших, в РСФСР сейчас около миллиона пустых деревенских домов. Земля вокруг них заросла крапивой и горькими лопухами. Произошло то, что современная публицистика называет «раскрестьяниванием» России.

Я знаю, что естественный процесс исчезновения маленьких хозяйств характерен и для других стран. Но там этот процесс порождает пусть более редкие, но зато более крупные, крепкие и богатые хозяйства.

У нас же он порождал только лопухи да крапиву. Да еще необходимость покупать хлеб за границей. Трактора, комбайны, автомобили, другая сельскохозяйственная техника простаивают из-за отсутствия запчастей, а то и горючего.

На грани катастрофы находится транспортное хозяйство страны.

Железнодорожные пути, протянутые еще до революции либо в тридцатые годы, изношены. По недавнему заявлению предсовмина, необходимо срочно заменить 25 миллионов износившихся шпал. Но ясно, что никто их в ближайшее время не заменит. Железные дороги и авиалинии не справляются с потоками пассажиров. Отсюда — очереди за билетами, грязь в вагонах, многочасовые опоздания поездов, многодневные сидения пассажиров на вокзалах и в аэропортах (нет горючего), проблема уехать или улететь в другой город. Участились железнодорожные аварии. И лучшего пока не предвидится. В городах не хватает гостиниц. Получить место в гостинице невозможно. Получить жилье — люди стоят в очереди десятилетиями. Невозможно купить автомобиль, мотоцикл, велосипед, холодильник, пылесос, стиральную машину, мебель, электрическую лампочку, малярную кисть, белила, олифу, кровельное железо, кирпич, доски и бревна, стекло, ботинки, плащ, меховую шапку, бутылку пива, крупу, макароны, молоток, гвоздь, телевизор, костюм (либо шерсть на костюм), любое лекарство, начиная с аспирина, не говоря уж о прочих медикаментах. Больницы и родильные дома заражены стафилококком (отсюда чудовищная детская смертность), больные лежат в коридорах, питание на уровне Освенцима, в парикмахерских столицы запрещено клиентов брить (боязнь заразы), прилавки магазинов удручающе пусты, нависает угроза голода, дефицита электроэнергии, обогрева жилищ…

Страна практически непригодна для жизни. Во всяком случае, для нормальной человеческой жизни.

Такова расплата за семидесятилетний, принудительный, почти что бесплатный труд. Они надеялись превратить все население в бессловесных послушных рабов, а превратили его в

инертную массу, в государственных иждивенцев, бездельников и — как результат — в алкоголиков и в уголовных преступников. Я не хочу сказать, что все люди в нашей стране бездельники либо алкоголики. Но произошло самое страшное: отчуждение людей от земли, от результатов труда, от заинтересованности в результатах труда, произошло отчуждение их от государства. Люди утратили экономическую память.

Теперь еще одна грань нашей действительности, грань кровавая и непредсказуемая по своим последствиям.

Дело в том, что советское правительство насиловало и эксплуатировало не только коренное русское население, но и все народы, населяющие огромную и некогда богатую страну. О том, как грабились охотничьи народы Севера (и их среда обитания), я уже показал на примере с ханты и манси. В годы установления советской власти народы Средней Азии (Туркестанский край, а теперь: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркмения) потеряли около 40 процентов населения. В Казахстане в годы коллективизации были истреблены миллионные табуны лошадей, многомиллионные отары овец. Таджикам и узбекам была навязана вместо их садов, бахчей, виноградников монокультура — хлопок. Культура трудоемкая, связанная с применением химии, с орошением, а платило государство за хлопок в десятки раз меньше его нормальной цены на мировом рынке. Монокультура изменила не только экономику, но и экологию этих республик. Исчезли полноводные реки Сырдарья и Амударья, умерло Аральское море.

Монокультура изменила уклад жизни, быт народов. Женщины, ранее занимавшиеся только семьей и домом, все вышли на поля. Надышавшись химией, угнетенные непосильным, однообразным, подневольным трудом, узбекские и таджикские женщины стали рожать неполноценных детей, и отмечается в этих местах ежегодно по 200–300 случаев самосожжения женщин. То ли в виде протеста, то ли в результате изменения психики под воздействием химии и плантаторского труда.

Какой бы народ ни взять из многочисленных больших и малых народов, каждому из них советская власть что-нибудь навязала.

Среднеазиатским республикам — хлопок, грузинам — чайные плантации, армянам — электростанцию на озере Севан, в результате чего уровень озера упал на 14 метров, Азербайджану — нефтепромыслы, молдаванам картошку на месте виноградников, казахам и хакасам — распаханные земли (целина) вместо степных привольных пастбищ, киргизам — зимнее содержание в горах вместо откочевки в долины… Кроме того, всем народам была навязана письменность на основе русского алфавита (вместо, скажем, арабской вязи, как это было у мусульманских народов, или вместо латинского алфавита, как это было у молдаван).

В результате всего этого в сознании народов, в их психологии произошел сдвиг: все, что несла им советская власть (так называемая советская власть), они стали валить на русских. Хлопок им навязали — русские, чайные плантации навязали — русские (а, между прочим, еще Николай II запретил разводить в Грузии чай из соображений, что чай чрезвычайно трудоемкая «плантаторская» культура и что он не хочет, чтобы грузины изнуряли себя на чайных плантациях. Он предпочитал покупать чай в Китае). Севан испортили — русские, Арал погубили — русские… И в самом деле: правительство находится ведь в Москве, а Москва — город русский.

Но разве и западные деятели, западная пресса не путали эти два понятия: советские и русские. Только и слышишь: русские танки в Афганистане, русские подавили венгерскую революцию, — вместо: большевики в Афганистане, большевики подавили… А между тем собственно русские

страдали от большевиков в первую очередь и в гораздо большей степени, нежели остальные народы. Достаточно взглянуть со всех точек зрения (жизненный уровень, экономика, даже внешний вид земли) на РСФСР, чтобы, убедиться в этом.

У «льдины» начали во всех отношениях, включая прирост населения, тяжелеть края и начала истончаться середина. Естественно, что отяжелевшие края начали отламываться. Процесс кровавый, и результаты его непредсказуемы. Сейчас все сходятся на том, что страна в тупике. Из тупика, по самому определению этого слова, нельзя выехать движением вперед, на то он и тупик. Надо дать задний ход, а потом подумать, в каком направлении двигаться. У американцев есть поговорка: чтобы дать машине задний ход, ее надо хотя бы на секунду остановить.

Вот мы остановились, оглядываемся, до какой жизни мы дошли. Но остановка катастрофически затянулась. И никто (я имею в виду правительство) не хочет давать задний ход. Хотят ломиться вперед, а из этого ничего не выходит. Колеса крутятся, а машина стоит на месте и даже сползает в пропасть.

Сейчас положение нашей страны и ее населения я сравнил бы с человеком, который находился долгое время под наркозом и вот наконец освобождается от наркоза, приходит в себя. В себя-то он приходит, оживает, но дело в том, что, пока он находился под наркозом, хирурги-экспериментаторы, а проще сказать, хирурги-злодеи и преступники перепутали внутри все органы. Поменяли их местами, многие и вовсе удалили, либо пересадили лишние и ненужные организму органы.

Картина жуткая, но, думается, я нисколько не преувеличиваю и не сгущаю краски, уподобляя сегодняшнее наше состояние состоянию этого посленаркозного больного. Насколько будет жизнеспособным пробудившийся к жизни организм? И будет ли он жизнеспособным? И восстановимы ли те внутренние связи в организме, которые были нарушены и перепутаны хирургами-экспериментаторами?

В жизни государства, общества, точно так же, как и в природе или, вот именно, в живом организме, многое восстанавливается быстро, а многое — веками.

Скажем, «целину», то есть травостойные степи Казахстана в количестве 20 000 000 гектаров распахали (испортили) за одну весну, а залечивать эту рану природе (если бы ей дали такую возможность) пришлось бы 3000 лет. Вот испортим, отравим уникальный Байкал, а сколько тысячелетий потребуется земле воссоздать его в первозданном виде. Воронежские черноземы накапливались по миллиметрику, по крупице десятками тысячелетий, а развеяли их по ветру очень быстро.

Жир или соединительные ткани накапливаются в организме быстро, а нервные клетки очень медленно, а некоторые не восстанавливаются совсем.

Русская интеллигенция, подарившая миру десятки замечательных имен во многих областях искусства и науки, складывалась веками, психология русского человека — тоже, его характер — тоже.

Восстановимо ли это все, а если восстановимо, то сколько времени потребуется на это?

Наконец, я должен коснуться еще одной проблемы, оставшейся в наследство от Ленина и существующей в стране. Эта проблема как бы скрыта от глаз людей, она как бы «подводна», но она существует и — что еще более печально — будет существовать неопределенно долгое время, и нет очевидного способа ее разрешить.

В отличие от многих я утверждаю, что в СССР государственного антисемитизма нет. Покажите мне еврейских детей, которых не взяли в школу, потому что они еврейские дети. Либо юношей-евреев, которых не приняли бы в институт по той же причине. О каком государственном антисемитизме может идти речь, если в столице государства четверть населения — евреи. Если в Московской писательской организации евреев около 80 процентов, а в других творческих союзах, как-то: в Союзе композиторов, Союзе художников, Союзе кинематографистов, Союзе журналистов, а также в Московской филармонии, в Москонцерте, на Мосфильме, на телевидении — этот процент не ниже, а быть может, и выше. Десятки, сотни тысяч учителей, врачей, кандидатов и докторов наук — евреи. Недавно были опубликованы данные, будто евреев в СССР 0,69 процента. Но это не так. Израильский закон говорит, что евреем считается каждый, кого родила еврейская мать. Если же еврей отец, то сын его тоже должен считаться евреем, но после уточнения факта отцовства. Если исходить из этого положения, то евреев в СССР не 0,69 процента, а между десятью и пятнадцатью миллионами человек. Дело в том, что большинство евреев по паспорту значатся русскими, украинцами, узбеками, грузинами и т. д. Скажем, известный писатель Ю. Трифонов по советскому паспорту значился русским, но по израильскому правилу был евреем, потому что его родила еврейская мать.

Я ограничусь этим примером, хотя мог бы перечислить десятки своих коллег, которые, подобно Трифонову, статистически не входят в 0,69 процента, на самом же деле принадлежат, к еврейской нации.

Григорий Свирский, вероятно, и по паспорту значился евреем (то есть входил в 0,69 %), ибо он больше и громче других обличал антисемитизм в СССР. Мой однокурсник Наум Мандель (Коржавин), уже будучи в эмиграции, написал даже о Свирском шутливое стихотворение, как Свирский переехал в Израиль и как ему сразу стало нечего делать: нет антисемитов и не с кем бороться. Но даже ведь и Григорий Свирский спокойно окончил Московский университет, издавал романы (например, «Ленинский проспект»), стал членом СП СССР и был в Московской писательской организации видным партийным деятелем (членом парткома). Его жена тоже окончила университет и стала кандидатом наук.

О каком же антисемитизме может идти речь?

И все же в декларациях Свирского против антисемитизма, как и в постоянно возбуждаемом вопросе об антисемитизме, есть свой резон.

Сведения о роли, которую (вольно или невольно) сыграли евреи в осуществлении Октябрьской революции, а главнее того, в первые годы утверждения и господства большевизма в России, в годы «красного террора», вообще руководства страной по крайней мере до середины 30-х годов, сведения об этой роли просачивались в сознание коренного населения и раньше. Теперь же, с наступлением гласности и (относительной) свободы печати эти смутные сведения превращаются в знания. Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Урицкий, Каменев, Володарский, Войков, Литвинов, Менжинский, Ягода… Сотни имен, которые бессмысленно перечислять. Скажем, в первом составе Совета Народных Комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2, в Военном Комиссариате 34:9. Да из этих девяти еще 8 латышей. В составе ЧК русских двое, а евреев 43, комиссаров в губерниях русских 1, а евреев 21.

И так далее, и так далее во всех сферах управления и руководства страной. Конечно, вся эта правда об истории Октябрьской революции и советской власти, становясь достоянием широких масс коренного населения, не может улучшать отношения его (коренного населения) к совершителям и сотворителям всех по существу своему антинародных акций, начиная с убийства царской семьи, кончая семьюдесятью миллионами расстрелянных без суда и

следствия, уморенных голодом или непосильным лагерным трудом. Закрытие и разорение 92 процентов церквей и монастырей, уничтожение в одной только Москве 450 старинных (и прекрасных) храмов, обесцерковление всех городов России (где было 30–40 храмов, осталось по 3–4), все это в народном сознании также связывается, увы, с евреями, с их властью в стране.

При всем этом можно категорически, не греша против истины, утверждать, что прямого, открытого проявления антисемитизма в стране все же нет, если иметь в виду именно население, а не отдельные случаи.

Ни в метро, ни в магазинах (кинотеатрах, театрах, учреждениях), ни на собраниях, ни в быту, ни на рынках, ни в ресторанах (где люди разогреты парами алкоголя) открытого, прямого проявления антиеврейства нет.

Тогда что же есть? О чем же вести разговор? А есть — отношение. Есть обоюдный ледяной холодок, который ощущается сам по себе, на расстоянии, подобно холодку, которым тянет от айсберга, от большой ледяной глыбы. Его-то, этот холодок, и ощущал, очевидно, Григорий Свирский, борясь с антисемитизмом. Я думаю, что, положа руку на сердце, Свирский не мог бы назвать случая, чтобы его кто-нибудь когда-нибудь обозвал, толкнул, ругнул, а тем более — ударил. Ничего этого не было, но было лишь подспудно ощущаемое отношение или, даже вернее, сознание этого отношения. И жить, конечно, становится менее уютно.

Государство может своими способами и средствами (закон, милиция, армия, наконец) защитить ту или иную социальную либо национальную прослойку населения, будь то бюрократический аппарат, номенклатура или евреи, но государство не может заставить сто миллионов, двести миллионов коренного населения полюбить номенклатуру либо евреев, равно как нельзя заставить евреев полюбить коренное население.

Эта проблема существеннее продовольственной проблемы (продовольствие на прилавках магазинов может в конце концов появиться), существеннее экономических, земледельческих проблем (они тоже могут в конце концов нормализоваться). Эта проблема существеннее даже кровавых межнациональных проблем. В конце концов (хотя бы гипотетически и теоретически) за столом переговоров можно уточнить и закрепить границы между Азербайджаном и Арменией, Грузией и Осетией, можно стабилизировать обстановку в этих регионах на десятилетия или больше, но то, о чем заговорил я, невозможно решить никакими переговорами (кого с кем?). Никакими уточнениями границ (где эти границы?). Тут не властен и временной фактор. Эта проблема будет существовать всегда, вечно, пока существует коренное население и пока существует самоизолирующаяся от него составная современного общества.

В первые послереволюционные годы эту проблему решали жесточайшим подавлением и физическим уничтожением коренного населения, смертельным страхом, превращением народа в безликое, послушное население, в бессловесных, неосведомленных, недумающих рабов. Некоторых экстремистов и сегодня соблазняет этот путь, они не видят никакого другого способа решения проблемы. Впрочем, пассивное и подспудное отрицательное отношение, нелюбовь, неприязнь они квалифицируют как активное и воинствующее начало, называя его шовинизмом и черносотенством.

В журнале «Бюллетень Спартаковцев» осенью 1990 года читаем:

«Перекованная интернационалистическая Коммунистическая партия может быть создана в СССР только в ходе безжалостной борьбы против великорусского шовинизма (не правда ли, сразу слышится ленинская интонация? — *В. С.*). В первую очередь это означает защиту евреев

от поднимающегося потока антисемитского террора, очистку улиц от новых черносотенцев прямыми действиями пролетариата». (Где террор? — спросим мы. — Кого-нибудь ударили, обругали, уволили с работы, исключили из школы, подожгли дачу? И при чем тут действия пролетариата? Какого пролетариата? Уж не считают ли себя пролетариатом педагоги и медики, киношники и литераторы, эстрадники и художники, технари-кандидаты и доктора наук, сотрудники бесчисленных НИИ (научно-исследовательских институтов и т. д. и т. п.)?

Однако, продолжим цитату: «Даже те, кто прячется за самым „утонченным“ русским национализмом (то есть, уточним от себя, те, кто не скрывает, что он русский, кто открыто говорит, что он любит свой народ, свою русскую культуру, историю, причем любит ее не в ущерб уважению к другим народам и культурам), представляют собой смертельно опасную засаду на пути к решению национальных антагонизмов…» Как поступают со смертельно опасными засадами, известно каждому.

Таким образом, мы видим, что проблема «национальных антагонизмов» уходит в перспективу, необозримое будущее, и ее никак нельзя сбрасывать со счетов, думая и говоря о будущем государства, точнее сказать, о будущем государстве. Каким оно будет? Это пока область фантазирования и гадания.

Вывод можно сделать только один: большевики, возглавляемые «вождем и учителем трудящихся всех стран», своего добились. С Россией как могучим, богатейшим, просвещенным государством покончено, если не навсегда, то очень и очень надолго.

Что касается конкретно персонажа нашего очерка, то не могу во второй раз в своей литераторской жизни не обратиться к заключительным абзацам книги «В. И. Ленин», написанной публицисткой Дорой Штурман, родившейся в Харькове, а теперь живущей в Иерусалиме, потому что лучше не скажешь:

«Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение? Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит здесь от того, каков был истинный, глубокий, интимный стимул его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью, — что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из грандиознейших политических побед в истории. Но если для него в самом последнем и личном счете не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то, в расплывчатом и неопределенном „далеко“ осчастливить человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение».

С горечью приходится признать, что все же он одержал «одну из грандиознейших политических побед», ибо никогда, даже и в ранней молодости, он не собирался осчастливливать человечество. Таких исходных побуждений у него не было. Как можно мечтать о счастье людей, не только не любя их, или хотя бы как-то к ним относясь, но просто-напросто за людей их не считая. Масса, объект и поле деятельности для эксперимента, для удовлетворения собственных целей, амбиций. Как может психически и нравственно нормальный человек устраивать людям счастливую жизнь, уничтожая их десятками миллионов?

В марте 1992 года в одной московской газете было опубликовано интервью с человеком, получившим доступ к архивам, а именно с Б. М. Пугачевым. Он в этом интервью произнес о

Ленине определяющее слово, которого я почему-то не употребил в этой книге. Он говорит: «Письма Ильича характеризуют его как человека крайне жестокого, более того, как человеконенавистника. Примеры? Пожалуйста. Вот, скажем, письмо с указаниями Ленина: в случае отступления красных из Баку он требует сжечь город со всем населением».

Да, он добился, чего хотел: власти, сокрушения ненавистной ему России, мести царскому дому. Он (хотя и с нарушением всех правил игры, с презрительным смехом над этими правилами) все-таки выиграл свою игру, свою партию.

Следовательно, он чувствовал себя счастливейшим человеком?

Если может чувствовать себя счастливым человек в расцвете лет (54 года), умирающий от прогрессивного паралича. Припартийный деятель Е. Драбкина свидетельствует, что в последний год своей жизни «Ленин часами сидел в одиночестве и часто плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды».

А между тем в его сейфе, как пишет журналист В. Родиков хранилась чудовищная реликвия: заспиртованная голова Николая II:

«После смерти Ленина была создана комиссия, чтобы описать документы и бумаги, находившиеся в его сейфе. В комиссию входил узкий круг лиц:

Дзержинский, Куйбышев, Сталин… Вскрыли сейф, а там… сосуд с заспиртованной головой Николая II» (Журнал «Чудеса и приключения». 1992. № 4–5, стр. 68).

Как в Древнем Египте, каждый новый фараон не считался наследником предыдущего, а считался сыном и наследником непосредственно бога Ра, так у нас каждый глава государства, генсек, считался наследником и продолжателем великого Ленина, верным ленинцем. Про Сталина мы просто говорили, что это — Ленин сегодня.

Ни Маленков, ни Хрущев не были наследниками Сталина, они были — верные ленинцы. Брежнев не мог быть продолжателем дела Хрущева, хотя бы потому, что он разоблачил Хрущева как волюнтариста. Брежнев был верным ленинцем. Стоит ли говорить, что верными ленинцами были Андропов и Черненко. Горбачев много раз заявлял, что он сделал свой выбор еще в молодости, чуть ли не в детстве, и что он всегда будет верен марксизму, ленинизму, социализму.

Таким образом, на Владимира Ильича Ленина ложится вина не только за все, что он натворил лично с 1917 по 1924 год, но за все, что, идя по его пути, исполняя его заветы, натворила созданная им партия.

Если бы судить лично Ленина, то хватило бы для смертного приговора убийства, например, безвинной царской семьи или одного безвинного Гумилева, но мы должны сформулировать обвинение по пунктам.

Невольно придется кое в чем повторить самого себя же, но ради четкости и полноты формулировок с этим надо смириться. Итак, партия большевиков РКП(б), ВКП(б), КПСС, созданная Лениным как инструмент власти и насилия, виновата:

1. …в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а позднее разогнала Учредительное собрание, то есть беззаконным насильственным путем захватила власть в Российской к тому времени уже республике.

2. …в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента…

3. …в том, что, увидев, что 90 процентов населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения…

4. …в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны…

5. …в том, что, ради удовлетворения своих политических амбиций, именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства царской семьи, невинных детей и женщин…

6. …в том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства…

7. …в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: восстания Путиловское, Колпинское, Ижорское, Кронштадтское, Ярославское, Рогачевское, Астраханское, Ижевское, Пермское, Пензенское, Тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии…

8. …в том, что именем партии было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (расказачивание России), когда войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женщинами и детьми…

9. …в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквах и монастырях…

10. …в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя…

11. …в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями …

12. …в том, что по всей стране было разрушено более 90 процентов монастырей и храмов, а в одной только Москве 450 храмов, включая великую святыню России — Храм Христа Спасителя…

13. …в том, что в 1929–1930 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением 6 миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане, многомиллионных табунов, отар и стад…

14. …в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками,

а плодородных лугов — кочками и кустарником…

15. …в том, что, имея целью не процветание своего государствами народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему и для того используя порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком в тридцать слоев, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все — на продажу, и все — сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек — благородных рыб, и все — на продажу, все — мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов гектаров травоносных пастбищных степей (целина)…

16. …в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи десятки миллионов человеческих жизней…

17. …в том, что система насилия, угнетения, бесправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к тотальному расцвету преступности…

18. …в том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача… (Насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берии…)

19. …в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, партия лгала на протяжении семидесяти с лишним лет и, продолжая во многом лгать и сегодня, приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (полуинтеллигентов) — экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства.

Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое…

20. …в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и небезмолвные изымались и уничтожались)…

21. …в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на 3/4 погибли: немцы Поволжья, чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки…

22. …в том, что, имея целью утопическую (то есть неосуществимую) идею мировой революции и мировой коммунистической системы, партия содержала десятки «дочерних» партий и режимов с их партийными газетами, тоталитарными структурами в различных странах мира, пытаясь разложить народы, натравить одну часть народа на другую, что приводило к братоубийственным кровопролитиям, террору, дестабилизации, а там, где удавалось добиться хоть частичного успеха, — к развалу экономики, голоду, обнищанию…

23. …в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

Итак, двадцать три пункта обвинения.

Встать, суд идет!..

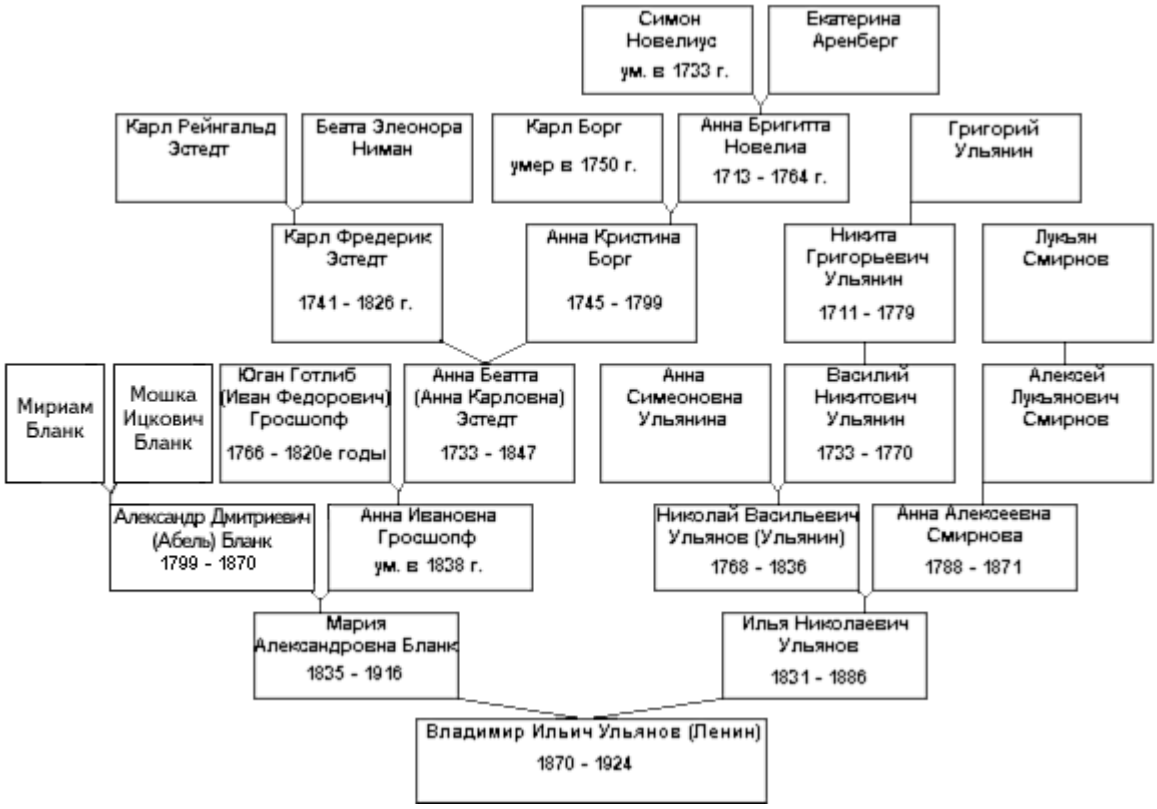
Если бы было так. Но никогда никакого суда не будет. Некого судить, да и что толку судить. Миллионы погубленных не вернешь.

Разграбленные и разбазаренные богатства не вернешь. Высочайшую духовность российского общества, культуру, красоту земли, доброту, величие России, нераспятую, неистерзанную Россию не вернешь. Не потому ли все чаще всплывают в памяти и про себя твердятся слова русского поэта, изгнанника, тоже жертвы все тех же черных, дьявольских сил:

Поздно, поздно, никто не ответит,
И душа никому не простит.

Родословная Владимира Ильича Ульянова (Ленина)

Генеалогическое древо Ленина

Примечания:

1. Генеалогическое древо приводится по очерку М. Штейна «Род вождя» («Вождь. Ленин, которого мы не знали», Саратов, 1992 г.)

2. Национальность бабушек и дедушек Ленина:

по матери: Александр Бланк — еврей, Анна Гросшопф — наполовину немка, наполовину шведка (или шведская еврейка)

по отцу: Николай Ульянов — калмык, Анна Смирнова — калмычка (по обоснованному предположению В.Солоухина бабушка Ленина Анна Смирнова является родной дочерью своего мужа — дедушки Ленина Николая Ульянова. В малолетнем возрасте Анна Смирнова (по рождению — Александра Ульянова) была удочерена мещанским старостой Алексеем Смирновым)

Таким образом, в Ленине нет ни единой капли русской крови. Бросающиеся в глаза признаки вырождения в семье Ленина являются, скорее всего, следствием кровосмесительного брака его дедушки и бабушки по отцу.

3. Дополнительная информация по предкам Ленина:

Карл Рейнгальд — перчаточник в г. Упсале

Симон Новелиус — шляпник в г. Упсале

Григорий Ульянин — крепостной крестьянин

Карл Фредерик Эстедт — ювелир, родился в 1741 г. в Упсале, умер в 1826 г. в Санкт-Петербурге

Карл Борг — шляпник в г. Упсале

Анна Кристина Борг — умерла в 1799 г. в Санкт-Петербурге

Никита Григорьевич Ульянин — крепостной крестьянин

Алексей Лукьянович Смирнов — астраханский мещанский староста

Юган Готтлиб Гросшопф — консультант Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел

Анна Симеоновна Ульянина — крепостная крестьянка

Василий Никитович Ульянин — крепостной крестьянин

Мойша Ицкович Бланк — иудей из Одессы

Александр (Абель) Бланк — медик-хирург, акушер, статский советник, крещеный еврей

Анна Ивановна Гросшопф — умерла в Санкт-Петербурге в 1838 г.

Николай Васильевич Ульянов (Ульянин, Ульянинов) — портной, астраханский мещанин

Мария Александровна Бланк — домашняя учительница

Илья Николаевич Ульянов — директор народных училищ, действительный статский советник.